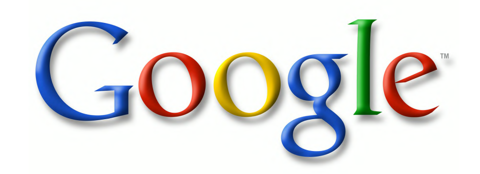
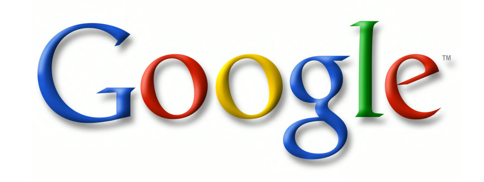
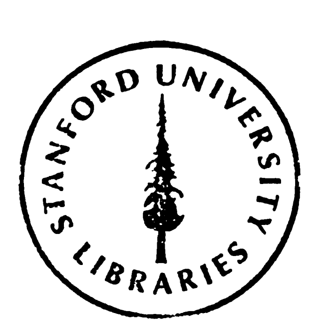

ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

СОБРАЛЪ

СОТНИКЪ А. И. МЯКУТИНЪ.

ИЗДАНІЕ

ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Б. Бресвина.

1904.

ПѢСНИ
ОРЕНБУРГСКИХЪ
КАЗАКОВЪ.

I.

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

СОБРАЛЪ

СОТНИКЪ А. И. МЯКУТИНЪ.

ИЗДАНІЕ

ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Б. Бреслина.

1904.

Печатано по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ

всѣхъ казачьихъ войскъ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО.

Цѣль настоящаго изданія, печатаемаго по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенанта Я. Ф. Барабашъ и подъ редакціею Начальника Войскового Штаба, генералъ-маіора барона Ѳ. Ѳ. Таубе, сохранить въ памяти потомства историческія пѣсни Оренбургскихъ казаковъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онѣ поются нынѣ.

Между собранными пѣснями встрѣчаются нѣкоторыя, не исключительно Оренбургскія; обстоятельство это объясняется какъ историческимъ прошлымъ Оренбургскаго казачьяго войска, такъ и вѣковою связью съ другими казачьими войсками.

Въ настоящемъ изданіи сдѣлана попытка указать болѣе или менѣе точно, къ какому событію относится каждая изъ записанныхъ пѣсенъ, что иногда представляло большія затрудненія вслѣдствіе неимѣнія подробной исторіи Оренбургскаго казачьяго войска. Благодаря этому, здѣсь очень легко могли вкрасться нѣкоторыя неточности и даже ошибки.

Всѣ пѣсни размѣщены въ хронологической послѣдовательности. Названіе событія, къ которому отнесены пѣсни, помѣщено сбоку текста. Заглавіе же, поставленное надъ пѣсней, относится только къ ней одной. Всѣ пѣсни, принадлежащія къ одному заглавію, обозначены буквами русскаго алфавита; варіанты же пѣсенъ отмѣчены тѣми же буквами, но со значками.

Около тридцати пѣсенъ взято изъ напечатанныхъ уже источниковъ, въ большинствѣ случаевъ какъ дополненіе къ помѣщеннымъ въ сборникѣ варіантамъ, на что сдѣлано указаніе вь своемъ мѣстѣ. Пѣсни эти или теперь поются въ войскѣ въ искаженномъ видѣ, или же вовсе не поются, но помѣщены здѣсь, какъ относящіяся къ исторіи Оренбургскаго войска.

Заглавіе книги „ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ“ избрано не потому, что всѣ помѣщенныя въ сборникѣ пѣсни составлены Оренбургскими казаками, а потому, что

онѣ поются въ настоящее время въ войскѣ или тѣсно связаны съ исторіею Оренбургскаго казачества.

Настоящій сборникъ представляетъ изъ себя первую часть предпринятаго Оренбургскимъ казачьимъ войскомъ изданія трудовъ сотника А. И. Мякутина. Во вторую часть войдутъ собранныя имъ же въ Оренбургскомъ войскѣ бытовыя пѣсни, не имѣющія опредѣленнаго историческаго характера, но представляющія большую цѣнность съ точки зрѣнія изученія бытовыхъ условій родного казачества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стр.

Царь Іоаннъ Грозный собирается въ походъ.

Какъ никто-то про то не знаетъ, да никто не вѣдаетъ,
Далеко ли нашъ православный Царь собирается,
Во которую сторонушку да онъ хорошохонько снаряжается:
Во Казань—городъ, или Астрахань, или во матушку во дикую степь;
Самъ-то идетъ и меня съ собой беретъ.
Ахъ какъ мнѣ-то, молодцу, съ нимъ въ степь итти не хотѣлося,—
Хотѣлось мнѣ, добру молодцу, во Москвѣ побыть, при дворцѣ служить,
При дворцѣ служить передъ самимъ Царемъ;
Мнѣ не жалко было бросить свою сторону,
Разжальчѣе мнѣ всего батюшкинъ зеленый садъ:
Во саду стоятъ три деревца и всѣ три разныя:
Первое деревио кипарисное,—кипарисное деревцо вродѣ батюшки родного;
Второе деревцо яблонька кудрявая,—кудрявое деревцо вродѣ мамоньки родимой;
Третье деревцо грушица зеленая,—эта грушица вродѣ моей душечки—молодой жены.

Ст. Разсыпная, нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ (1902 г.) и казакъ Никифоръ Клишинъ 66 лѣтъ (1903 г.).

Покореніе Казани въ 1552 г..

А. Ужъ вы, люди, люди стародавніе!
Молодые молодцы, вы, казаченьки!
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна Царя Ивана Васильевича:
Онъ походомъ подходилъ подъ Казань—городъ,
А подкопы подконалъ подъ Казанку, подъ рѣку;
Что татары же по городу похаживали,
Что грозна Царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что тутъ-то нашъ грозный Царь прикручинился:
Онъ повѣсилъ буйную головушку на правое плечо,
Опустилъ глаза во сыру мать—землю,
Онъ велѣлъ, Государь, пушкарей сзывать,
Пушкарей сзывать, зажигальщиковъ,
Онъ велѣлъ скоро казнить, скоро вѣшати.
Какъ нашелся изъ нихъ молодой пушкарь:
„Не изволь, Государь, казнить—вѣшати,
Позволь, Государь, мнѣ рѣчь говорить.“
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча загоралася,
Бочка съ порохомъ разлеталася,
Что погибло татаръ сорокъ тысячъ и три тысячи.

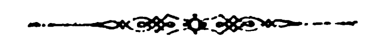
Ст. Нижнеозерная, 1903 г., бомбардиръ Василій Стрижевъ 56 лѣтъ.

А: Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Что не сизый орлище встрепенулся,
Что не грозная туча поднималася,
На Казанское Царство наплывала—
Какъ изъ сильнаго Московскаго царства
Поднимался Великій князь Московскій,

Что Иванъ, батюшка, Васильевичъ,
Онъ со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Какъ онъ,Грозенъ Царь,подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчушку подъ Казанку подкопы подводилъ,
Подъ другую сторону Сулая—рѣчки сорокъ бочекъ закатилъ
Со лютымъ зельемъ, со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи восковыя;
Зажегши свѣчи, сами прочь отошли.
Злые татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя, батюшку, Ивана Васильевича поддразниваютъ:
„Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать!"
На то Грозный Царь распрогнѣвался:
„Подавай мнѣ пушкарей казнить—вѣшати!"
Какъ нашелся изъ насъ молодой пушкарь:
„Не изволь, Государь, насъ вѣшать—казнить;
Позволь, Государь, намъ рѣчи говорить.
Наружи—то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Подъ землей-то онѣ не скоро горятъ."
Не успѣлъ пушкарь словъ досказать,
Стало бочки рвать, землю нарозно метать.

Ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

Отголосокъ взятія Казани въ народной пѣснѣ.

Соловей кукушку
уговаривалъ:
„Полетимъ, кукушка,

во зеленый садъ;
Мы совьемъ, кукушка,
тепло гнѣздышко;
Выведемъ, кукушка,
двухъ дѣтенышей,—
Тебѣ кукуренка,
а мнѣ соловья,
Тебѣ для забавы,
а мнѣ распѣвать.“
Мальчишка дѣвченку
звалъ, обманывалъ,—
Звалъ, обманывалъ,
уговаривалъ:
„Поѣдемъ, дѣвченка,
въ Казань—городъ жить,—
Казань—городъ славный,
на горѣ стоитъ,
Близъ Казани рѣчка
съ медомъ протекла,
Быстры ручеечки—
съ сладкой водочкой.“
«Врешь ты, врешь, мальчишка,
врешь, обманываешь:
Сама я казанка,
въ Казани жила,
Казань—городъ подлый,
подъ горой стоитъ,
Близъ Казани рѣчка
кровью протекла,
Быстры ручеечки—
съ горькою слезой.»

Ст. Оренбургская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Михаилъ Леонтьевъ.

Атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ собираетъ дружину для покоренія Сибирскаго царства.

Какъ на Волгѣ, на рѣкѣ, да на Камышинкѣ
Казаки, братцы, живутъ, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со яицкими;
Атаманомъ у нихъ, братцы, былъ
Все донской казакъ—Ермакъ Тимоѳеевичъ,
Есауломъ былъ Асташка, сынъ Андреевичъ.
Не золота труба, братцы, вострубила имъ,
Не она звонко возговорила рѣчь—
Возговорилъ рѣчь Ермакъ Тимоѳеевичъ:
„Ой вы, братцы мои, атаманы—молодцы!
Вы послушайте меня, Ермака,
Да крѣпку думушку заедино попридумайте:
Какъ проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ, братцы, зима холодная;
Куда, братцы, мы зимовать пойдемъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть,
На Яикъ итти—переходъ великъ,
Подъ Казань итти—грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь стоитъ, Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ стоитъ рать великая,
Рать великая—въ сорокъ тысячей!
И намъ всѣмъ, казаченькамъ, быть половленнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшенному.
Зазимуемъ, братцы, всѣ мы въ Астрахани,
А зимою, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда, братцы, во походъ пойдемъ
И заслужимъ передъ грознымъ Царемъ мы вину
свою.“

Выписана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ 1-го выпуска „Казачьяго Сборника“ 1887 года.

ЕРМАКЪ.

Гибель Ермака въ 1584 году.

Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи блестали,
И безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣды, громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
„Вы спите, милые герои,
Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу васъ, на смерть зовущій.
Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать долженъ лишь о томъ,
За Русь святую погибая:
„Мы не напрасно въ мірѣ жили,
Намъ смерть не можетъ быть страшна,—
Свое мы дѣло совершили,
Сибирь Царю покорена."
Кучумъ, презрѣнный царь Сибири,
Прокрался тайною тропой,
И пала грозная дружина,
Не обнаживъ своихъ мечей.
Ермакъ воспрянулъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ брега челны.
Иртышъ волнуется сильнѣй...

Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
Своей могучею рукой
Сѣдыя волны разсѣкаетъ...
Тяжелый панцырь, даръ Царя,
Сталъ гибели его виною,
И, въ бурны волны Иртыша,
Онъ погрузилъ на дно героя.
Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія сверкала;
Вдали чуть слышно громъ гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало....

Ст. Нижнеозерная, вахмистръ Степанъ Ситниковъ (1902 г.), урядникъ Владиміръ Гришинъ (1902 г.), урядникъ Василій Боровинъ (1903 г.); ст. Богуславская, подъесаулъ Г. М. Ѳаддеевъ (1903 г.); ст. Пречистенская, казакъ Василій Анисимовъ (1902 г.); ст. Міясская, урядникъ Михаилъ Соколовъ (1902 г.); записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ и во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Побоища яицкихъ казаковъ съ кочевниками на р. Утвѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій.

А. За Утвинскими горами
Какъ распахана была тамъ пашенка,
Пашня яровая.
Какъ не плугомъ она была спахана
И не сохою—
Какъ распахана была пашенка
Казачьими копьями;
Какъ засѣяна была легкая пашенка
Не ржой, не пшеницей—
Какъ засѣяна была эта пашенка
Казачьими головами,
Заборонована была эта легкая пашенка
Коневыми копытами.

Какъ засѣялъ эту легку пашенку
Одинъ младъ полковникъ;
Какъ засѣявши эту легку пашенку,
Онъ слезно заплакалъ:
„Ты расти, расти, легка пашенка,
Расти зеленѣйся!
На поливочку, моя легка пашенка,
Не надѣйся!“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ 58 лѣтъ.

A' За Утвинскими горами
Тамъ да распахана была легка пашенка;
Чѣмъ да распахана?
Распахана она не плугомъ, не сохою.
Чѣмъ да распахана эта легка пашенка?
Казачьими копьями.
Чѣмъ да засѣяна эта легка пашенка?
Не ржою она, не пшеницею.
Чѣмъ да засѣяна?
Казачьими головами.
Чѣмъ заборонена?
Конскими копытами.

Ст. Карданловская, 1899 г., бомбардиръ Сергѣй Каргушовъ.

A'' Какъ за рѣченькой было за быстрою за Утвою,
За славными было за Утвинскими за горами,

Распахана была тамъ пашенка яровая.
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою;
Взборонована была та пашенка не бороною.
Распахана эта пашенка не плугомъ, не сохою—
Распахана была пашня булатными копьями;
Взборонена она была коневыми копытами.
Не рожью была, братцы, засѣяна, не пшеницею—
Засѣяна была, братцы, казачьими головами.
Засѣялъ ее добрый молодецъ, самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодецъ, самъ повѣдалъ:
„Ты расти, моя пашенка, зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка, не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что съ неба дождичекъ,
Иль источитъ горьки слезы мать родная."

Выписана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ 1-го выпуска „Казачьяго Сборника" 1887 года.

Набѣги яицкихъ казаковъ на Хиву въ началѣ XVII столѣтія.

То не ясные соколики солеталися,
Не хивинскіе визирюшки союзжалися—
Сходилися, союзжалися добры молодцы,
Добры молодцы, преяицкіе казаченьки.
Собиралисъ казаченьки на зеленый лугъ,
Становилисъ казаченьки во единый кругъ,
А и думали казаченьки думу крѣпкую:
„Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберемъ походнаго,
Есаулушку мы выберемъ залетнаго."
Атаманъ говоритъ, что труба трубитъ,

Есаулъ говоритъ, что свирѣль свиститъ:
«Еще долго ль намъ, ребятушки, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребятушки, караулъ держать?
Мы Дарью пройдемъ рано съ вечера,
А Кубанъ—рѣку пройдемъ во глуху полночь,
А въ Хиву придемъ на бѣлой зарѣ;
Мы хивинскому визирюшкѣ не покоримся,
Мы хивинскому визирюшкѣ не поклонимся,
Съ его младыми женами познакомимся,
А покоримся, поклонимся Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Благовѣрному.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Стрижевъ 62 лѣтъ; ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ; записалъ въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ также и подъесаулъ Л. Г. Чернявскій.

Сидѣніе атамана Заруцкаго съ Мариною Мнишекъ на р. Яикѣ (1614 г.).

Ты Яикъ, Яикъ—быстра рѣченька!
Издалека течешь ты мутнехонько,
Позади себя оставляешь ты:
Въ одну сторону круты яры,
Въ другу сторону желты пески,—
Круты яры обрывчатые,
Желты пески разсыпчатые.
Ахъ, бывало мы, казаки—братцы,
На твоихъ волнахъ лихо плавали
На легкихъ судахъ за добычею
За персидскою, за хивинскою.
Ты, Яикушка, золотое дно!
На твоемъ на днѣ, у крута яра,
У крута яра у дуваннаго,
У дуваннаго, у Маринкина,

Лежитъ лодочка позатоплена
Съ золотой казной со Маринкиной,
Въ Москвѣ каменной ей награбленной.
Ты теки, теки, нашъ Яикушка,
Ты корми, корми насъ удалыхъ,
Добрыхъ молодцовъ, слугъ вѣрныхъ
Царя—батюшки благовѣрнаго!

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Отраженіе донцами приступа турецко-татарскаго войска на Азовъ.

Какъ во славномъ было городѣ въ Аникеевѣ;
Собиралося тамъ собраньице, собраніе не малое,
Тамъ не малое собраньице—только орда крымская,
Орда крымская бусурманская;
Собиралася орда крымская во единый кругъ,
Во единый кругъ орда крымская, на зеленый лугъ;
Они думали крѣпку думушку заедино.
Принимала-то она только орда крымская да свою присягушку:
Цѣловала-то она у вострой шашечки только жало вострое;
Принявши она да свою присягушку, только вся на-конь сѣла,
Вся на-конь-то сѣла, только орда крымская заталалакала,
Заталалакавши, только орда крымская вся на ура пошла,
На ура пошла подъ Азовъ—городъ,
Подъ тѣхъ ли добрыхъ молодцовъ, донскихъ казаковъ....

Послѣ этого на побѣгъ пошла,
За большимъ бугромъ становилася
И между собой расхвалилася.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ и урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года

Пѣсня про князя Голицына

А.

Не куличенька куликаетъ, по лужкамъ гуляетъ-
По лужкамъ, лужечкамъ князьГолицынъ гуляетъ,
Не одинъ онъ по лужкамъ гуляетъ, гуляетъ
со полками,
Со полками—съ нами егерями.
Мы думали--гадали: гдѣ намъ лучше ѣхать?
Лѣсомъ ѣхать—будетъ темно,
Лужками—будетъ топко,
Ѣхать—не ѣхать улочкой Тверскою,
Улочкой Тверскою, славной слободою.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ поселкѣ Губерлинскомъ.

А'.

А не куличенька по болоту куликаетъ—
Какъ самъ большой князь Голицынъ по луж-
камъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздитъ—гуляетъ, со полками,
Что со тыма со полками, съ конными егерями.
Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ
--гадаетъ,

Ужъ какъ думаетъ—гадаетъ, сромышляетъ:
„Оне гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
Если полюнкомъ ѣхать, ему очень князю пыльно;
Если лѣсушкомъ князю ѣхать, ему очень страшно;
Что болотамы князю ѣхать, ему было грязно;
Что Москвою князю ѣхать, ему было стыдно:
Что поѣду я,князьГолицынъ,Ямскою—Тверскою,
Что Ямскою-Тверскою, глухимъ переулкомъ.“
Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
Скидываетъ-то князьГолицынъ шапочку соболью,
Становился онъ, князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился самому Государю всѣхъ ему пониже:
„Ужъ ты здравствуй, нашъ Государь Императоръ!
Оне жалуешь насъ, Государь, малыми чинами,
Оне жалуешь насъ, Государь, мелкими селами,
Пожалуй-ка, Государь, Малымъ—Ярославцемъ.“
—Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ тебѣ прилюбился?—
„Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы.“

(„Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ,“ 1864 г., ч. III, стр. 272. Записана въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда отъ Леонтія Богданова.)

Возстаніе Стеньки Разина (1668-1671 года).

A. У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу;
Породился удалъ добрый молодецъ
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,

Онъ съ нами, казаками, не говаривалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голытьбою:
„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы казны сколько надобно,
Поѣдемъ, братцы, во каменну Москву,
Купимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
Купивши цвѣтно платье, навизъ поплывемъ!“

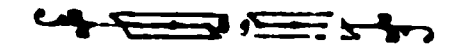
Ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

Б. Какъ на морьицѣ, на взморьицѣ
Стоялъ воровской корабль;
На кораблнкѣ стоялъ раскрашенъ чердакъ,
Во чердакушкѣ стоялъ золотой бунчукъ,
Во бунчукушкѣ стоитъ царско знамечко;
У знаменушки стоялъ часовой съ ружьемъ,
Онъ не старъ и не младъ—лѣтъ семнадцати,
Да по имечку звать Степанушкой,
По прозваньицу Стенька Разинъ сынъ.
Нашъ Степанушка во кружокъ не хаживалъ
Да и съ нами, казаками, рѣчь не говаривалъ,
А теперича нашъ Степанушка
Во кружокъ взошелъ и рѣчь возговорилъ:
„Да гдѣ же мы, братцы, зимовать будемъ:
На Яикушкѣ или на восходъ пойдемъ?“

Ст. Донецкая, 1903 г., казакъ Александръ Инякинъ; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Клишинъ 62 лѣтъ; ст. Нижнеувельская, 1902 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы; записана также и подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

В. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ легка лодочка плыла косная;
Изукрашена та лодка тонкими бѣлыми парусами;
На ней два веселица распашныя.
Какъ во этой во лодочкѣ сидѣлъ удалъ добрый молодецъ,
Къ Астраханскому городочку подплывалъ.
Ужъ онъ слазилъ изъ легкой лодочки по Астраханскому городочку погулять.
Ужъ онъ шелъ—прошелъ по улицѣ,не качивался,
Онъ съ богатыми людьми не кланялся,
А съ простыми мужиками черну шляпу не ломалъ.
Астраханскій воевода въ окошечко его увидалъ,
Подъ окошечко подзывалъ и выспрашивалъ:
„Ты скажи-ка чей, дѣтина? чьего роду-племени?"
«Я сродства свово не знаю, только слышу по народу: «Стеньки Разина сынокъ.»
Воевода закричалъ,—полиціи приказалъ взять Разина, посадить его въ тюрьму.
«Астраханскій воевода, твоей тюрьмы я не боюсь:
По камешку я ее разберу, я заутра жъ ее разберу,
А тебя, воевода, къ себѣ въ полонъ возьму.»
Вдругъ подула тутъ погода—Стенька выплылъ изъ тюрьмы.

Ст. Раздырная, 1903 г., казакъ А. Дементьевъ.

В.' Что во городѣ было во Астрахани;
Отколь взялся, проявился чужъ-незнакомый человѣкъ.

Онъ по городу идетъ-съ купцами не здоровается,
А самому-то губернатору челомъ ему не бьетъ,
Какъ самой-то губернаторшѣ онъ кланяется.
Тутъ призвалъ же губернаторъ слугу вѣрнаго свово:
„Вы подите, приведите; чей, откудова такой?
Вы поставьте мнѣ его на парадное крыльцо;
Вы придите и доложьте, что его мы привели.“
И выходитъ губернаторъ на парадное крыльцо.
„Ты откуда проявился, чужъ-незнакомый человѣкъ?“
«Я со матушки со Волги, Стеньки Разина сынокъ.»
„Вы идите, уведите въ бѣлокаменну тюрьму.“
Какъ узналъ же все объ этомъ, Стенька Разинъ приплывалъ,
И говорилъ же Стенька Разинъ: „Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику раскладу.“
И пріѣхалъ Стенька Разинъ къ губернатору на дворъ.
„Вы пойдите, приведите мнѣ любезнаго сынка,
А вмѣсто сына уведите губернатора туда.“
И пошли и увели губернатора туда,
А оттуда привели Стеньки Разина сынка.
„Ты, любезный, ты, сынъ мой, губернаторшу возьмемъ съ собой.“
И оттолкнулся Стенька Разинъ вдоль по Волгѣ, по рѣкѣ,
Вдоль по Волгѣ, по рѣкѣ, на родиму сторону.

Ст. Устьуйская, 1901 г., урядникъ Тимоѳей Шаминъ.

В. Чей, откуда такой добрый молодецъ,
Незнакомый парень, человѣкъ?
Онъ по городу по Астрахани самъ погуливаетъ,
Голубой свой халатичекъ за рукавъ тащитъ,
Берчатую опоясочку, во комокъ ее зажалъ,
Черну шляпу пуховую онъ на правомъ несетъ ухѣ.
Увидалъ его губернаторушка—астраханскій генералъ,
Увидалъ его далеко изъ палатушки въ окно.
„Ой вы, слуги ль, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы пойдите, приведите непріятеля мово.“
Взяли добраго молодца за бѣлыя его за руки,
Повели добраго молодца ко высокому терему.
Идетъ добрый молодецъ—не ужахнется,
На ново крыльцо восходитъ—крыльцо зыблется,
Новоточены перилочки шатаются,
Онъ за скобы-то берется—только двери говорятъ,
Бѣлокаменны палаты растворяются,
Во палатушки заходитъ—черну шляпу не ломаетъ,
Черну шляпу не ломаетъ и челомъ не бьетъ.
Тутъ нашъ губернаторушка пріужахнулся;
Сталъ нашъ губернаторушка тихо спрашивать:
„Чей, откуда такой добрый молодецъ?
Не казакъ ли ты, добрый молодецъ, не казачій ли ты сынъ?“
«Не казакъ я, добрый молодецъ, и не казачій сынъ,
Я удалый добрый молодецъ, Стеньки Разина сынъ;
Погляди-ка, губернаторушка, изъ палатушки въ окно,
Какъ мои голубчики твою пшенку клюютъ.»

Ст. Кундравинская, 1903 г., казакъ Андрей Колодкинъ 65 лѣтъ.

В.'''

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ.
Въ лодкѣ гребновъ ровно двѣсти молодцовъ;
Посреди лодки хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ своимъ:
„А мы счернемте воды изо Камы со рѣки!“
«Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки.»
Припечалился хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ:
„Знать-то, знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ.“
«Не печалься, нашъ хозяинъ, Стенька Разинъ атаманъ:
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ.»

Записана А. С. Пушкинымъ, см. сочиненіе А. С. Пушкина (изд. Панафидина 1899 г.) стр. 208. Сообщили: ст. Нижнеозерная, 1903 г., приказный Андрей Стрижевъ; ст. Буранная, 1902 г., хорунжій О. Т. Кожевниковъ; ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. И. Качалинъ.

Г. Пѣсня, по преданію будто бы сложенная самимъ Разинымъ.

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Между московской, астраханской, славной кіевской.
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую.
Въ головахъ поставьте животворный крестъ.
Кто пойдетъ или поѣдетъ—остановится,

Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли моей вострой испужается,
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ Тимоѳеевъ сынъ по прозванію.

Ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

Д. Ты пролей-ка, пролей,
сильный дождичекъ!
Ты размой-ка, размой
землячу тюрьму!
Земляная тюрьма
развалилася;
Всѣ разбойнички
разбѣжалися,
На крутой-то горѣ
собиралися.
Ужъ не воры мы,
не разбойнички,
Стеньки Разина мы
сподвижнички.

Ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Е. Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ большой рѣки,
Выплываютъ расписные
Острогрудые челны.

На переднемъ Стенька Разинъ,
Обнявшись съ младой княжной,
Свадьбу пышную справляетъ
И веселый и хмельной.
А княжна, потупивъ очи,
Не жива и не мертва,
Молча слушаетъ хмельныя
Неразумныя слова.
„Ничего не пожалѣю,
Буйну голову отдамъ!“
Раздается голосъ властный
По окрестнымъ берегамъ.
А вокругъ онъ слышетъ шопотъ:
„Насъ на бабу промѣнялъ;
Только ночь съ ней провозился,
Самъ на утро бабой сталъ!“
Грозно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черныя сошлися,—
Надвигалася гроза.
„Гой ты, Волга—мать родная,
Волга, вольная рѣка!
Не видала ты подарка
Отъ донского казака.
Чтобы не было зазорно
Передъ вольными людьми,
Передъ вольною рѣкою,
На, красавицу возьми!“
Мощнымъ взмахомъ онъ хватаетъ
Поблѣднѣвшую княжну
И за бортъ челна бросаетъ
Въ набѣжавшую волну.
„Что примолкли, удалые?

Филька, чортъ, скорѣй пляши!
Грянемъ пѣсню удалую
На поминъ ея души!..“

Ст Нижнеозерная, 1903 г., казачка Ан. Крамова.

Ж. Словно море въ часъ прибоя,
Площадь Красная шумитъ....
Что за говоръ? Что тамъ противъ
Мѣста лобнаго стоитъ?
Плаха черная далеко
Отъ себя бросаетъ тѣнь;
Нѣтъ ни облачка на небѣ;
Блещутъ главы, свѣтелъ день.
Ясно солнце свѣтитъ съ неба
На кремлевскіе кресты,
И вокругъ высокой плахи
Въ два ряда стоятъ стрѣльцы.
Вдругъ толпа заколыхалась,
Проложилъ дорогу кнутъ,--
Той дороженькой на плаху
Стеньку Разина ведутъ.
Съ головы казачьей сбриты
Кудри черныя какъ смоль,
Но лица не измѣнили
Казни строги, пытокъ боль.
Также мрачно и сурово,
Какъ и прежде, смотритъ онъ;
Передъ нимъ былое время
Возстаетъ какъ свѣтлый сонъ:

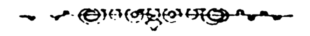
Дона тихаго раздолье,
Волги-матушки просторъ,
Гдѣ съ судовъ большихъ и малыхъ
Бралъ онъ съ вольницей поборъ;
Какъ онъ съ вольницей казанкой
Рыскалъ вихремъ степовымъ,
И кичливое боярство
Трепетало передъ нимъ.
Вотъ и плаха передъ Стенькой....
Разинъ бровью не повелъ,
И наверхъ онъ по ступенькамъ
Бодрой поступью взошелъ.
Поклонился онъ народу,
Пер(е)крестился на соборъ,
И палачъ въ рубахѣ красной
Высоко занесъ топоръ.
„Ты прости, мой Донъ родимый,
Волга—матушка рѣка!
Помяните добрымъ словомъ
Атамана казака.
Ты прости, народъ крещеный!
Ты прости, прощай, Москва!"
И скатилась съ плечъ казацкихъ
Удалая голова.
Точно море въ часъ прибоя,
Площадь Красная шумитъ....
Что за говоръ? Что тамъ противъ
Мѣста лобнаго стоитъ?...

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Иванъ Вишняковъ; ст. Городищенская, 1902 г., урядникъ Епифанъ Гуцкаловъ; ст. Нижнеозерная, 1903 г., приказный Андрей Стрижевъ; ст. Буранная, 1902 г., хорунжій О. Т. Кожевниковъ; ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Взятіе Азова въ 1696 г.

А. Какъ по морю, морю было синенькому,
Тутъ-то плыли, восплывали три военныхъ корабля.
Какъ во первомъ во кораблик҃ѣ Императоръ самъ сидѣлъ;
Во второмъ-то во кораблпчкѣ—сенаторы господа,
А во третьемъ во кораблпчкѣ все казаченьки сидятъ,
Все казаченьки сидятъ размолоденькіе:
Они думушку думаютъ, думу крѣпкую,
Думу крѣпкую разъединехонькую:
„Какъ бы намъ, братцамъ казаченькамъ, Азовъ-городъ взять?“
Они начали подкопы все копать разглубокіе,
Туда лѣсенки спускали сосновенькія
И какъ бочки закатили раздубовенькія;
Начинивши эти бочки все свинцомъ и порохомъ,
Они свѣчи зажигали воску яраго.
Стали свѣчи догарать—бочки разорвало,
И кидало все, метало на всѣ стороны.

Ст. Донецкая, 1903 г., казакъ Александръ Инякинъ; ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Василій Чагринъ; записана во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ; записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ; ст. Оренбургская, 1902 г., урядникъ Никита Качалинъ; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Клишинъ 62 лѣтъ.

Б. Стоялъ, глядѣлъ душа молодой казакъ на главномъ пикетѣ,
Стоялъ, глядѣлъ душа молодой казакъ онъ во всѣ стороны,

Какъ на тотъ-то городъ, душа молодой казакъ,
городъ Азовъ,
Онъ больше того, душа молодой казакъ, на
стѣну бѣлокаменну,
Онъ больше того, душа молодой казакъ, на
башню каланчатую,
Какъ на тѣ ворота, душа молодой казакъ,
звончатыя.
Проглядѣлъ-просмотрѣлъ душа молодой казакъ
свои очи ясныя,
Увидалъ-усмотрѣлъ душа молодой казакъ си-
лушку невѣрную,
Побѣжалъ-поскакалъ душа молодой казакъ
къ своему Царю Бѣлому.
Голосомъ-то кричитъ душа молодой казакъ,
рукой онъ правою машетъ:
„Ужъ ты, батюшка, душа православный Царь,
здѣсь мѣстечко неудобное!
Ты сведи-ка войско, душа православный Царь,
съ мѣстечка печальнаго:
Тутъ подкопушки, душа православный Царь,
подкопаны глубокіе,
Закачено же туда сорокъ бочекъ пороху съ
дорогимъ товаромъ,
Съ дорогимъ товаромъ, душа православный
Царь, со свинцомъ, со порохомъ.“
Только успѣлъ разсказать душа молодой ка-
закъ, Царю все повысказать—
Какъ стало же матушку землюшку рвати и ме-
тати во всѣ стороны,
Въ ширину-то ее раскидало, матушку землюшку,
на двѣнадцать верстъ,
А въ вышину-то ее, матушку землюшку,—по
поднебесью.
„Ужъ ты, душечка, душа молодой казакъ,

чѣмъ мнѣ тебя жаловать:
Генераломъ тебя, душа молодой казакъ, или
золотой казной?“

Ст. Раздорная, 1903 г., казакъ М. Пихоневъ 61 года.

Б: Стоялъ-то, стоялъ часовой на главномъ пикетѣ,
На тѣмъ на главномъ императорскомъ,
Смотрѣлъ-то, глядѣлъ на Азовъ-городъ;
Не такъ-то онъ стоялъ, голосомъ кричалъ:
„Ужъ ты, батюшка, нашъ Бѣлый Царь,
Сойди, сойди со этого мѣстечка,
Сведи-ка свою армеюшку со мѣста опаснаго:
Есть подъ твою армеюшку подкопы великіе,
Закачено подъ твою армеюшку свинцу-пороху
бочекъ до сорокъ.“
Не успѣлъ-то православный Царь слово вымолвить—
Стало рвать мать сыру землю на всѣ стороны,
Шириною-то на двѣнадцать верстъ,
Вышиною-то чуть не до неба.
Закричалъ-зашумѣлъ православный Царь своимъ
громкимъ голосомъ:
„Подайте мнѣ того доказателя!“
За то его Царь много жаловалъ:
Цѣловалъ его въ его буйную голову.

Записана войсковымъ старшиною И. К. Бухаринымъ въ ст. Раздорной въ 1890 году.

B.

Туть-то шли-прошли казаки
Со Черна моря домой,
Со такой большой добычей
Шли со промысла домой.
Становилися казаченьки
На Лутайскіе лужки,
На Лутайскіе на лужечки,
Подъ кедровые кусты,
Разсѣдлали добрыхъ коней,
Въ лужки пустили гулять,
Сами же, казаченьки, глупо сдѣлали:
Не поставили караула,
Сами спать рано легли.
Высматривалъ тутъ, выглядывалъ
Азіатскій фабрикантъ;
Растреножилъ онъ добрыхъ коней,
Угналъ въ темные лѣса.
По утру мы рано встали,
Намъ же некого сѣдлать.
Мы кидались, мы бросались
Ко султану къ самому.
Ты, султанъ ли, панъ султанчикъ,
Отдай нашихъ лошадей!—
Я не знаю вашихъ коней,
Не видалъ я лошадей.

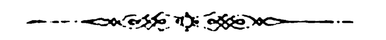
Ст. Разсыпная, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ.

B'.

Тутъ шли-прошли казаченьки
Со Черна моря домой.

Становилися казаченьки
Во Лытайскихъ лугахъ,
Не разставили карауловъ,
Сами спать скоро легли.
Отколь взялся, предъявился
Азiатскiй фабрикантъ;
Растреножилъ онъ добрыхъ коней,
Угналъ въ темные лѣса.
По утру мы рано встали,
Намъ же некого сѣдлать.
Мы кидались, мы бросались
Ко султану въ городокъ.
Ты, султанъ ли, нашъ султанъ,
Ты, турецкiй фабрикантъ!
Ты задай-ка намъ задачу
На пять сотенъ казаковъ?
Ужъ мы бились и рубились
Трое сутокъ безо сна;
Ужъ мы били, перерубили,—
Просто смѣты не было!
Мы поганую орду
Начисто перевели!

Ст. Разсыпная. 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гаврiилъ Гурѣевъ.

В: Ужъ какъ шли-прошли казаченьки съ моря Чернаго,
Со того ли Черна моря со турецкаго;
Шли лугами, болотами, шли, топилися,
Ко Азову, ко городу, торопилися,

Не дошедши до Азова, становилися;
Земли, полей подъ лагерь—на двѣнадцать верстъ,
А подъ шанцы съ батареями—на пятнадцать верстъ.
Становились они, братцы, коней разсѣдлывали;
Не разставивъ караулы, коней кинули;
Пустивъ коней въ поле, сами спать легли.
А одинъ лишь казакъ старый былъ догадливый:
Не пустилъ онъ коня добраго во чисто поле,
Не покинулъ казакъ старый, на арканъ сажалъ,
А и самъ не спитъ старикъ нашъ, больше такъ лежитъ.
Вдругъ несчастье надъ казаками случилося:
Набѣжали непріятели, турки храбрые,
Отнимали у казаковъ добрыхъ коней всѣхъ.
На ту пору казакъ старый пробуждается;
Пробудившись, казакъ старый сталъ коня сѣдлать,
А между тѣмъ въ Азовъ-городъ шлетъ посылыцика.
Ужъ какъ ждетъ ли казакъ старый посла скораго;
Не дождавшись, казакъ старый самъ въ Азовъ скакалъ,
А до тѣхъ поръ Азовъ-городъ намъ растворенъ былъ,
А теперь Азовъ-городъ крѣпко запертъ былъ.
Какъ садился казакъ старый на добра коня,
Догонялъ онъ бусурманина, турка храбраго,
Одинъ отбилъ казакъ старый всѣхъ коней назадъ.

Выписана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ 1-го выпуска „Казачьяго Сборника“ 1887 года.

В.''' Какъ шли-то, прошли братцы наши казаченьки
съ моречка Чернаго,
Со того ли со кампаньица, сраженія со турецкаго;
Они сухимъ путемъ шли, батеньки наши казаченьки, лузьями—они, болотами,
Они шли, топилися, ко славному городу Азову торопилися.
Не дошедши до города Азова, они становилися;
Разстанавливали они свои теплые лагери на двѣнадцать верстъ,
А главную батареюшку на семнадцать верстъ;
Что не путали коней своихъ, не треножили,
Въ лузья пустили гулять, сами спать легли.
Какъ одинъ-то изъ нихъ батенька старой казакъ былъ умнешенекъ:
Онъ стреноживши своего добра коня, самъ онъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ, крѣпко караулъ держалъ;
Увидалъ онъ, усмотрѣлъ батенька старой казакъ турецкую армеюшку,
Увидавши-усмотрѣвши, громкимъ голосомъ кричалъ:
„Вы вставайте, казаченьки, да вы поскорѣе,
Бѣгите въ зелены луга да вы поживѣе,
Берегите добрыхъ коней и сѣдлайте ихъ поскорѣе.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ М. Пимоновъ 61 года.

Послѣдній бунтъ стрѣльцовъ и уничтоженіе стрѣлецкаго войска въ 1698 г..

Какъ доселева нашъ Государь весело гулялъ,
Весело гулялъ многорадошенъ,
А нынѣ нашъ Государь припечалился,
Припечалился и прикручинился.
Выходилъ нашъ Государь на красенъ крылецъ
Во черномъ платьѣ во печальныемъ,
Во бѣлыхъ чулкахъ безъ чоботовъ;
Передъ нимъ стоялъ стрѣлецкій атаманушка.
На стрѣлецкомъ кунья шуба вплоть до полу,
А бобровая опушка до сырой земли.
Какъ промолвилъ Государь рѣчь атаманушкѣ:
„Чтобы съ вечера стрѣльцы твои были испо-
вѣданы,
А къ полуноци были причащены:
Я на бѣлой зарѣ буду ихъ казнить—вѣшати.“
Какъ промолвилъ тутъ стрѣлецкій атаманушка:
„Ужъ ты, гой еси, нашъ православный Царь,
Ты не весь руби частъ ракитовъ кустъ,
А оставь хоть одни отросточки.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

Сыскъ на Дону бѣглыхъ княземъ Долгорукимъ въ концѣ 1707 года

А.

Ахъ, служили мы на границѣ три годочка,
Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Дона нѣтъ,
И словеснаго челобитьица намъ не прислано;
На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка:
Не полуночная звѣзда съ небесъ упадала,
А скорая почта прибѣгала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову:

„Ужъ ты здравствуй, походный нашъ атаманъ!
Ужъ ты здравствуй со походными старшинами!
Ужъ ты здравствуй со служащими казаками!
Какъ у насъ-то на тихомъ Дону нездорово:
Какъ пріѣхали къ намъ на тихій Донъ все
разсыльщики;
Во разсыльщикахъ были два боярина,
Безъ указа-то они государева насъ разоряютъ,
И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
Молодыхъ же малолѣтокъ берутъ во солдаты.
Оттого-то нашъ славный тихій Донъ возмутился,
Возмутился славный тихій Донъ вплоть до
устьица,
Какъ до славнаго до города Черкасскаго.“

(„Трехсотлѣтіе войска Донского“ стр. 55 и „Донскія пѣсни“ стр 65).
Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Степанъ Петровъ и казакъ Иванъ Болодуринъ 30 лѣтъ; пѣсня эта сообщена вышеуказанными лицами безъ окончанія.

А: На границѣ, братцы, мы стояли ровно три годочка,
Никакихъ-то мы съ Дона вѣсточекъ не слыхали;
На четвертомъ годочкѣ съ Дона вѣсти получали...
Ты, полынь ли моя, полынушка!
Еще нѣтъ-то тебя въ полечкѣ горчѣе,
Что горчѣе намъ того, молодымъ казаченькамъ,
Стоять на границѣ, служить службу царскую.

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А." На границѣ мы стояли ровно три годочка,
Нѣтъ ни вѣсточки, нѣтъ ни грамотки,
Нѣтъ намъ, братцы, не пришлютъ;
На четвертомъ годочкѣ вѣсточка къ намъ перепадала,—
Прибѣгала къ намъ, братцы, почта,
Но не къ намъ эта вѣсточка, къ нашему атаману.
Распечатавъ эту почту, объявилъ намъ дальній походъ,
Походъ дальній: подъ Хиву *) городъ.

Ст. Нижнеозерная, казакъ Нилъ Соколовъ 58 лѣтъ (1902 г.) и урядникъ Василій Чагринъ (1903 г.); ст. Разсыпная, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

Булавинскій бунтъ на Дону и уходъ Некрасова на Кубань въ 1708 г..

А. На зарѣ то было ранней утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Собиралось войско Донское во единый кругъ,
Ко тому ли дому къ атаманову,
Ко тому крыльцу Долгорукову.
Какъ выходитъ же Долгоруковъ князь на красенъ крылецъ;
Выносилъ же онъ указушки скорописные,
Скорописные, все облыжные.
«Вы послушайте, старички, указушекъ государевыхъ:

*) Видимо, пѣсня „Сыскъ на Дону бѣглыхъ въ 1707 году“ была впослѣдствіи примѣнена къ походу на Хиву или донцами, двинувшимися по повелѣнію Императора Павла I въ 1801 году на Индію, или измѣнена оренбуржцами, бывшими въ походѣ Перовскаго на Хиву въ 1839—40 г. или въ отрядахъ, двинувшихся на Хиву въ 1873 году.

Какъ старыхъ старичковъ казнить-вѣшати,
Молодыхъ ребятъ казаченьковъ во солдаты брать,
Какъ ихъ молодыхъ женъ—на фабричный дворъ,
Какъ ихъ грудныхъ ребятъ—въ тихій Донъ бросать.»
Во кругу-то ходитъ Некрасовъ сынъ,
Во кругу-то ходитъ, какъ соколъ летаетъ,
На вострую шашечку упирается,
Горючими-то слезами заливается:
Уговаривалъ войско Донское за Кубань-рѣку.
Какъ подходитъ же Некрасовъ сынъ къ Долгорукову,
Срубилъ ему буйную голову...
Воскутился, возмутился нашъ батюшка тихій Донъ
Со вершинушки вплоть до устьица,
До того ли города до Черкасскаго;
Какъ увелъ, увелъ Некрасовъ сынъ много силушки,
Много силушки, много-множество,
Кромѣ стараго, кромѣ малаго, все было военнаго,
Что немножечко, не маненечко—тысячь до сорокъ.
Какъ имѣлъ-то, имѣлъ переправушку через тихій Донъ,
Что немножечко, не маненечко—трое суточекъ,
На четвертыя-то суточки переправился;
Переправившись черезъ тихій Донъ—Богу молится...
„Какъ стоялъ ты, стоялъ, славный тихій Донъ, не шелохнулся,
Переправивши черезъ тихій Донъ—взволновался онъ.
Какъ спасибо тебѣ, батюшка тихій Донъ,
Еще много ты насъ кормилъ-поилъ, много жаловалъ.

Ну, прости, прощай, Государыня—наша матушка,
Не умѣла ты владѣть правымъ крылышкомъ
—войскомъ Донскимъ!..“

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной.

A: Да никто про то не знаетъ, да никто не вѣдаетъ,
Отчего нашъ славный тихій Донъ возмущается.
Воскутилъ-то его, возмутилъ Долгоруковъ князь
Со вершинушки вплоть до устьица.
Какъ не бѣлая зоренька, заря занималася—войско
собиралося,
Не красно солнышко изъ-за горъ выкаталося—
Войско Донское ко двору Долгорукову все
собиралося.
Какъ восходилъ же Долгоруковъ князь во
казачій кругъ,
Какъ возговорилъ Долгоруковъ князь своимъ
громкимъ голосомъ:
„Вы послушайте, донскіе казаки, вы мои ука-
зушки
Скорописанные, не облыжные, государевы:
Какъ старыхъ старичковъ казнить-вѣшати.....

И прочее какъ въ предыдущей пѣснѣ.

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А''. *) Не красное солнце изъ-за горъ выкаталось—
Собиралось войско Донское ко тому двору
Долгорукову.
Какъ выходитъ же Долгоруковъ князь на красенъ крылецъ,
Выноситъ же онъ указушки скорописные,
Скорописные все фальшивые.
Какъ прослушавши указушекъ, Некрасовъ сынъ
Подходилъ къ Долгорукову близехонько,
Говорилъ рѣчи съ нимъ смѣлехонько;
Какъ отвелъ же Некрасовъ свою руку правую,
Ссѣкъ, срубилъ съ Долгорукова буйну голову
И потомъ сталъ объяснять старикамъ;
И набралъ онъ съ собою силы Некрасовъ сынъ
Много-множество—тысячъ до сорокъ,
Кромѣ стараго и малаго, все военнаго,
И повелъ эту силу черезъ Кубань-рѣчку;
Переправу имѣлъ трое суточекъ;
Переправившись черезъ Кубань-рѣчку, Богу молился.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ казака Степана Давыдова.

---

*) Нѣкоторые начало этой пѣсни поютъ такъ:

Не бѣла то заря, бѣла зоренька, заря ранняя утренняя,
Не красно то солнце изъ-за крутыхъ горъ солнце выкаталося,
Что не золотая трубонька рано вострубила.
Какъ по этой же золотой трубонькѣ войско собиралося
Ко тому ли двору, что ко дворику, къ двору къ атаманову,
Ко тому-то крыльцу, что ко крылечку, крыльцу ко Некрасову.
Какъ выходилъ же сынъ Некрасовъ онъ на красенъ крылецъ,
Выносилъ же онъ указушки скорописные...

и т. д.

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

Д.''' Да никто про то не знаетъ, да никто не вѣдаетъ,
Отчего-то нашъ славный тихій Донъ возмущается.
Воскутился же, возмутился славный тихій Донъ
Онъ отъ вершинушки вплоть до устьица широкаго;
Онъ не самъ собой воскутился же славный тихій Донъ,
Воскутилъ его, возмутилъ его Долгоруковъ князь,—
Онъ вычитывалъ намъ указушки скорописные:
Какъ и старымъ-то намъ старичушкамъ быть повѣшенньмъ,
Молодымъ-то намъ всѣмъ казаченькамъ во солдатахъ быть.
Вотъ повѣсили тутъ казаченьки буйны свои головы.
Какъ одинъ-то изъ насъ, изъ казаченьковъ, Некрасовъ сынъ веселый былъ;
Засвисталъ-то онъ, закричалъ намъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Еще кто изъ васъ, изъ казаченьковъ, пойдетъ за Кубань рѣчку?“
Набралось тутъ насъ всѣхъ, казаченекъ, тысячъ до сорокъ;
Переправушку совершилъ онъ намъ трое суточекъ,
На четвертыя вотъ онъ суточки переправился;
Переправясь черезъ тихій Донъ, Богу молился:
„Ты прости, прощай, славный тихій Донъ,—переправилъ ты насъ!
Не спасибо тебѣ, наша матушка, Катеринушка:
Не умѣла ты, наша матушка, владѣть крыломъ правымъ,

Крыломъ правымъ, наша матушка, войскомъ Донскімъ,
Войскомъ Донскімъ, Государыня, все некрасовскимъ.“

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Дерсвенскова; ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

A.'''' Возмутился же, возмутился нашъ славный тихій Донъ,
Со вершинушки возмутился-то онъ вплоть до устьица,
Какъ до славнаго того города Черкасскаго;
Возмутилъ-то его, возмутилъ воръ Некрасовъ сынъ:
Онъ писалъ-то, писалъ каменной Москвѣ указъ;
Въ указѣ-то нашли слова облыжныя,
Какъ облыжныя скорописныя:
„Старыхъ стариковъ казнить-вѣшати,
А молодыхъ ребятъ во солдаты брать.“
Какъ сдѣлалъ онъ переправу черезъ Донъ-рѣку;
Переправившись, воръ Некрасовъ сынъ Богу помолился,
Богу молился, рѣку Донъ благодарилъ:
„Какъ спасибо тебѣ, славный тихій Донъ:
Ты меня, батюшка, воспоилъ-воскормилъ, много жаловалъ,
Переправилъ ты переправушку не малую,
Немалу переправушку—тысячъ до сорокъ,
Кромѣ стараго, кромѣ малаго, всѣ военные.“
Какъ писалъ, писалъ воръ Некрасовъ сынъ князю Савину:

„Какъ не умѣла наша матушка Государыня
Она править крыломъ правымъ—Донскимъ войскомъ.“

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Крыловъ; ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Авдотья Барбусова 70 лѣтъ.

Б. Какъ на батюшкѣ тихомъ Дону
Возбудилось войско храбрыхъ казаковъ
Со вершинушки вплоть до устьица.
Возбудилъ-то, возбудилъ его атаманъ Игнатушка Некрасовъ сынъ:
Разсылалъ онъ указушки все фальшивые,
За черными за печатями.
Покидалось, наметалось храбрыхъ казаковъ много-множество.
Какъ собравшись, переправлялися
Черезъ Донъ, батюшку, ровно трое сутокъ;
Переправившись, они Богу помолилися.
„Какъ спасибо тебѣ, батюшка славный тихій Донъ:
Ты съумѣлъ насъ поить-кормить и въ чины жаловать;
Не спасибо тебѣ, Государыня:
Не съумѣла ты владать крыломъ правымъ казачьимъ—
Разудалымъ Донскимъ войскомъ все великіимъ.
Мы пойдемъ теперь во Туретчину,
Къ самому-то султану ко невѣрному,
Будемъ ему служить правдой вѣрною,
Какъ тебѣ-то служили Царю Бѣлому,

Царю Бѣлому Петру Первому.
Только мы тебѣ теперь не вѣрны, Государыня Екатеринушка,
Теперь ты прощай, распростись съ казаченьками, со молодчиками."
Какъ съ другой-то стороны подъѣзжаетъ къ берегу самъ Наслѣдничекъ,
И по золотыя онъ стремечки заѣзжаетъ въ славный тихій Донъ
И кричитъ казаченькамъ зычнымъ голосомъ:
„Вы на что, казаченьки, покидаете,
Службу вѣрную мнѣ оставляете;
Вы вернитеся назадъ и служите опять;
Всѣ права я отдамъ и всѣ вольности,
А Некрасова вамъ атаманомъ сдѣлаю."
Какъ скидалъ Игнатушка шапку черную соболиную
И сказалъ таковы слова:
„Извини меня, Царь, и не жаловай:
Безъ чиновъ я проживу съ волей вольною,
Съ войскомъ Донскімъ, съ крыломъ правымъ;
Во Туретчинѣ дадутъ волю вольную,
Хорошо заживемъ, припѣваючи."

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Владимиръ Гришинъ.

Полтавская битва 27 іюня 1709 г..

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья!
Мы дралися тамъ со шведомъ
Подъ знаменами Петра.
Нашъ могучій Императоръ
(Память вѣчная ему!)

Самъ командовалъ полками
И какъ соколъ онъ леталъ;
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ.
Бой кипѣлъ.... Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ,
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась....
Вдругъ злодѣйка пуля шляпу
Прострѣлила сквозь на немъ.
Знать, то шведы промахнулись,—
Императоръ уцѣлѣлъ;
Шляпу снявъ, перекрестился,
Снова въ битву полетѣлъ.
Вдругъ еще злодѣйка пуля
Въ сѣдло лошади впилась.
Императоръ не смутился;
Взоръ какъ молнія блисталъ;
Лишь вздрогнувши отъ удара,
Конь быстрѣе поскакалъ.
Но какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ;
Прямо въ грудь она летѣла,
Въ сердце сильное Царя.
Но, ударясь, отскочила
Съ визгомъ прочь и безъ вреда:
На груди Царя высокой
Чудотворный крестъ сіялъ.
Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья!
Много шведовъ, много русскихъ
Тамъ въ сраженіи легло.
Былъ тотъ день для насъ великій,
Смерть летала вкругъ Царя,

Но хранилъ Господь для русскихъ
Императора Петра!

(„100 пѣсенъ“ стр. 3).

Ст. Варшавская, 1903 г., казакъ Степанъ Поповъ; записана въ искаженномъ видѣ въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Пѣсня про атамана донскихъ казаковъ Ив. М. Краснощекова.

Пріутихло, пріумолкло наше войско Донское
Безъ своего генералушки Ивана сына Матвѣевича Краснощекова:
Какъ поймали-то его, добра молодца, шведы, во полонъ взяли,
Связали ему, добру молодцу, назадъ рученьки бѣлыя
И сковали ему, добру молодцу, рѣзвы его ноженьки,
Посадили его, добра молодца, во ямскую во колясочку,
Повезли-то его во землю шведскую,
Ко тому ли князюшкѣ, князю къ Евангуртову. *)
Евангуртовъ князь сталъ его выспрашивать,
Изъ ума-то сталъ его вывѣдывать:
„Ты скажи-ка, скажи, добрый молодецъ,
Ты кѣмъ служилъ своему Царю Бѣлому?“
«Я служилъ-то, служилъ своему Царю Бѣлому вѣрой-правдою,
Служилъ простымъ казакомъ.»

*) Евангуртовъ—видимо, исковерканная фамилія Левенгаупта (шведскій полководецъ).

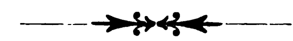
„Нѣтъ ужъ, добрый молодецъ, я вижу на
тебѣ справушка не казачая,
На тебѣ справушка была благодецкая."
«Не тебѣ бы меня, добраго молодца, изъ ума
вывѣдывать,—
Кабы была при мнѣ моя шашка вострая,
Срубилъ бы я тебѣ буйну голову;
За то бы меня православный Царь еще много
жаловалъ бы.»

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Михаилъ Сѣнякинъ 56 лѣтъ.

Пѣсня о князѣ Гагаринѣ.

Хвалятъ русскіе казаки, хвалятъ Бѣлаго Царя,
Они хвалятъ, только ругаютъ князя Гагарина
свово:
„Заѣдастъ князь Гагаринъ наше жалованіе:
Перво винно, второ хлѣбно, третье денежное.
Онъ на эти на денежки сталъ палатушки
строить,
Онъ не хуже и не лучше государева дворца,
Еще тѣмъ только похуже—золотого нѣтъ герба."

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ.

Экспедиція Бековича въ Хиву (1714—1717 г.).

Какъ на устьѣ то было, братцы, Яикушки,
На краю моря было Каспійскаго,
Что во славномъ во городѣ было во Гурьевѣ,

Собирались тутъ войска царскія,
Войска царскія, ребята, все изъ-за моря;
А съ войсками, братцы, казаки были
Гребенскіе, братцы, и пріяицкіе старожилые.
Какъ посланникомъ Царя былъ Бековичъ князь,
И сказалъ онъ всѣмъ словечушко:
„Вотъ нашъ батюшка православный Царь
Посылаетъ насъ на Аму-рѣку,
На Аму-рѣку, на Ургенчъ-городъ;
Завоюемъ мы ханство хивинское,
Покоримъ его, братцы, Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, ребята, Петру Первому,
А хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
Самого хана мы въ полонъ возьмемъ;
И за то за все наградитъ онъ насъ,
Наградитъ онъ насъ всѣхъ по-царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки братцы,
Что походъ будетъ намъ труднехонекъ:
На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ,
Одна гола степь безъ дороженекъ.
Ой вы, братцы мои, вы, казаченьки,
Пріяицкіе старожилые, постарайтеся!
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы Царю-батюшкѣ;
Какъ возьмемъ Хиву, погостимъ мы тамъ,
А къ холодной зимѣ мы домой придемъ.“

Выписана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ 1-го выпуска „Казачьяго Сборника“ 1887 года.

Смерть Императора Петра I-го 28-го января 1725 г..

Ужъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
И что же ты не свѣтло свѣтишь,
Не постарому, не попрежнему?
За тучечку закатываешься, за облачко закрываешься?
Какъ у насъ-то, братцы, было на Святой Руси,
Въ Петербургѣ славномъ городѣ, у собора-то Петропавловскаго,
На правомъ было клиросѣ, стояла гробница кипарисная.
Во гробницѣ-то лежитъ тѣло бѣлое
Царя Бѣлаго Петра Перваго.
На часахъ-то стоялъ казаченька,
Не старъ, не младъ,—семнадцати лѣтъ,
Вострой шашкой подпирается,
Горючими-то слезми умывается.
Во слезахъ-то онъ слово молвилъ:
„Ты возстань-ка, возстань, православный Царь,
Ото сна отъ крѣпкаго!
Ты зачѣмъ-то, на что распрогнѣвался?
Всѣ полки у насъ во строю стоятъ,
Офицеры-то за ними слѣдятъ;
Есаулы стоятъ передъ взводами,
Полковники—передъ ротами,
Уряднички на своихъ мѣстахъ,
А генералы-то командовають.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ В. Недорѣзовъ 67 лѣтъ; записана также въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Побоище между самарскими и яицкими казаками.

Яицкіе казаки —
Бурачные стрижи:
Побили, поклевали
Нашихъ ясныхъ соколовъ.

(„Уральцы" т. II стр 351).

Турецкая война (1735-1739 г.г.) въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны.

А. Не бѣлы-то снѣжки во чистомъ полечкѣ
Снѣжки забѣлѣлися —
Забѣлѣлися только во чистомъ-то полѣ
Шатры полотняны.
Они всѣ-то бѣлы батюшки, бѣлы шатрики,
А одинъ-то изъ нихъ побѣлѣе всѣхъ,
Побѣлѣе-то всѣхъ батюшка бѣлой шатеръ
Да онъ на отшибѣ стоялъ,
На отшибѣ-то стоялъ батюшка бѣлой шатеръ
Да онъ во полугорѣ,
Во полу-то горѣ батюшка бѣлой шатеръ
Да онъ противъ солнышка,
Спротивъ солнышка стоялъ батюшка бѣлой шатеръ
На вешней проталинкѣ,
На вешней проталинкѣ стоялъ батюшка бѣлой шатеръ
Да онъ на мелкой травонькѣ.
Что никто-то къ нему, къ батюшкѣ бѣлому-то шатру,
Никто не пришатится,
Пришатнулись-то къ нему, бѣлу шатрику, мурзы крымскіе,

Мурзы крымскіе бѣлогородскіе.
Послѣзали они, мурзы крымскіе, со добрыхъ коней
И попривязали ихъ все по коновязямъ;
Всходили они, мурзы крымскіе,
Во батюшку бѣлой шатеръ.
Выѣзжаетъ къ нимъ изъ Царя-града Росланбегъ -мурза
И слазитъ со добра коня,
Никому не приказываетъ и ни къ чему его не привязываетъ;
Онъ восходитъ во бѣлой шатеръ.
Сажаютъ его на шелковъ коверъ, наливаютъ и подаютъ ему
Чару зелена вина.
И всѣхъ онъ своихъ подчиненныхъ бояръ-князей перездравствовалъ:
„Здравствуйте, всѣ мои князья-боярушки!
Послушайте отъ меня нынче
Новыя новости:
Услышалъ я, что какая-то земля русская
Взяла наши три города.“ *)

Ст. Раэсыпная, 1903 г., казаки: Н. Пимоновъ, Иванъ Поповъ, Никифоръ Клишинъ 66 лѣтъ.

А:

Что не бѣлы-то снѣжки
Во полѣ забѣлѣлися—
Забѣлѣлися бѣлы шатрики

---

*) Бахчисарай, Очаковъ и Хотинъ.

Во дикой степи, во густой травѣ;
Какъ одинъ-то изъ нихъ, побѣлѣе всѣхъ,
На отшибѣ стоитъ, во полугорѣ.
Къ тому шатру съѣзжалися
Все мурзы крымскіе.
Вдругъ поодаль ихъ пріѣзжаетъ къ шатру
Расланбай-мурза;
Онъ слѣзалъ съ коня,
Ни къ чему-то его не привязывалъ
И никому его не приказывалъ.
Входилъ онъ въ большой шатеръ;
Всѣхъ-то князей и бояръ перездравствовалъ.
„Я привезъ вамъ, Еразлай-бей-мурза, вѣсточку,
Не радостную намъ:
Очаковъ городъ атакованъ
Царемъ Бѣлымъ.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Стрижевъ 62 лѣтъ.

Б. Да не три брата родныихъ въ одномъ полку служили,
Во тѣмъ полку было Преображенскомъ, въ первой ротѣ гренадерской.
Да большой братъ служилъ майоромъ,
А середній братъ служилъ есауломъ,
А по-солдатскому назвать капитаномъ,
Самый меньшой братъ служилъ генералушкою.
Да большого брата во полку убили;
Большой братъ лежитъ въ полку помираетъ.
Что и братъ брата въ полку пробуждаетъ:

Да середній братъ, капитанъ, будилъ меньшого,
Генералъ будилъ старшаго, майора:
„Встань-ка, братецъ, встань ты, нашъ родимый!
Мы Шатинъ *) городъ, братецъ, въ полонъ взяли;
Всѣмъ квартирушки въ полку, братецъ, расписали,
Какъ тебѣ, брату майору, что не лучшую въ полку квартиру,
Что со красными была со окнами, со хрустальными со стеклами—
Знать тебѣ, брату майору, квартира—гробъ и могила.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Клишинъ 62 лѣтъ.

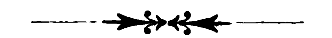
Семилѣтняя война (1756-1763 г.г.) до смерти Императрицы Елизаветы Петровны въ 1761 году.

А. Пишетъ, пишетъ король пруцкій Государынѣ въ Москву:
„Милосердна ты, наша Государыня, смирись-ка ты со мной, со пруцкимъ королемъ.
Замиреньице мы съ тобой положимъ на три столичныхъ города:
Первый—Нѣга, второй—Непра, третій—каменна Москва.“
«Прошу милости, король пруцкій, ко мнѣ въ гости побывать:
Для тебя ли, король пруцкій, я гостинцевъ принасу, сухарей насушу;
Они въ Тулѣ были сушены, а за Парижемъ вчера розданы.

*) Хотинъ.

Не быть тебѣ, собакѣ, во каменной нашей Москвѣ,
И не видать тебѣ, собакѣ, золотыхъ крестовъ церквей.»

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Клишинъ 66 лѣтъ.

Б. Какъ по морю, морю Европейскому,
Тутъ плыли-выплывали тридцать три кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Какъ у него носъ, корма—по-звѣриному,
А бока-то—по-змѣиному.
Какъ въ этомъ корабликѣ разукрашенъ чердакъ,
Во чердакѣ стоитъ раздвижной стулъ,
На стулу сидитъ самъ пруцкой король,
Передъ нимъ стоятъ два невольника—
Со тиха Дона два полковника.
Какъ возговорилъ имъ пруцкой король таковы слова:
„Ужъ вы, гой еси, два невольничка—
Со тиха Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нынѣшней ночи мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось:
Мнѣ привидѣлся частъ ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу.“
Отвѣчали ему два невольничка—
Со тиха Дона два полковничка:
«Ужъ ты, гой еси, пруцкой король!
Частъ ракитовъ кустъ—раздвижной стулъ,

На кусту сидѣлъ младъ ясенъ соколъ—православный Царь,
А во когтяхъ держалъ бѣлу рыбицу—побѣдитъ онъ тебя.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Спиридонъ Павловъ.

Пѣсня про генерала Василія Авраамовича Лопухина.

Сядемте, ребята,
Посидимъ, господа,
Споемъ пѣсню про себя,
Мы не сами про себя,
Про пруцкова короля.
Во Пруціи стояли,
Много горя принимали,
Много горя принимали,
Много крови проливали
Какъ по пруцкимъ по степямъ,
По темнымъ по лѣсамъ.
Изъ лѣсовъ вонъ выходили,
Въ строй армію становили.
„Заходи, моя дивизія,
Со праваго крыла,
Со лѣваго фланга:
Пики, ружья дивизіи
Чтобы въ козлы становить.“
Пруссакъ началъ палить,
Только дымъ столбомъ валитъ.
Чуть виднѣется,
Чуть краснѣется:
Лопухинъ ѣдетъ въ полку,
Куритъ трубку табаку;

Онъ не для того куритъ,
Чтобы пьянымъ ему быть,
Чтобы пьянымъ ему быть,
Посмѣлѣе поступить,
Погромчѣе говорить.
Какъ возговорилъ дѣтина—
Сынъ Абрамовичъ, господинъ:
„Ужъ вы, слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои!
Вы подайте, мои слуги,
Листъ бумаги гербовой,
Листъ бумаги гербовой,
Чернильницу съ перомъ!
Напишу я всѣ проказы
Государю самому,
Государю самому,
Государынѣ въ Москву:
Продалъ русскій, продалъ воинъ,
Продалъ, силушку въ тоску *)
За три бочки за песку.“

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петрь Ломакинъ 62 лѣтъ

Пѣсня про старшину Донского войска Ѳ. Ив. Краснощекова.

Ты, Россія ли, Россія,
Мать россійская земля!
Много крови пролила,
Много славы нажила.
За то тебя Мать—Царица
Много жаловала,

---

*) Въ тоску—вѣроятно, въ смыслѣ въ бездѣйствіе.

Краснощекова казака
Генераломъ назвала,
По купечески убрала,
Къ пруссу въ гости послала;
А пруссъ его не узналъ,
За купчика принималъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Драгимъ питьемъ угощалъ.
Онъ просилъ гостя драгого
Правду-истину сказать:
„Сколько въ арміи есть войска,
Краснощекова показать.“
Обѣщалъ ему въ награду
Злато, шубу дорогу
Да женѣ его въ подарокъ
Серги, цѣпь изъ жемчугу.
«Стой, батюшка!» возразила
(Дочь отцу такъ говорила):
«На что злато намъ терять:
Можно такъ его сыскать.
Взглянь, родимый, въ кабинетъ,
Это чей виситъ портретъ?
Онъ лицомъ-то смугловатъ,
Волосами кудреватъ,
Глаза точно сокола,
Какъ вотъ этого орла.»
Со крыльца казакъ сбѣжалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ой вы, слуги, мои слуги,
Слуги вѣрные мои!
Вы скорѣй, скорѣй подайте
Мово вѣрнаго коня!“
Краснощековъ на конь сѣлъ,
Будто соколъ полетѣлъ;
Подъ окно онъ подскакалъ,
Королю онъ честь отдалъ,

Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ты ворона, ты ворона,
Ты ворона, пруссъ-король:
Не умѣлъ ты молодца
Во рукахъ своихъ держать,
А теперь я, Краснощековъ,
Ужъ на волюшкѣ своей!“
Тутъ король ихъ осерчалъ:
Повелѣлъ его догнать,
Краснощекова поймать,
Велѣлъ его разстрѣлять,
Соломой натолкать,
Къ Государынѣ послать.

Записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Продолженіе Семилѣтней войны въ царствованіе Императора Петра III.

А. На зарѣ-то было, какъ на зорькѣ,
На зорькѣ ранней утренней;
Сила-армія во походъ пошла,
Эхъ да во походъ пошла;
Во походъ-то пошла въ дальни стороны,
Въ дальни стороны въ славны слободы.
Напередъ-то идетъ самъ пруцкой король,
А за нимъ-то идетъ сила-армія,
Сила-армія, конно-гвардія,
Позади-то идетъ артиллерія.

Ст. Ильинская, 1902 г., коллежскій совѣтникъ Д. К. Андреевъ.

A: На зарѣ было, вотъ на зоренькѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца;
Мѣдна пушечка въ полѣ возбрякнула,
Артиллеріюшка пѣсню возгаркнула,
Пѣсню возгаркнула, слезно восплакнула, —
Во походъ пошла въ дальни стороны,
Въ дальни стороны — въ нѣмецки слободы;
Впереди идетъ самъ прусской король,
Онъ идетъ, ведетъ свою армеюшку.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

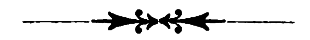

Турецкія войны въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой.

Поле чистое турецкое!
Мы когда тебя, поле, пройдемъ?
Когда, чистое, прокатимся,
Дунай-рѣчку переправимся,
Мы сойдемся съ непріятелемъ,
Со такой ордой невѣрною,
Со невѣрною турецкою?
Турки пьяны напивалися
И съ похмелья выхвалялися:
„Мы Россію всю насквозь пройдемъ,
Графа Румянцева во полонъ возьмемъ!"
Графъ Румянцевъ разговаривалъ,
Свое войско уговаривалъ:
„Вы не бойтеся, ребятушки,
Бѣлаго Царя казаченьки!

Ужъ стойте, братцы, не робѣйте,
Свинцу-пороху не жалѣйте!“

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Пугачевщина (1773—1775 г.г.).

А.

Того мѣсяца сентября
Двадцать пятаго числа
Въ семьдесятъ первомъ году
Во Яикѣ-городу
Приходили къ намъ скоры вѣсти:
Не бывать намъ на мѣстѣ.
Яицкіе казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была ихъ часть,
Задумали въ единъ часъ:
Генерала они убили,
Въ томъ не мало ихъ судили;
Государыня простила,
Жить по старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себѣ искали.
Нашли себѣ царя—
Донского казака,
Донского казака,
Емельяна Пугача!
Онъ ко Гурьеву подходилъ,
Ничего не учинилъ.
Отъ Гурьева возвратился,
Съ своей силой скопился.

Къ Яику подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Отъ Яицкаго городка
Протекла кровью рѣка.
Онъ къ Илецку подходилъ,
Изъ пушечекъ палилъ.
Илецкіе казаки—
Измѣнщики, дураки:
Безъ бою, безъ драки
Предались вору-собакѣ.
Въ Татищевой побывалъ,
Всю артиллерію забиралъ;
Артиллерію забиралъ,
Разсыпну крѣпость разбивалъ.
Изъ крѣпости Озерной,
На подмогу Разсыпной,

. . . .

. . . .

Въ крѣпости Разсыпной
Былъ генераликъ молодой.
Генералъ Лопухинъ былъ смѣлъ,
На коня онъ скоро сѣлъ,
На коня онъ скоро сѣлъ,
По корпусу разъѣзжалъ,
По корпусу разъѣзжалъ,
Всѣмъ солдатамъ подтвержалъ:
„Ой вы, гой еси, ребята,
Государевы солдаты!
Вы стрѣляйте, не робѣйте,
Свинцу-пороху не жалѣйте.
Когда мы вора поймамъ,
Хвалу себѣ получимъ....

. . . .

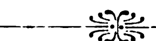
. . . .

(„Уральцы,“ т. III, стр 160).

Б. Пѣсня о Пугачевѣ

Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка.
Изъ крѣпости изъ Озерной
На подмогу Разсыпной
Высланъ капитанъ Суринъ
Со командою одинъ.
Онъ нечаянно въ крѣпость въѣхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до шести.

(Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ, а имъ взято изъ № 90-го газеты „Сынъ отечества“ за 1899 г., изъ статьи „Пушкинъ въ матерьялахъ публичной библіотеки.“)

В. Пѣсня пугачевцевъ.

Намъ Озерна
    Не покорна,—
Мы пойдемъ
    Назадъ въ Бердо. *)

Записана войсковымъ старшиной Н. К. Бухаринымъ въ ст. Пречистенской.

*) Бердская слобода.

Г. Причитаніе одной старой нижнеозернинской казачки.

Не ты ли, мое дѣтище?
Не ты ли, мой Степанушка?
Не твои ли черны кудри
Свѣжа вода моетъ?

(Записалъ А. С. Пушкинъ. См. 26-е примѣчаніе Пушкина къ „Исторіи пугачевскаго бунта").

Д. Пѣсня про Пугачева.

При высокомъ-то было у насъ, братцы, при курганчикѣ,
Тамъ стоялъ-то, стоялъ бѣлый шатричекъ,
А во шатрикѣ-то у насъ, братцы, сидѣлъ добрый молодецъ;
Онъ вострой-то шашечкой стружечки выстругивалъ
Да на огонекъ раскладывалъ и рѣчь говаривалъ:
„Не укрыться ужъ мнѣ, молодцу, отъ преслѣдованія хитреца Суворова.
Не шуми ты, дубравушка, рощица зеленая!
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати:
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, у допросика быть
Передъ грознымъ-то судьею—передъ Царицею,
Да передъ самой-то Екатеринушкой отвѣтъ держать;
А царица-то Государыня станетъ спрашивать:

«Ты скажи-ка, скажи, дѣтинушка,
Съ кѣмъ ты проказы творилъ и столь бѣдствій причинилъ.»
„Ужъ бѣды-то творилъ я да съ товарищами:
Какъ первой-то товарищъ былъ мой сивый рѣзвый конь,
А второй-то былъ товарищъ шашка острая,
А третій-то былъ товарищъ копье булатное,
А разсыльщики-то мои—пули быстрыя,
А всему тому подпора—моя воля молодецкая;
Чѣмъ пожалуешь, Государыня, молодца неустрашимаго?“
«Лишаешься за свою услугу своей волюшки,
Рѣзвыхъ ногъ и буйной головушки.»

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Спиридонъ Пантюхинъ.

Е. Ой ты, батюшка, Оренбургъ городъ!
Про тебя, Оренбургъ, идетъ славушка,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты, Оренбургъ, на красѣ стоишь,
На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ на разсыпчатомъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ:
Первая рѣчушка течетъ Самарушка, *)
Другая рѣчушка—Яикъ рѣка,
Третья рѣчушка—升Уралъ рѣка.
На Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,

---

*) Вѣрнѣе Сакмарушка.

На Яикъ рѣкѣ—калмыченьки,
По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ Пугачъ.
Какъ во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говоритъ:
„Не даютъ-то мнѣ, доброму молодцу,
Волюшку въ Оренбургъ сходить,
Въ Оренбургъ сходить, Пугача убить.“

(„Донскія пѣсни“ стр. 80 и Кирѣевскаго выпускъ 9-ый стр. 246)

Е: Ужъ ты, селушко-село, славно Павлово,
Славно Павлово, графа Шереметева!
Про тебя ли, село, идетъ славушка, слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты, село, на красѣ стоишь,
На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На желтымъ пескѣ на сыпучіемъ,
На трехъ камешкахъ бѣлъ-горючіихъ,
На трехъ рѣченькахъ, рѣчкахъ быстрыихъ:
Какъ первая рѣченька Волга-матушка,
Вторая-то Уралъ-батюшка,
А третья рѣченька Сыръ-Дарья рѣка.

Ст. Оренбургская (Бердскій поселокъ), 1903 г., урядникъ Савва Перовъ 59 лѣтъ.

E.'' Ужъ ты, селушко-село, славно Павлово,
Село Павлово, графа Шереметева!
Про тебя идетъ слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты, село, на красѣ стоишь,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
Между двухъ рѣчушекъ между быстрыихъ:
Перва рѣченька Уралъ-батюшка, Уралъ-батюшка,
Вторая рѣченька Волга-матушка, Волга-матушка,
Между-то двухъ рѣченекъ стоитъ новъ-царевъ кабакъ,
Новъ-царевъ кабакъ, кабакъ Государя.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., бомбардиръ Василій Стрижевъ 56 лѣтъ.

E.''' Ужъ ты, селушко, славное село Павлово,
Село Павлово, графа Шереметева!
Про тебя ли, селушко, идетъ славушка, слава добрая:
Будто ты, село, на красѣ стоишь,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
Пескѣ на сыпучіемъ и на камешкѣ бѣлъ-горючіемъ;
Изъ-подъ камешка бѣгутъ три рѣченьки:
Первая Волга-матушка, вторая Ока быстрая, третья Уралъ-батюшка.

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

Военныя дѣйствія на Кубани и за Кубанью во второй половинѣ XVIII столѣтія противъ ногаевъ.

A. Какъ писалъ-то, писалъ Потемкинъ князь ко Исайлову,
Чтобы былъ-то готовъ Исайловъ князь съ легкой партіей,
Онъ набралъ бы казаченекъ самыхъ лучшихъ, доброконныхъ,
И бралъ бы съ собой хорунжушку-то Дубровскаго,
Есаулушку-то бралъ бы Ирыкольцева,
А фуражику-то бралъ бы съ собой сутокъ на тридцать,
А провіантику-то сутокъ на сорокъ,
Онъ какъ шелъ бы, ужъ шелъ, Исайловъ князь, на Кубань-рѣку,
Становился бы Исайловъ князь на Кубань-рѣкѣ,
Онъ поставилъ бы караулушки все расчастые,
Онъ поймалъ бы, поймалъ онъ языка—ногайца,
Онъ поймалъ бы, поймалъ черкесина.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

A'. Писалъ-то, писалъ Потемкинъ князь ко князю Исайлову,
Чтобы былъ-то Исайловъ князь съ легкой партіей,
Чтобы бралъ бы съ собой казаченекъ, что не лучшіихъ, доброконныихъ,
И чтобы бралъ онъ съ собой сотничка Дубовскаго, а есаулушку Ерлыкайскаго,
Чтобы бралъ бы съ собой провіанту сутокъ на тридцать,

А свинцу-пороху сутокъ на сорокъ
И чтобы шелъ, поспѣшалъ къ Кубани-рѣкѣ,
И чтобы были у казаченекъ легки ружьеца заряженыя,
Шашечки точеныя, а копьеца подостренныя.
Какъ имѣлъ-то, имѣлъ Исайловъ князь переправушку трое суточекъ,
На четвертыя суточки переправился;
Переправившись, Богу молился, низко кланялся:
„Спасибо тебѣ, славный тихій Донъ!
Простоялъ ты трое суточекъ, не шелохнулся.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ М. Пимоновъ 61 года.

Взятіе турецкой крѣпости Измаила.

А.

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ—
Наши храбры оренбургцы
Подъ Измаилъ-городъ *) идутъ.
„Трудно, трудно намъ, ребята,
Подъ Измаилъ-городъ итти,
Еще-то труднѣе намъ, ребятушки,
Подъ пушки подбѣжать.
Подходимъ мы, братцы оренбургцы,
Ко городу Измаилу,
Взяли быстро басурмановъ,
Закричали вразъ ура!“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Владиміръ Гришинъ.

*) Измаилъ брался русскими войсками три раза: въ 1770, 1790 и 1809 г г.; оренбуржцы во взятіи его не участвовали.

А: Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ—
Наши стройные казаки
Подъ Измаилъ-городъ идутъ;
Идутъ, идутъ казаченьки
Своимъ тихимъ маршемъ,
Идутъ, идутъ, маршируютъ,
Межъ собою говорятъ:
„Трудна служба намъ, казакамъ,—
Подъ Измаилъ-городъ походъ,
Да еще того раструднѣе
Подъ пушечки подбѣжать.
Подъ пушечки подбѣжали,
Закричали вразъ: Ура!
Ура! Ура! Городъ взяли,
Потрясли мы стѣны, валъ.“

Записана подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

Война со Швецiей 1788—1790 г.г..

А. При большомъ было и при высокомъ было при курганѣ,
Что на шведской было на границѣ;
Не бѣлы-то снѣжки забѣлѣлися—
Забѣлѣлися тутъ шатры полотняные,
А одинъ-то изъ нихъ шатеръ побѣлѣе всѣхъ.
Какъ у шатрика верхи-маковки были золоченые,
А подзоренки были шелковыя,
А во шатрикѣ стулья были золотые;
На стулу-то сидѣлъ нашъ батюшка Павелъ Петровичъ,
Передъ нимъ-то стоятъ его думчивы сенаторы;

Они думаютъ думу крѣпкую заедино:
„Кого же намъ послать на шведскую на границу,
Да и кѣмъ намъ достать шведскаго языку?
Намъ драгунъ, гусаръ послать, они не сослужатъ,
А пѣхотушку послать, ее не дождаться;
Намъ послать ли, не послать съ Дона кавалера,
Съ Дона кавалера графа Денисова:
Кромѣ его нѣкимъ намъ достать шведскаго языку.“

Ст. Раздыпная, 1903 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

A: Какъ во славномъ городѣ Петербургѣ,
На шведской было на границѣ,
Тутъ стояли шатрики шелковые,
На шатрикахъ—маковочки золотыя.
Какъ во тѣхъ-то шатрикахъ стоятъ столики дубовые;
На столахъ-то—скатерти мыты-браныя, вышивныя;
На скатерочкахъ—чернильницы золотыя;
Во чернильницахъ—перышки павлиныя;
За столами—стулья кленовые.
Какъ на стуликѣ сидитъ нашъ батюшка Царь,
Передъ нимъ стоятъ два думчивыхъ сенатора.
Они думали крѣпку думушку заедино:
„Что кого у насъ будетъ послати на шведскую на границу?
Черезъ кого намъ достати шведскаго языку?
Намъ гусаръ, драгунъ послати, они не сослужатъ намъ;

Пѣхотушку послати, долго ее ждати.
Намъ послать ли, не послать съ Дону кавалера,
Съ Дону кавалера, казака младого
По имени, по прозванію Павла Петрова."

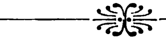
Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Филиппъ Барбусовъ 76 лѣтъ.

Штурмъ Праги и занятіе Варшавы въ 1794 г..

Не туманчикъ съ моречка поднялся,
Что не сильный дождикъ лилъ—
Графъ Суворовъ съ войскомъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ пошли.
Вся Варшава тяжело вздохнула,
Призаплакали ея войска:
„Лучше бъ земля съ небомъ разступилась,
Графъ Суворовъ къ намъ бы не ходилъ."
Городъ ядрами покрылся,
И не видно было съ полчаса;
Взявши, взявши городокъ Варшаву,
Веселились ровно три часа.
Ужъ мы выпьемъ за его здоровье,
Когда графъ намъ лично приказалъ.
Здравствуй, здравствуй, батюшка Суворовъ:
Всегда правдою живешь;
Тебя правда украшаетъ,
Ты и хочешь съ нею померетъ,
Тебя златомъ-серебромъ прельщаютъ,
Ты не хочешь на него смотрѣть.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижне-озерной отъ урядника Андрея Гавріиловича Яковлева.

Волненіе на Дону и переселеніе въ 1796 году донцовъ на Оренбургскую и Кавказскую линіи. (Указъ Императрицы Екатерины II 12 іюля 1795 г.).

А. Что издалече было, подалече было, во черкесскихъ юртахъ,
Что набольше того было подалече, въ зеленыхъ лугахъ;
Что растужился, расплакался младъ донской казакъ,
Что по имени, по отчеству Иванъ Рубцовъ;
Жалобу-то онъ творилъ на своего полковничка:
„Еще Богъ тебѣ судья, молодой полковничекъ свыше петербургскаго!
Что убилъ-то, застрѣлилъ зятюшку любимаго,
Что не одного-то застрѣлилъ, съ сестрицей родимой.“

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

Б. Никто про то не знаетъ, никто не вѣдаетъ,
Отчего же нашъ тихій славный Донъ возмущается.
Возмущается нашъ славный тихій Донъ
Отъ большихъ чиновъ, отъ трехъ генералушекъ:
Какъ отъ перваго генералушки—отъ Гудовича, *)
Отъ другого генералушки—отъ Черкасскаго,
А отъ третьяго генералушки—сына Иловайскаго. **)

---

*) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ былъ (1790—1797 г.) начальникомъ Кавказской линіи, а потомъ Кавказскимъ генералъ-губернаторомъ; онъ принесъ огромную пользу въ дѣлѣ обезпеченія тамошняго края отъ нападеній горцевъ. (См. Военный лексиконъ „Гудовичи.“).

**) Алексѣй Ивановичъ Иловайскій былъ войсковымъ атаманомъ Донского войска съ 1775 по 1796 годъ.

Иловайскій князь всю ночь не спалъ,—во игры игралъ,
Онъ не въ карты игралъ и не въ наперсточки,
Онъ игралъ-то, игралъ на бильярдушкѣ,
Проигралъ, промоталъ все Донское войско.

Записана войсковымъ старшиною И. К. Бухаринымъ.

Б: Никто-то про то не знаетъ, да никто не вѣдаетъ,
Отчего же нашъ славный тихій Донъ возмущается.
Воскутился, возмутился славный тихій Донъ отъ трехъ генералушекъ:
Какъ отъ перваго генералушки—отъ Гудовича,
Какъ отъ второго генералушки—князя отъ Черкасскаго,
Какъ отъ третьяго генералушки—князя Иловайскаго.
Какъ вечоръ-то ночесь Иловайскій князь во игры игралъ,
Онъ не въ карты игралъ и не въ наперсточки, а во бильярдъ каталъ;
Прокаталъ, прогулялъ Иловайскій сынъ пару вороныхъ коней со колясочкой,
Еще пропилъ, прокаталъ Иловайскій сынъ все житье-бытье, все свое имѣньице,
Еще пропилъ, прогулялъ Иловайскій сынъ весь нашъ славный тихій Донъ.
Какъ пропивши, промотавши, сѣлъ на лавочку онъ,

Потупилъ свои очи ясныя и призадумался;
Онъ, призадумавшись, сталъ указы фальшивые
писать и по войску разсылать:
Старыхъ стариковъ во Кубань-рѣку бросать,
А дѣвушекъ на фабричный дворъ брать,
А молодыхъ ребятъ во солдаты брить.

Ст. Разсыпная, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

В. Во горахъ-то, во горочкахъ, во горахъ во черкасскихъ,
За рѣкою то было за Кубанью,
Тамъ построена была бѣлокаменная бѣлая дугинюшка.
Во этой дугинюшкѣ стоятъ столики, столы раздвижные.
Какъ на столикахъ приразосланы скатерти браныя,
Какъ у скатертей висятъ кистья, кистья золотыя,
Какъ на столикахъ приразставлены яства сахарныя и пойла медовыя,
Какъ еще-то стоятъ двѣ чернильницы, полны чернилъ налитыя,
При чернильницахъ лежатъ два пера, пера лебединыхъ,
За столомъ-то сидитъ самъ князь Черкасскій,
Передъ нимъ-то стоитъ присланъ со тиха Дона младой невольничекъ,
Онъ не такъ стоитъ, тяжело вздыхаетъ,

Онъ родимую сторонушку часто вспоминаетъ.
Князь Черкасскій его, молодого невольничка,
братцы, нѣжно улещаетъ:
„Ты не плачь-ка, не плачь, молодой невольничекъ, не плачь, не печалься,—
Отпущу я тебя, молодой невольничекъ, братецъ, на свою сторону,
Укажу я тебѣ, молодому невольничку, путь-дороженьку;
Ты придешь-ка, придешь, молодой невольничекъ, на родину—явись своему атаману.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Клишинъ 66 лѣтъ.

Пѣсня про казака Гаврiила Григорьевича Сельдякова, звѣрски заколотаго киргизами.

На рѣченькѣ на Кузелкѣ
Не бѣлы снѣжки забѣлѣлися,
Не лазоревые цвѣты заалѣлися—
Забѣлѣлося въ чистомъ полѣ тѣло бѣлое, молодецкое,
Заалѣлися его ранушки кровавыя.
Не ясенъ соколъ надъ тѣломъ увивается—
Увивается, убивается его братъ родной:
„На ту пору, братецъ, меня съ тобой не было,
А то закрылъ бы я твою смертоньку животомъ своимъ,
Защитилъ бы твои ранушки грудью бѣлою.“

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Верхнеозерной.

Пѣсня про князя Волконскаго и безпорядки, возникшіе въ Уральскомъ войскѣ по случаю введенія новаго положенія 1803 г..

А. На зарѣ то было, все на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней, (2 р.)
На восходѣ то было у казаченьковъ,
Было солнца краснаго, (2 р.)
Среди торгу, все базарушки,
Среди красной площади, (2 р.)
Собирались тутъ все казаченьки,
Они во единый кругъ. (2 р.)
Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвиженный стулъ; (2 р.)
На стулу сидитъ у казаченьковъ,
Сидитъ самъ-то Волконскій князь, *) (2 р.)
Передъ нимъ-то стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ добрый молодецъ; (2 р.)
Онъ стоитъ, стоитъ разудаленькій,
Самъ не тряхнется, не ворохнется, (2 р.)
И русы его кудерюшки не шелохнутся.
Какъ не бьютъ его и не ругаютъ,
Но крѣпко спрашиваютъ:
„Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Разскажи ты правду-истину: (2 р.)
Ты какого рода-племени?
Ты не царь ли какой,
Аль какой-нибудь сынъ княжескій? (2 р.)
Али присланъ ты, добрый молодецъ,
Изъ иной земли къ подговору насъ?
Аль пришелъ ты къ намъ ты посломъ какимъ?“
И добрый молодецъ разудаленькій
Сталъ отвѣтъ держать передъ допросчикомъ:
«Не тебѣ бъ меня, добра молодца,
Не тебѣ бъ меня здѣсь допрашивать,
И не мнѣ бы, разудалому,
На твои рѣчи отвѣтъ сказывать,'

---

*) Оренбургскій военный губернаторъ князь Григорій Семеновичъ Волконскій управлялъ Оренбургскимъ краемъ въ 1803—1817 г..

Правду-истину повѣдывать!...
А спроси-ка насъ нашъ самъ батюшка,
Нашъ отецъ православный Царь,
Вотъ ему такъ, отцу общему,
(Пропадай моя головушка!),
Разсказалъ бы я правду горькую.»

(Мякушинъ стр. 73).

А: На зарѣ то было, только, братцы, все было на зоренькѣ,
На восходѣ было да у насъ, братцы, было солнца краснаго,
Собиралося здѣсь собраньице все не малое,
Да не маленькое здѣсь собраньице—все казачій кругъ,
Казачій кругъ все середи площади;
При казаченькахъ стоялъ раздвижной стулъ,
На стулу-то сидѣлъ нашъ батюшка Волконскій князь.
Передъ нимъ-то стоитъ добрый молодецъ, невольничекъ,
Онъ стоитъ не тряхнется, не шелохнется,
Его кудерюшки не ворохнутся.
Онъ бить-то его не бьетъ, а крѣпко спрашиваетъ,
Изъ ума его, казаченьку, все вывѣдываетъ:
„Ты скажи-ка, скажи, молодецъ, всю правду мнѣ, всю правдушку истинную,—
Царь ли ты, или царевичъ, или королевскій сынъ?“

«Я не Царь, не царевичъ и не королевскій сынъ,
Я изъ иной земли младъ посланничекъ,
Велѣлъ-то, велѣлъ мнѣ Царь все развѣдати, всю правду провѣдати.»

Ст. Буранная, 1902 г., хорунжій Н. Т. Сукинъ; ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Семенова; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ М. Пимоновъ 61 года.

А".

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,
Зарѣ было утренней,
На восходѣ-то, у казаченьковъ,
Было солнца краснаго,
Среди торгу да базарушки,
Середь красной площади,
Собиралися тутъ казаченьки,
Они во единый кругъ.
Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ у казаченьковъ,
Сидитъ самъ Волконскій князь;
Передъ нимъ стоитъ разудаленькій,
Стоитъ самъ Павловъ казакъ.
Онъ стоитъ, разудаленькій,
Стоитъ, самъ не тряхнется,
А русы его кудерюшки,
Кудри не шелохнутся.
Его бить не бьютъ, разудалаго,
Его крѣпко спрашиваютъ,
Изъ ума его, разудалаго,
Его все вывѣдываютъ:

„Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Скажи правду-истину:
Не король ли ты, иль королевичъ,
Иль ты королевскій сынъ?
Изъ иной ли ты изъ землюшки,
Изъ земли грозенъ посолъ?“
«Не тебѣ меня, разудалаго,
Тебѣ меня спрашивать,
Да не мнѣ тебѣ, разудалому,
Не мнѣ тебѣ было сказывать,
А спросилъ бы меня, разудалаго,
Спросилъ православный Царь,
Я сказалъ бы ему, Царю Бѣлому,
Сказалъ бы правду-истину.»

(Мякушинъ стр. 75).

Б. Во Уральскомъ было, было славномъ городѣ,
По большой то было большой славной улицѣ,
По проѣзжей было по Нетрясовой; *)
Какъ ведутъ-то, ведутъ добраго молодца;
Его рѣзвы ноженьки крѣпко скованы,
Его бѣлы рученьки назадъ связаны,
Чумбурчикомъ причумбурены.
Никто-то его, никто провожать нейдетъ,—
Провожала его мать родимая;
Какъ по правый-то бокъ идетъ отецъ съ матерью,
Какъ по лѣвый бокъ идетъ весь родъ-племя,

*) Вѣроятно, по „Митрясовской.“

Позади-то идетъ молода его жена,
Молода жена идетъ съ малыми дѣтушками,
Съ малыми дѣтушками идетъ, слезно плачетъ.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

Б: Во Уральскомъ было славномъ городѣ,
По проѣзжей было славной улицѣ,
По большой было по Нетрясовой; *)
Какъ ведутъ-то его, ведутъ добраго молодца
Безвиннаго, безпричинннаго.
Его рѣзвы ноженьки скованы,
Его бѣлы рученьки связаны.
Никто-то его провожать нейдетъ.
Напередъ-то идетъ отецъ съ матерью;
Позади-то идетъ молодая жена,
Какъ идетъ-то она слезми заливается;
По бокамъ-то идутъ конвойщики,
Какъ конвойщики законвоены,
Нарѣзны-то ружья заряжены.

Ст. Оренбургская, 1903 г., урядникъ Савва Перовъ 59 лѣтъ; ст Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Василій Чагринъ

Прусско-россійско-французская война 1806-1807 г..

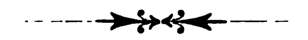
Ну-ка, братцы казаченьки,
Станемъ нѣмцевъ выручать,
А то нѣмцы трусоваты,
Намъ за нихъ, знать, отвѣчать.

---

*) Вѣроятно; по „Митрясовской“

Не боимся этихъ галловъ,—
Шашки вострыя у насъ,
Лишь бы батюшка нашъ Платовъ
Допустилъ къ нимъ скоро насъ!
Расщелкаемъ эту св...чь,
Разобьемъ мы всѣ полки;
Намъ не надобна ихъ помощь,
Намъ не нужны пруссаки!
Бонапартъ хоть и храбрится,
Но наплящется и онъ,
Какъ удастся намъ сразиться:
Съ нами князь Багратіонъ!
Онъ Суворова-Рымникска
Ученикъ достойный былъ;
Подойди-ка къ нему близко,
Онъ покажетъ тебѣ пылъ!
Хоть будь впятеро сильнѣе,
Онъ не станетъ отступать:
Тамъ гораздо онъ смѣлѣе,
Гдѣ труднѣе побѣждать.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Турецкая война въ царствованіе Императора Александра I. Походъ 809 года.

А. Поле наше чистое, поле турецкое!
Мы когда тебя, поле, пройдемъ?
Когда, чистое, прокатимся,
Черезъ Дунай-рѣчку переправимся?
Мы сойдемся съ непріятелемъ,
Со такой ордой невѣрною,
Со невѣрною турецкою,

Съ графомъ Паскевичемъ *) во полонъ се
возьмемъ.
Графъ Паскевичъ намъ говаривалъ:
„Не убойтеся, ребятушки моего полка казаченьки:
Можетъ Богъ-отъ насъ помилуетъ,
Государь-то насъ пожалуетъ,
Онъ крестами и медалями,
Орденами, офицерами.“

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ.

4.

Ужъ ты, поле мое чистое,
Поле широкое, раздольице.
На томъ полѣ на томъ чистомъ
Мы сойдемся съ непріятелемъ—
Со такой ордой невѣрною,
Со невѣрною турецкою.
На турецкій славный праздничекъ,
На злосчастный день во середу
Злые турки разгулялися,
Всѣ до пьяна напивалися,
Во хмелю-то похвалялися:
„Мы Россіюшку насквозь пройдемъ,
Графа Паскевича во полонъ возьмемъ.“
Графъ Паскевичъ уговаривалъ:
«Вы не бойтеся, ребятушки,
Послужите вѣрой-правдою.»

Ст. Магнитная, 1903 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

---

*) Графъ Паскевичъ въ 1809 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Браиловымъ, Исакчи, Тульчи, Мачиномъ, Кистенджи, Рассеватѣ и Силистріи (Военный лексиконъ 1858 г. т. XIV „Паскевичъ.“).

Главнокомандующій генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ въ Турецкой (1806-1812 г.) войнѣ въ 1811 и 1812 годахъ.

Что не соколы крылаты
Чуютъ солнечный восходъ—
Царя Бѣлаго казаки
Собираются въ походъ.
Какъ задумалъ князь Кутузовъ
Со дружиною своей:
„Какъ бы намъ, братцы казаки,
Намъ турецкій городъ взять?“
Тутъ казаки—въ черныхъ буркахъ;
Они строятъ свой завалъ,
Они строятъ, поспѣшаютъ,—
Турка въ гости къ себѣ ждутъ.

Ст. Донецкая, 1903 г., казакъ Александръ Инякинъ.

Отечественная война 1812 года. ***А.***

Что не соколы крылаты
Чуютъ солнечный восходъ—
Бѣлаго Царя казаки
Собираются въ походъ. } 2 раза.
Кровь ихъ мужествомъ пылаетъ,
Грудь отвагою полна,
Память славы вызываетъ
На поля Бородина, } 2 раза.
Гдѣ на полѣ басурманы
Шлютъ намъ ядра на поклонъ.
Заметалися злодѣи;
Выходи, Наполеонъ! } 2 раза.
„Смерть врагамъ!“ сказалъ Кутузовъ
И съ дружиною своей
Началъ потчевать французовъ
По-казачьи, безъ затѣй! } 2 раза.

Вотъ съ пригорка батареи
Шлютъ имъ ядра на поклонъ;
Зашаталися злодѣи, } 2 раза.
Захмелѣлъ Наполеонъ:
Онъ надѣялся на силу,
Насъ не развѣдавши путемъ,
Себѣ заживо могилу } 2 раза.
Русскимъ выкопалъ штыкомъ.
Ахъ ли ты грозилъ войною,
Побѣдить насъ захотѣлъ,
Лишь съ одною головою } 2 раза.
Твой орелъ къ намъ залетѣлъ!

Ст. Нижнеозерная, 1902 года, вахмистръ Степанъ Ситниковъ и бомбардиръ Василій Стрижевъ 56 лѣтъ.

A: Что двѣнадцатаго года
Посѣдѣлые орлы,
Православному народу
Заслужили славу мы.
Взоры мужествомъ пылаютъ,
Грудь отвагою полна,
Память славы созываетъ
На поля Бородина.
За живое насъ задѣло,—
Съ вѣрой Богу помолясь,
Вся Россія закипѣла
И къ знаменамъ собралась.
Какъ по волѣ басурманской
Ото всѣхъ концовъ земли,
Словно волны океана
Тьмы народовъ натекли.

„Смерть!“ сказалъ врагамъ Кутузовъ
И съ дружиною своей
Началъ потчевать французовъ
По-казачьи, безъ затѣй!
        На пригоркѣ батарея
        Шлетъ имъ ядра на поклонъ,
        Зашаталися злодѣи,
        Захмелѣлъ Наполеонъ.
Пушки мѣдны побросали;
Русски грянули ура!
Показали мы французамъ,
Какъ столицу Москву брать!

Ст. Оренбургская, 1902 г., хорунжій Г. Н. Качалинъ; ст. Пречистенская, 1902 г., казакъ Александръ Константиновъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ.

Б. Какъ со горъ-то, со горъ, со горъ со высокихъ
Снѣга, братцы, сокатались,
        Какъ неполая вода,
        Вода въ лугахъ разливалась—
Наши легенькіе, легенькіе кораблички
Они съ моря во походъ пошли,
        Какъ со дорогимъ они со припасомъ—
        Со свинцомъ они, со порохомъ.
Какъ французскій король Царю Бѣлому
Письмомъ грознымъ ему отсылался:
        Онъ велѣлъ припасти и приготовить же
        Въ Москвѣ квартиръ сорокъ тысячъ;
Самому королю, королю французскому,—
Ему царскія бѣлы палатушки,

А князьямъ-то его, боярамъ,—
Имъ дома купеческіе.
Какъ на ту пору нашъ православный Царь
А онъ крѣпко призадумался,
Его царская коронушка
Къ землѣ она приклонилася,
Его царская персонушка
Въ лицѣ она перемѣнилася.
Какъ передъ нимъ-то стоитъ
Самъ Кутузовъ графъ.
„Не пугайся ты, нашъ православный Царь,
Короля французскаго:
Ужъ мы выставимъ ему квартирушки—
Ему поля чистыя,
А князьямъ-то его, боярамъ,—
Имъ пушки мѣдныя,
А на закусочку-то ему—
Ему пули мѣткія.“

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ Ал. Ив. Суровымъ.

В. Восхвалился воръ-французикъ
Россеюшку взяти, Москву раззорити.
Расплакались, растужились наши сенаторы.
Вы не плачьте, не тужите, наши сенаторы:
Можетъ, можетъ Богъ-отъ намъ поможетъ,
А Платовъ пособитъ.
Идетъ силушка наша россейска,
Идетъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ четырехъ,
Генералъ казачій Платовъ—
Со праваго флангу.

Во лѣвой рукѣ онъ держитъ
Шелковы поводья,
Во правой рукѣ онъ держитъ
Подзорную трубу;
Выглядывалъ, высматривалъ
Французскую силу;
Много силушки россейской,
Но французской больше.
Генералъ нашъ казачій Платовъ
По полкамъ гуляетъ,
Приказъ отдаваетъ:
«Канониры, славны бомбардиры,
Слушайте приказу:
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не вскрывайте.»
Воспалилъ же воръ-французикъ
Изъ пушекъ картечью,
Казаченьки молоденьки—
Изъ своихъ изъ ружей.

Записана войсковымъ старшиною И. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной отъ урядника Андрея Гавріиловича Яковлева.

Г. Какъ не двѣ тученьки не двѣ грозныя
Вмѣстѣ сходилися—
Какъ двѣ силы-армеюшки
Вмѣстѣ соѣзжалися:
Какъ одна сила-армеюшка
Она Царя Бѣлаго,
Какъ вторая сила-армеюшка
Короля французскаго.
Господа ли генералушки

Вмѣстѣ соходилися,
Они думали крѣпку думушку
Все заедино:
„А когда же у насъ, братцы, будетъ
Бой-батальица?
На осенній первый праздничекъ, братцы,
На Семеновъ день.“
Какъ Семеновъ день приходитъ, братцы,
Какъ гора валитъ;
Какъ Семеновъ день цроходитъ, братцы,
Какъ рѣка бѣжитъ;
Какъ ударили изъ пушекъ, братцы,
Изъ винтовочекъ—
Покатилися съ могучихъ плечъ
Головушки,
Полилася басурманская кровь
На всѣ четыре стороны.

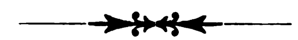
Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Филиппъ Барбусовъ 76 лѣтъ.

Д. Эхъ ты, злодѣй, воръ-французъ, грабитель!
Ты зачѣмъ пришелъ въ Москву стоять?
Ты зачѣмъ пришелъ въ Москву стоять,—
Долженъ жизнь свою въ Москвѣ скончать.
Похвалялся воръ-французъ, грабитель,
Своимъ пьянымъ польскимъ табуномъ.
Запрудилъ французъ рѣченьку Березину,
Самъ на волю жить въ Парижъ ушелъ.
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ въ колѣно,
Не съ охотой мы за нимъ пошли.
Отошли мы три версты отъ мѣста,

Становились въ полѣ ночевать.
Проявились французскія моды,
Изъ соломы стали строить домъ,
Чтобы дождичкомъ насъ не мочило,
И съ горъ погодой не несло.
Послужите вы, братцы, подольше,
Вамъ будетъ очень хорошо:
Сухарей и водочки у насъ довольно,
Обуваютъ, одѣваютъ насъ хорошо.

Ст. Кундравинская, 1903 г., урядникъ Гавріилъ Вопиловъ.

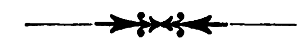

Е.

Слава Платову, герою:
Побѣдитель былъ врагамъ,
Побѣдитель былъ врагамъ.
Слава русскимъ казакамъ!
Вы Платова поищите
Между русскіихъ полковъ.
Знаемъ, знаемъ, гдѣ сыскать!
Знаемъ, знаемъ, Донъ каковъ!
Украшенъ Донъ славой русской,
Самъ собою доказалъ.
„Что же терпитъ Донъ французовъ?“
Государь приказъ отдалъ:
„Вы злодѣевъ не щадите,
Мои вѣрные друзья,
Царю вѣрно послужите
Такъ, какъ дѣды и отцы!“
«Ужъ мы сдѣлаемъ почище,
Чтобъ пріятно было намъ:

Мы подольше ужъ послужимъ,
Мы докажемъ всѣмъ врагамъ!
    Отъ Москвы село есть близко....
    Государь къ намъ пріѣзжалъ;
    Онъ „здорово" намъ сказалъ,
    Путь къ Парижу показалъ.»

Записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ; ст. Оренбургская, 1903 г., хорунжій Г. Н. Качалинъ.

Пѣсня про войскового донского атамана графа М. Ив. Платова (1751—1818 г.).

А.

Ты, Россія, ты, Россія,
Мать россійская земля!
Припѣвъ: Лели, лели, лели, лели, } 2.
    Мать россійская земля. }
Про тебя ли, мать Россія,
Далеко слава прошла!
    Лели, лели, лели, лели, } 2.
    Далеко слава прошла! }
Далеко слава прошла
Про Бѣлаго про Царя!
    Лели и пр.. (2)
Про Бѣлаго про Царя,
Про Платова казака.
    Лели и пр.. (2)
У Платова казака
Не стрижены волоса.
    Лели и пр.. (2)
Не стрижены волоса
И не брита борода.
    Лели и пр.. (2)
Чрезъ законъ Платовъ ступилъ:

Себѣ бороду обрилъ.
Лели и пр.. (2)
Себѣ бороду обрилъ,
У француза въ гостяхъ былъ.
Лели и пр.. (2)
Французъ его не призналъ:
За купчика принималъ.
Лели и пр.. (2)
За купчика принималъ,
За бѣлыя руки бралъ.
Лели и пр.. (2)
За бѣлыя руки бралъ,
За убраный столъ сажалъ.
Лели и пр.. (2)
За убраный столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ.
Лели и пр.. (2)
Рюмку водки наливалъ,
Его выпить приглашалъ.
Лели и пр.. (2)
Ужъ ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Ты, проѣзжій молодецъ!
Лели и пр.. (2)
Выпей рюмку, выпей двѣ,
Разскажи всю правду мнѣ.
Лели и пр.. (2)
Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Генераловъ много зналъ.
Лели и пр.. (2)
Одного только не зналъ,
Что Платова казака.
Лели и пр.. (2)
Кто бъ Платова показалъ,
Тому бъ много казны далъ.
Лели и пр.. (2)
Ему Платовъ отвѣчалъ,

Чтобъ казны онъ не терялъ.
Лели и пр.. (2)
„Вамъ на что казну терять,
Можно такъ его видать.
Лели и пр.. (2)
Онъ вѣдь ростомъ недоростокъ,
Ровно братецъ мой родной.
Лели и пр.. (2)
Ровно братецъ мой родной,
Отца-матери одной.“
Лели и пр.. (2)
У француза дочь Арина
Съ купцомъ рѣчи говорила:
Лели и пр.. (2)
«Ужъ ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Покажи мнѣ свой портретъ.»
Лели и пр.. (2)
Платовъ портретъ показалъ,
Изъ палаты вонъ бѣжалъ.
Лели и пр.. (2)
На крылечко выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ:
Лели и пр.. (2)
„Ужъ вы, слуги, мои слуги,
Вы, донскіе казаки!
Лели и пр.. (2)
Вы, донскіе казаки,
Вы, товарищи мои!
Лели и пр.. (2)
Вы подайте мнѣ коня,
Коня быстраго мово.“
Лели и пр.. (2)
На коня Платовъ садился,
Самъ съ насмѣшкой говорилъ:
Лели и пр.. (2)
„Ты, ворона, ты, ворона,

Ты, французскій Бонапартъ!
Лели и пр.. (2)
Не умѣла ты, ворона,
Сокола въ когтяхъ держать!
Лели и пр.. (2)
Выѣзжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять!
Лели и пр.. (2)
Во чисто поле гулять
И съ Платовымъ воевать!
Лели, лели, лели, лели, } 2.
И съ Платовымъ воевать!

(„100 пѣсенъ“ стр. 44).

A: Ты, Россія ли, Россія,
Мать россійская земля!
Мать россійская земля
Много горя приняла,
Много горя, много нужды,
Много крови пролила.
Казакъ Платовъ, генералъ,
По армеюшкѣ ѣзжалъ,
По армеюшкѣ ѣзжалъ,
Приказъ строгій отдавалъ:
„Вы послушайте, ребята,
Что я буду говорить!
Вы сѣдлайте мнѣ конечка
Во черкасское сѣдло:
Я поѣду, казакъ Платовъ,
Ко французск(ом)у королю,

Ко французск(ом)у королю,
Ко турецкому дворцу.
Привяжу свово конечка
Ко точеному столбу,
Ко точеному столбу,
Къ позолоченү кольцу.“
Коня добра привязалъ,
Самъ въ палатку онъ вступалъ,
Во палатку онъ вступалъ,
Французъ на ноги вставалъ,
Французъ на ноги вставалъ,
За бѣлы руки прималъ,
За бѣлы руки прималъ,
За дубовый столъ сажалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Стаканъ водки наливалъ,
Самъ купчиной называлъ:
Платовъ казакъ мудренъ былъ,—
Бритву, ножницы купилъ,
Бритву, ножницы купилъ,
Себѣ бороду обрилъ,
Себѣ бороду обрилъ,
У француза въ гостяхъ былъ,
Французъ его не узналъ,
За купчика признавалъ.
„Ты, купчина ли, купчина,
Ты купеческій сынокъ!
Ты скажи-ка мнѣ, купчина,
Ты съ какой же стороны?“
«Я изъ той ли изъ сторонки,
Изъ самой я изъ Москвы.»
„Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Генераловъ много зналъ,
Одного только не зналъ .
Я Платова казака.
Кто бъ про него мнѣ разсказалъ,

Я тому бы денегъ далъ.“
«Зачѣмъ казну эту терять,
Его можно такъ признать:
У Платова казака
Не стрижена голова,
Не стрижена голова
И не брита борода;
Кудри русы у него,
Какъ у брата моего,
Какъ у брата моего,
Глядишь прямо на него!»
Казакъ Платовъ выступилъ,
Самъ записку выбросилъ;
Въ стремя ногу онъ совалъ,
Самъ вороной называлъ:
«Ты, ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умѣла ты, ворона,
Поймать ясна сокола.»

Ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Дмитрій Ивановъ; ст. Оренбургская, 1903 г., подъесаулъ Н. С. Головинъ; записана также и подъесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Котельникова.

А:"

Россія ли, Россія,
Всѣ московски города!
Французъ въ Москвѣ бывалъ,
По шести недѣль живалъ,
По шести недѣль живалъ,
Много князей-бояръ видалъ,—
Не видалъ онъ одного,
Грубіяна своего,

Грубіяна своего,
Онъ Платова казака.
Нашъ-отъ Платовъ генералъ
По армеюшкѣ ѣзжалъ,
По армеюшкѣ ѣзжалъ,
Приказъ строгій отдавалъ.
За то Царь его любилъ,
Къ себѣ въ гости попросилъ,
Русу бороду обрилъ,
Купчинушкой снарядилъ,
Купчинушкой снарядилъ,
Ко французу проводилъ.
Французъ его не узналъ,
За купчика принималъ,
За бѣлыя руки бралъ,
Во палаты заводилъ,
Въ бѣлокаменны палаты,
За дубовые столы.
За дубовый столъ садилъ,
Стаканъ водки подносилъ,
Стаканъ водки подносилъ,
Таки рѣчи говорилъ:
„Кто бы, кто бы мнѣ сказалъ
Про Платова казака?
Кто бы, кто бы мнѣ сказалъ,
Тому много бъ казны далъ?“
«Зачѣмъ тебѣ казну терять,
Его можно такъ узнать.
Ты гляди-ка на меня,
Что Платовъ-отъ какъ и я,
Русы кудри у него,
Какъ у брата моего,
Лицо бѣленькое,
Щечки аленькія.»
У француза дочь Арина
Таки рѣчи говорила:

„Ой ты, купчикъ,
Сизъ голубчикъ!
Покажи-ка свой портретъ?“
Купецъ портретъ вынималъ,
Изъ палаты побѣжалъ,
Изъ палаты побѣжалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
«Ой вы, гой еси, казаки,
Оренбургцы молодцы!
Вы ведите-ка скорѣе
Мнѣ вороного коня,
Коня вороного,
Пріосѣдланнаго.»
Онъ садился на коня,
Самъ поѣхалъ со двора,
Самъ поѣхалъ со двора,
Нову пѣсенку запѣлъ:
«Ты, ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умѣла ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать.»

Ст Кундравинская, 1903 г., казакъ Андрей Колодкинъ 65 лѣтъ.

Пѣсня про графа Михаила Семеновича Воронцова. *)

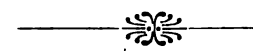
Воронцовъ-отъ князь хвалился,
Князь а онъ выхвалялся:
Хотѣлъ штурмомъ городъ взять.

---

*) Графъ Воронцовъ впослѣдствіи былъ пожалованъ чиномъ генералъ-фельдмаршала и званіемъ свѣтлѣйшаго князя.

Штурмомъ городъ проходили,
Разнесли враговъ какъ пухъ.
Изъ-за горъ было, горъ-отъ венгерскихъ,
Французъ съ арміей стоялъ,
Французъ съ арміей стоялъ,
Воронцова въ гости звалъ.

Ст. Сакмарская, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (оружейный мастеръ) Лаврентій Брынцевъ.

Пѣсня про майора Белякова.

А. Не черныя, братцы, тучи поднималися—
Появлялися казаченьки Царя Бѣлаго Петра Перваго.
Напередъ идетъ Атаманскій полкъ, *) онъ весь радошенъ:
Въ барабаны бьютъ въ полку по-новому,
Въ трубы трубятъ по-веселому,
Царско знамечко несутъ распущеное;
У знамя косыночка вьется до сырой земли.
Позади идетъ Бѣляковъ полкъ *) весь нерадошенъ:
Во трубы трубятъ по-кручинному,
Царско знамечко несутъ во черномъ чехлѣ.
Напередъ ѣдетъ Бѣляковъ на добромъ конѣ;
Подъ Бѣляковымъ сивый добрый конь идетъ, спотыкается,
А самъ Бѣляковъ съ луки на луку все качается.
Взговорилъ Бѣляковъ своимъ громкимъ голосомъ:

---

*) Въ войнѣ съ французами 1812—1814 г.г. участвовали Атаманскій тысячный полкъ майора Василія Авдѣева и № 3-й пятисотенный майора Якова Бѣлякова подъ общимъ начальствомъ войскового атамана полковника Василія Андреевича Углицкаго.

„Ой ли еси, казаченьки моего полка, моей первой сотенки!
Не попомните-ка Бѣляковой спѣси-гордости:
Вы сымите-ка скорѣе Бѣлякова со добра коня;
Вы ведите-ка Бѣлякова на синее море;
Вы обмойте-ка съ Бѣлякова мою горячу кровь;
Схороните-ка Бѣлякова промежъ трехъ дорогъ:
Между петербургской, московской и славно-кіевской.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Недорѣзовъ 67 лѣтъ.

А: Взволновалася да съ горъ погодушка—
Собиралася армеюшка, армія не малая,
Царя Бѣлаго она Петра Перваго;
Какъ идутъ полки, идутъ все казаченьки.
Во полку трубы трубятъ они все по-новому,
Въ барабаны бьютъ въ полку они по-нотному,
Царско знамечко несутъ во черномъ чехлѣ,
Какъ у знамечка косыночки онѣ до сырой земли.
Позади-то полка ѣдетъ самъ Бѣляковъ князь;
Съ луки на луку Бѣляковъ все качается.
Возговорилъ-то Бѣляковъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы, братцы мои, вы, казаченьки!
Вы откройте-ка Бѣлякову вы ему алу кровь;
Схороните вы Бѣлякова между трехъ дорогъ:
Между питерской, московской и славно-кіевской.“

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., бомбардиръ Андрей Болодуринъ.

Война за освобожденіе Европы отъ владычества Наполеона 1813—1814 г.г..

А.

Пойдемъ, братцы, за границу
Бить отечества враговъ!
Вспомнимъ матушку Царицу,
Вспомнимъ вѣкъ ея каковъ!
Славный вѣкъ Екатерины
Намъ напомнитъ каждый шагъ:
Тѣ поля и тѣ долины,
Гдѣ бѣжалъ отъ русскихъ врагъ.
Вотъ, Суворовъ гдѣ сражался,
Вотъ, Румянцевъ гдѣ разилъ!
Каждый воинъ отличался,
Путь ко славѣ находилъ!
Каждый воинъ духъ геройскій
Среди мѣстъ сихъ доказалъ,
И, какъ славны наши войски,
Цѣлый свѣтъ объ этомъ зналъ.
Между славными мѣстами
Устремимся дружно въ бой....
Съ лошадиными хвостами
Побѣжалъ французъ домой.
За французомъ мы дорогу
И къ Парижу будемъ знать;
Зададимъ ему тревогу,
Какъ столицу будемъ брать!
Тамъ-то мы расположимся,
Въ прахъ разбивъ богатыря,
И тогда повеселимся
За народъ свой и Царя!

(„100 пѣсенъ“ стр. 27).

Ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; записалъ во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесаулъ Л. Г. Чернявскій; записана и подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

Б.

Ѣздилъ русскій Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Изъ своей земли далеко
Злобу поражать! (2)
Грозно онъ каралъ враговъ,
Много побралъ городовъ:
Отъ Москвы и до Парижа
Лавры пожиналъ! (2)
Крови тамъ лились моря,
Смерть летала вкругъ Царя,
Посреди военной бури
Богъ его хранилъ. (2)
Онъ за зло платилъ добромъ,
Воскресилъ Бурбоновъ домъ,
Имя русское прославилъ,
Миръ вселенной далъ. (2)
Гдѣ ты, свѣтлый царь царей,
Ангелъ міра, другъ людей?
Гдѣ ты, солнце наше красно,
Гдѣ ты, гдѣ теперь? (2)
Или въ царствѣ ты лилей?
Иль средь радостныхъ морей?
Или, свѣта ставъ любовью,
Позабылъ дѣтей? (2)
Полно радовать чужихъ,
Намъ завидно счастье ихъ;
Возвратись изъ странъ далекихъ
На родимый край! (2)
Безъ тебя веселья нѣтъ,
Опостылъ намъ бѣлый свѣтъ,
Грустно безъ отца родного,
Возвратись скорѣй! (2)
Ждетъ тебя Царица мать,
Жаждетъ сына лобызать;
Ждетъ прекрасная царевна,
Ждетъ святая Русь. (2)

О, зефиры на крылахъ
Или рѣки на волнахъ,
Принесите намъ скорѣе
Нашего Царя! (2)

(„100 пѣсенъ“ стр. 12).

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ: записана также и подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

Пѣсни, относящіяся къ войнѣ съ французами 1812-1814 г.г..

А. Какъ на зорькѣ, на зарѣ, на утренней было на росѣ,
Какъ не золотая трубонька привострубила,
И не серебряная сиповочка привозыгрывала—
Да возговорилъ, промолвилъ нашъ графъ Циповсковъ *) генералъ:
„Господа, вы, генералушки со полковничками,
Вы отдайте-ка приказы по всей арміи своей,
Чтобы были у васъ казаченьки во исправности своей,—
Шашки вострыя и ружья чистыя, во замкахъ кремни востры:
Какъ заутра къ намъ французъ въ гости хотѣлъ быть,
Чтобы было у насъ чѣмъ его потчевать.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Клишинъ 62 лѣтъ.

*) Фамилія настолько искажена, что трудно сказать, кто это.

А: Въ сентябрѣ было мѣсяцѣ во первыихъ числахъ;
Не грозная туча съ моря поднималася—
Поднималася, появлялася сила-армія,
Не мало-то ее, малешенько: тысячъ до сорокъ.
Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ—
Молодой душа нашъ полковничекъ по полкамъ
гуляетъ,
По полкамъ, полкамъ гуляетъ, приказъ отдаваетъ:
„Вы послушайте, мои казаченьки, мово приказанія:
Чтобы были у васъ шашки отпущены,
Чтобы были у васъ ружья позаряжены,
Чтобы были у васъ кони призасѣдланы:
Какъ заутра у насъ будетъ сраженьице, будетъ
кроволитіе.“

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

Б. Не двѣ тучи не двѣ грозныя сходилися—
Сходилися, соѣзжалися двѣ армеюшки:
Какъ первая армеюшка была Царя Бѣлаго,
Какъ другая, братцы, армеюшка короля французскаго.
Они билися да рубилися они день до вечеру,
Охъ разосеннюю темну ноченьку до бѣлой зари.
На бѣлой-то зарѣ надъ Бѣлымъ-то Царемъ несчастье случилося,—
Какъ убили въ полку что не лучшаго храбраго
хорунжушку,
Вѣдь убить-то его не убили: его крѣпко ранили,

Подстрѣлили свинцовой пулей во бѣлу его грудь,
Изъ бѣлой-то груди—въ ретиво сердце.
Онъ упалъ къ коню на черну гриву, а съ гри-
вушки на сыру землю,
Упалъ, закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Не спокиньте меня во дикой степи, отомстите
моему непріятелю."

Ст. Разсыпная, 1903 г., казаки братья Никифоръ (66 л.) и Осипъ (62 л.) Клишины.

В.

На островѣ родился,
Жить во Францію явился
Нашъ Наполеонъ. (2 р.)
Онъ мѣщанскій сынъ, обманьщикъ,
Самому Царю приказчикъ,
Вѣтреный французъ. (2 р.)
Самъ господъ онъ изнурилъ,
Серебромъ господъ дарилъ,
Господъ потѣшалъ. (2 р.)
Господа его признали,
Царемъ Бѣлымъ называли,
Долго жилъ царемъ. (2 р.)
Самъ себя онъ безпокоилъ,
Много русской крови пролилъ,
Въ Россію зашелъ. (2 р.)
Онъ въ Россію ворвался,
Въ нашу Москву забрался,
Что жъ онъ получилъ? (2 р.)
Получилъ, какъ волкъ телицу,
Нашу главную столицу—
Прекрасну Москву. (2 р.)

Онъ зашелъ въ Москву обманомъ
Со музыкой, съ барабаномъ,
Съ весельемъ такимъ. (2 р.)
Обрывалъ въ церквахъ иконы,
Нагружалъ свои обозы,—
Разжиться хотѣлъ. (2 р.)
Разжиться не удалось:
Назадъ французу отдалось,
Самъ впередъ бѣжалъ. (2 р.)
Гренадеры со штыками,
А казаки со копьями,
Стали провожать. (2 р.)
Чувствительны поляки
Безъ чулокъ бѣгутъ, безъ шляпы,
Кто жъ ихъ обогрѣ(е)тъ! (2 р.)
Ранымъ-рано по утру
Всѣ начальнички въ кругу
Отрекли *) царя. (2 р.)

Ст. Оренбургская, 1902 г., урядникъ Никита Качалинъ 53 лѣтъ; ст. Кундравинская, трубачъ Комлевъ (1902 г.) и урядникъ Гаврiилъ Вопиловъ 46 лѣтъ (1903 г.).

Походъ на западную границу для содержанія постовъ.

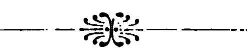
Командиръ былъ у насъ хорошiй, **)
Онъ командовалъ нашимъ полкомъ,—
Хотя лежалъ онъ крѣпко боленъ,

*) По взятiи въ 1814 году союзными (Россiя, Австрiя, Пруссiя, Швецiя) войсками Парижа, Наполеонъ, по приговору французскаго сената, былъ низложенъ съ престола.

**) Возможно, что въ пѣснѣ этой казаки воспѣваютъ смерть командира № 3 полка майора Бѣлякова, скончавшагося въ 1816 году. Полкъ № 3 въ это время стоялъ на границѣ съ Пруссiей. Ср. выше „Пѣсню про майора Бѣлякова.“

Онъ въ походъ итти съ нами желалъ;
Мы душевно съ нимъ желали,
Когда Богъ намъ только приведетъ.
Кровь кипитъ, и сердце бьется....
Слезы катятся изъ глазъ....
Рѣчку Днѣпръ переходили
И за Днѣпръ жить только пошли.
Черезъ границу переступили,
Занимали мы свои посты.
Вдругъ нерадошная вѣсть явилась
И раздалася по полку:
Померъ, померъ нашъ полковникъ,—
Память вѣчная ему.

Ст. Сакмарская, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (оружейный мастеръ) Лаврентій Брынцевъ.

Погоня хорунжаго Алемасова за киргизами, взявшими въ плѣнъ казака Губерлинскаго поселка Зеленина въ 1818 году.

Выѣзжалъ Алемасовъ
На крутую гору,
Смотрѣлъ-глядѣлъ
Въ подзорную трубу;
Ничего въ полѣ
Было не видно,—
Одинъ камышъ-травка
Въ чистомъ полѣ качается.

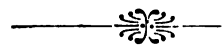
Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1895 году въ поселкѣ Губерлинскомъ отъ Ольги Ивановны Пудовкиной, урожденной Зелениной, дочери плѣнника.

Миссія въ Бухару въ 1820 г..

А.

Межъ горами, межъ долами,
Межъ ущельевъ Сыръ-Дарьи
Бухарія есть.
Наши прадѣды слыхали,
А мы сами тамъ бывали:
Намъ слава и честь.
У нихъ городъ-то на глинѣ,
На базарѣ однѣ дыни,
А капусты нѣтъ;
У нихъ избы какъ сараи:
Безъ окошекъ, а съ дверями,—
Скверно посмотрѣть!

Ст. Кундравинская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

А':

За горами, за долами,
За Куванными-Дарьями
Бухарія есть.
Бухарія славный городъ:
Тамъ не брѣютъ усовъ, бородъ,
На ишакахъ ѣздятъ,
Чѣмъ и какъ-нибудь торгуютъ
И на всѣ лады плутуютъ:
Всякъ бухарецъ плутъ.
А эмиръ предобрый малый,
Какъ арбузъ желтый завялый,
Плѣшива башка;
Онъ любилъ вино пить ночью,
Потому онъ насъ нарочно
Водой осушалъ.

Городъ выстроенъ изъ глины,
На базарѣ однѣ дыни,
А капусты нѣтъ;
Дома точно какъ сараи:
Безъ окошекъ, со дверями,—
Гадко посмотрѣть.
Не завидуйте-ка, дѣды,
На бухарскія бесѣды:
Не видали вы,—
Отечество драгое,
Вся Россія золотая,
Нельзя сравнить съ ней.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Татищевской отъ Якова Андреевича Чернова 85 лѣтъ

Причитаніе жены казака Нижнеозерной станицы Бородина, захваченнаго въ плѣнъ киргизами въ трехъ верстахъ отъ своей станицы съ двумя сыновьями около 1820 г..

Ты рѣка, моя рѣка
Уралъ, быстрая!
Увезли за тебя
Моего дружка,
Моего дружка
Съ малыми дѣтками.
Какъ дѣтки мои
Всѣ слеталися,
Всѣ слеталися
Въ свои гнѣздышки,
А мила дружка
До сихъ поръ нѣтъ:
Я, бѣдная вдова,
Осталася одна.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., записана ветеринарнымъ фельдшеромъ Георгіемъ Киселевымъ отъ внучки плѣнника дѣвицы Елизаветы Васильевны Бородиной 80 лѣтъ.

Заселеніе красноуфимскими казаками Новоилецкой линіи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія.

Прощай Томскій и Тобольскій,
Красноуфимскій городокъ!
Всѣ сударушки прощайте:
Намъ теперя не до васъ! (3 р.)
Намъ приходитъ горькій часъ:
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдаты, во рекруты,
Во чисто поле гулять.
Въ чистомъ полѣ, при долинѣ
Береза стоитъ.
Изъ-подъ бѣлой только березы
Быстра рѣчка протекла. (2 р.)
Течетъ рѣчка, течетъ быстра
Мать широкая Уфа. (2 р.)
Какъ по этой ли по рѣчкѣ
Легка лодочка плыветъ. (2 р.)
Какъ во той ли легкой лодкѣ
Все казаченьки сидятъ, (3 р.)
Про разлуку говорятъ: (2 р.)
„Ты, разлука, злая скука,
Чужа дальня сторона! (3 р.)
Разлучила, развела
Съ отцомъ-съ матерью меня.
Отца-матери лишился,
Отъѣзжая на Илекъ.
На Илецкой на Защитѣ
Нѣтъ ни ягодъ, ни цвѣтовъ, (3 р.)
Одна травка-ковылокъ.
Ужъ и полно намъ, ребята,
Полно горе-горевать. (3 р.)
Ужъ мы станемте, ребята,
Станемъ пашенку пахать, (2 р.)
Мы арбузы разсѣвать, (3 р.)

Слезми горьк(и)ми поливать, (3 р.)
Въ Еруслане продавать."

Сообщена подъесауломъ С. Н. Севастьяновымъ; песня эта взята имъ изъ сборника песенъ, записанныхъ А. Пальчиковымъ въ Мензелинскомъ уезде въ 1877 году.

Посещеніе Императоромъ Александромъ I Оренбургскаго войска въ 1824 году.

Оренбургскіе казаки
Однимъ словомъ молодцы:
Обучены и проворны,
Царю Белому покорны;
Сколь на службе не трудятся,
На досуге веселятся.
Все мы нужды переносимъ,
О здоровье Бога просимъ.
Создай, Боже, намъ здоровье,
Командирамъ нашимъ тоже!
Нашей сотни командиръ не дремалъ
Свою сотню обучалъ;
Обучалъ онъ свою сотню
Для прибытія Царя.
Вотъ пріехалъ Белый Царь,
Православный Государь,
Съ праваго фланга заезжалъ,
Речь хорошую сказалъ:
„Здорово, мои дети,
Оренбургцы молодцы!"
Сoправа и солева
Закричали вразъ „ура!"
Царь полковнику сказалъ,
Чтобъ пріемы показалъ. *)

*) Императоръ Александръ I произвелъ 14 сентября 1824 года въ г. Оренбурге смотръ оренбургской казачьей сотне.

Нашъ полковникъ не сробѣлъ,
Показалъ Царю примѣръ.
Всѣ пріемы промелькали,
Похвальбу мы получали.
Со радости такой--
Со поляночки долой.
Не успѣли мы раздѣться,
Становились въ пѣшій строй;
По-взводно проходили,
Благодарность получили.

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

Сопровожденіе въ Бухару купеческаго каравана въ 1824—1825 г..

Какъ въ Бухарскомъ городкѣ
Какъ мы прежде-то бывали
И урюкъ, кишмишъ ѣдали,
Денегъ не платя.
А вторично молодцамъ не такая была честь:
Не давали куска хлѣба ѣсть.
Вотъ пошли... вмѣсто игрушки
Взяли мы съ собой двѣ пушки,
Чтобъ изъ нихъ стрѣлять.
Не дошли-то мы туда,
Какъ случилася бѣда:
Пересѣкли намъ нашъ путь,
Хоть панкруты *) купцы будь!
Печаль небольша, и горе не мало.
А какъ наши молодцы
Записались здѣсь въ купцы,
Нанимали здѣся лавки,
А пришли—припасли себѣ удавки.

---

*) Банкроты.

Тутъ мы горько сожалѣли,
Съ горя пѣсенки запѣли,
Что не удалось вторично побывать
И кишмишъ съ урюкомъ поѣдать,
Денегъ не платя.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ ст. Нижнеозерной отъ казака Евсѣя Алексѣевича Донскова 80 лѣтъ.

Кончина Императора Александра I 19-го ноября 1825 г..

А. Собирался нашъ Императоръ свою армію смотрѣть,
Обѣщался онъ обратно къ Рождеству домой прибыть.
„Къ Рождеству если не буду, то я буду въ Новый годъ."
Ужъ всѣ праздннчки проходятъ, Александра дома нѣтъ.
Его маменька родима—день и ночь она не спитъ,
День и ночь она не спитъ,—изъ окошечка въ окошечко глядитъ.
«Пойду, выйду я на башенку, которая повыше всѣхъ;
Посмотрю я въ ту сторонку, откуда Александръ долженъ быть.»
Какъ по питерской дорожкѣ что не пыль столбомъ пылитъ,
Что не пыль столбомъ пылитъ—молодой курьеръ бѣжитъ.
«Ты куда, куда, молодой курьеръ, спѣшишь?»
„Скидавайте цвѣтны платья, надѣвайте траура:
Померъ, померъ Александра, въ Таганрогѣ жизнь кончалъ,

Что двѣнадцать генераловъ на главахъ его несутъ,
Что двѣнадцать офицеровъ ворона коня ведутъ.“

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

А: Ужъ какъ поѣхалъ Царь Александръ свою армію смотрѣть,
Обѣщался Царь Александръ къ Рождеству домой прибыть.
Рождество праздникъ проходитъ, Александра дома нѣтъ;
Его женушка родная сгоревалася объ немъ,
А царевна молодая темну ноченьку не спитъ,
Темну ноченьку не спитъ,—въ азіатску степь глядитъ.
Ужъ какъ по питерской дорожкѣ что не пыль столбомъ стоитъ—
По широкой по московской молодой курьеръ бѣжитъ.
„Стану спрашивать курьера: ты куда скоро бѣжишь?
Ты куда скоро бѣжишь, куда скоро такъ спѣшишь?“
«Вы скидайте цвѣтно платье, сотирайте красоту,
Надѣвайте черный трауръ, я вамъ правду разскажу:
Померъ, померъ Царь Александръ, въ Таганрогѣ жизнь кончалъ;
Какъ двѣнадцать генераловъ на главахъ его несли,

Какъ двѣнадцать полковничковъ его крышечку несли,
Какъ двѣнадцать офицеровъ ворона коня вели,
Два любезныхъ кавалера ордена его несли,
Какъ двѣнадцать архіереевъ память вѣчную поютъ.»

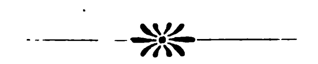
Ст. Кардаиловская, 1902 г., казакъ Василій Чегодаевъ.

А." Собирался Царь Александръ свою армію смотрѣть,
Обѣщался Императоръ къ Рождеству домой прибыть.
Всѣ-то праздники проходятъ, Александра дома нѣтъ.
Его маменька родима день и ночь его ждала;
Выходила на ту башню, та котора(я) выше всѣхъ.
„Погляжу я въ ту сторонку, гдѣ Александръ разъѣзжалъ.
Что не пыль столбомъ валитъ—молодой курьеръ бѣжитъ.
Я дождусь того курьера, про Александра разспрошу.“
Курьеръ скоро прибѣжалъ да вѣсть печальну(ю) объявлялъ:
„Вы снимайте цвѣтны(я) платья, надѣвайте черноту:
Александръ Бѣлый Царь въ Таганрогѣ жизнь кончалъ,
Что двѣнадцать генераловъ на главахъ его несутъ,

А четыре офицера ворона коня ведутъ,
Генеральски жены, дѣти позади гроба идутъ.“

Ст. Магнитная, 1903 г., казачка Авдотья Ефимова.

Б. У крылечушка было у прекраснаго,
Молодой казакъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ, караулъ держалъ;
Никуда казакъ да не поглядывалъ,
Со ружьемъ-то казакъ разговаривалъ:
„Ты, ружье мое свѣтлое, ружье царское!
Ты скажи, ружье, гдѣ мой тятенька и маменька?
Гдѣ горюющая молодая жена
Съ малыми дѣтками горюшатами?
Гдѣ нашъ православный Царь Александръ Павловичъ?“
«Въ гробовой доскѣ и въ сырой землѣ.»

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ.

Военно-ученая экспедиція полковника Берга на Усть-Уртъ 1825-1826 г.г..

А. У Щеглова, у полковничка,
Солучилося въ полку несчастьице:
Убили у него въ полку что не лучшаго хорунжаго,
По имени Андрея Дементьевича,
По прозванію Алемасова.
Не бѣлы то снѣги въ полѣ забѣлѣлися—

Забѣлѣлося въ полѣ его тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое.
Никто къ тѣлу не припатнется;
Прилетали къ тѣлу черны вороны,
Садились ему на бѣлую грудь,
Начинали клевать очи ясныя;
Прилетали еще къ тѣлу три ласточки:
Что первая-то—родная матушка,
А другая-то—родная сестрица,
А третья-то—молодая жена.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ ст. Татищевской отъ казака Ефима Семеновича Смирнова 100—105 лѣтъ.

Б.

Туманушки, не приподняться вамъ высоко
От ретиваго сердца моего.
Вечоръ-то мнѣ малымъ-мало спалось,
Во снѣ много видѣлось:
Будто я лежу во дикой степи,
На азіатской сторонѣ;
Сквозь моихъ костей-ребрышковъ
Трава выросла,
Сквозь ретива сердца—
Лазоревый цвѣтокъ,
Сквозь буйной головы—
Частъ ракитовъ кустъ,
Изъ очей моихъ
Плакунъ-травонька выросла;
Между моихъ рѣзвыхъ ноженекъ
Двѣ дорожки лежатъ:
Одна дороженька
Въ азіатскую степь пошла,

А другая дороженька
Въ Оренбургъ городъ пошла,
По той дороженькѣ
Пятьсотъ оренбургскихъ казаковъ прошло.
Эхъ, вы, братцы мои,
Вы, товарищи!
Скажите вы моему батюшкѣ
Низкій поклонъ,
А матушкѣ—
Пониже того,
А молодой женѣ—
Челобитьице отъ меня,
А малымъ дѣтушкамъ—
Благословеньице,
А я то лежу убитъ, добрый молодецъ,
Во дикой степи.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ ст. Татищевской отъ казака Степана Прокофьевича Смирнова 83 лѣтъ.

Турецкая война 1828 —29 г.г..

А. Выходили мы весною на полянку воевать.
Идетъ праздникъ, будетъ бой, командиръ насъ туда велъ.
Подошли мы къ рѣкѣ Пруту, гдѣ стоялъ турокъ съ ордой;
У него войска очень много—съ нимъ нельзя намъ воевать,
Его войско въ триста тысячъ, а значки какъ лѣсъ стоятъ!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., вахмистръ Степанъ Ситниковъ.

А. Выходили мы весною противъ турка воевать;
Подходили къ рѣчкѣ Пруту, гдѣ стоялъ турокъ
съ ордой.
Тамъ стоять было опасно: войска много у него,
Войска много,—триста тысячъ, а значки какъ
лѣсъ стоятъ!
Пули свищутъ, ядра воютъ, отъ картечи—пыль
столбомъ,
И гранаты землю роютъ, это все намъ нипочемъ!

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Б. Подъ славнымъ городомъ подъ Браиловомъ, *)
Собиралось тутъ собраньице, собраніе не малое;
Предводителемъ былъ нашъ православный Царь.
Онъ журилъ, бранилъ своего брата,
Своего брата, брателку родимаго все Князя
Великаго: **)
„И зачѣмъ, почто, брателка, сюда зашелъ?
Ты сюда зашелъ, не въ свою землю;
Не одинъ ты зашелъ, завелъ силу-армію,
А еще ты завелъ лейбъ-гусарскій полкъ.
У гусаръ въ полку случилося несчастьице:
Убили въ полку старшаго полковничка,
А еще-то убили пятьсотъ гусаръ."

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году отъ слѣпца казака Ивана Ивановича Мелехова 70 лѣтъ въ Чернорѣченскомъ поселкѣ Павловской станицы.

---

*) Штурмъ Браилова происходилъ 3-го іюня, а сдача крѣпости 7-го іюня 1828 г..

**) Осада Браилова была возложена на Великаго Князя Михаила Павловича.

8.

В. Ужъ ты, поле мое, поле чистое!
Ничего ты, поле, не спородило;
Спородило ты, поле, одинъ ковыль-травоньку.
Въ ковылѣ-то, травонькѣ, пролегала дороженька,
Шириной-то она не широкая,
А длиной-то конца-края нѣтъ.
Какъ никто-то по ней не прохаживалъ,
Никто слѣдику по ней не прокладывалъ,
Только шелъ тутъ, прошелъ
Одинъ Падуровъ съ полкомъ. *)
Напередъ-то идутъ храбрые хорунжіе,
За хорунжими—два урядничка
Съ полковымъ они со знамечкомъ;
За урядниками идутъ молоды казаченьки.
Какъ хорунжіе шашками возбрякнули,
Урядники съ казаченьками веселую пѣсенку
возгаркнули:
„Какъ мы, братцы, во походъ пошли!“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., чиновникъ О. Г. Киселевъ; ст. Разсыпная, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

В. Ужъ ты, степь ли, наша степь, степь наша
широкая!
Широко, долго, степь, ты протянулася.
Пролегала во степи больша дороженька,
По этой дороженькѣ никто не прохаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ,

*) Въ этой войнѣ въ 1829 году участвовалъ № 9 сводный полкъ подъ начальствомъ есаула Ив. Вас. Падурова.

Тутъ шелъ-то, прошелъ Падуровъ съ полкомъ.
Какъ за нимъ-то идетъ полкъ казаченьковъ:
Впереди-то идутъ бравые хорунжушки,
За хорунжушками—младые уряднички,
За урядничками идетъ полкъ казаченьковъ.
Какъ у насъ-то въ полку несчастьице солу-
чилося:
Какъ убили у насъ браваго хорунжушку.
Какъ хорунжушки шашками возбрякнули,
А младые урядничкн пѣсенку возгаркнули,
А полкъ-казаченьки слезнехонько восплакнули:
Не въ чистомъ полѣ снѣжки забѣлѣлися,
Не алы цвѣты заалѣлися—
Забѣлѣлося тѣло бѣлое,
Заалѣлася кровь алая.

Ст. Гирьяльская, 1899 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Лидія Барбусова.

В: Не сизы-то орлы ко ясному соколику соле-
талися—
Размолоденькіе, братцы, казаченьки ко началь-
нику соѣзжалися.
„Ужъ мы сядемте, казаченьки, во единый
кругъ,
Ужъ мы выпьемъ, казаченьки, по единой ча-
рочкѣ.
Мы начальника своего поздравляли:
Мы пойдемъ-ка, братцы казаченьки, во по-
ходъ скоро.“
Какъ напередъ-то идетъ командирушка,

За командирушкой идутъ храбрые хорунжушки,
А за ними-то идутъ бравые урядннчки,
Позади-то идутъ молодые казаченьки.
Какъ хорунжушки шашками возбрякнули,
Урядничкн пѣсенку возгаркнули,
Молоды казаченьки слезно восплакнули:
„Ой ли, братцы наши товарищи,
У насъ во полку несчастье приключилося:
Какъ убили-то во полку старшаго хорунжаго,
Прострѣлили-то ему бѣлую грудь,
Упалъ-то хорунжушка на сыру землю.“
Забѣлѣлось во полѣ, во полѣ тѣло бѣлое;
Никто къ тѣлу не привернется;
Прилетали ко тѣлу черны вороны,
Они сѣли тѣлу на бѣлу грудь,
Они стали клевать очи ясны ему.
«Вы не клюйте, вороны, очи ясны мои,
Вы расклюйте-ка мнѣ груди бѣлыя,
Понесите-ка меня вы къ отцу, къ матери.»
Какъ и мать-то плачетъ, какъ рѣка льется,
Какъ отецъ-то плачетъ, какъ лучи горятъ,
Какъ жена-то плачетъ какъ утренняя роса;
Солнышко взойдетъ, роса высохнетъ—
Молодая-то жена замужъ пойдетъ.

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

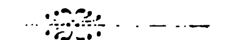

B.''' Пролегала въ степи больша дороженька.
Никто по ней не прохаживалъ, не проѣзживалъ,
Только шелъ-то, прошелъ Падуровъ съ полкомъ.

Напередъ-то идутъ бравые хорунжіе,
За хорунжими—бравые урядничкн,
За урядничками-то идутъ молоды казаченьки.
Какъ хорунжіе шашками возбрякнули,
А урядничкн привозгаркнули,
Казаченьки пѣсенку возгаркнули,
Сами слезно восплакнули,—
Свою сторону вспомянули:
„Сторона ль, ты, наша сторонушка,
Сторона ль наша родимая,
Далекохонько ты осталася!
Какъ у насъ-то во полку солучилося несчастьице,
Солучилося несчастьице: убили-то, убили бра-
ваго урядничка,
По имени его Максима Матвѣева,
По прозванію свѣта Колотилина,
А по родинѣ станицы Нижнеозерной.
Не бѣлы-то снѣжки во полѣ забѣлѣлися—
Забѣлѣлося тѣло бѣлое Максима Матвѣева.
Никто къ тѣлу не припатнется,
Никто къ тѣлу не привернется.
Прилетали черны вороны;
Садились они на бѣлую грудь;
Клевали-то они очи ясныя.
Какъ возговорилъ Максимъ Матвѣевъ:
«Ужъ вы, гой еси, черны вороны!
Вы не клюйте-ка мои очи ясныя,
Вы расклюйте-ка лучше мою бѣлу грудь;
Ужъ вы выньте-ка мое сердце съ печенью,
Понесите-ка моему отцу съ матерью.»
Какъ отецъ-то плачетъ, какъ рѣка льется,
А мать-то плачетъ, какъ ключи текутъ;
Малы дѣтушки—какъ родники бьютъ;
Млада жена плачетъ какъ роса утренняя:

Роса утренняя падетъ, молода вдова замужъ уйдетъ.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Парасковья Бѣлошеева 56 лѣтъ.

Г.

Слышно бьютъ тревогу!
Становись въ ряды;
Помолясь Богу,
Въ поле выходи!
Тихо катитъ волны
Старый другъ Дунай;
Ночью сумракъ полный,
Ну же не зѣвай!
Наведемъ понтоны: *)
Турокъ вѣдь не плохъ,
Двинутся колонны,—
Пронеси насъ Богъ!
Мѣшкать намъ не время,
Надо воевать:
Басурмановъ племя
Не въ полонъ же брать!
Они кожу драли,
Они [illegible] князьяхъ
И на [illegible] сажали:
Не жалѣть же ихъ!
[illegible] Богъ жалѣетъ,
[illegible]
[illegible]—
[illegible]
[illegible]
[illegible]

*) [illegible] устройствы
[illegible]

Ради русской чести
Лучше умирать.
Живымъ въ плѣнъ сдаваться—
Боже, сохрани:
Будутъ надругаться
Надъ тобой они.

(Стариковъ стр. 223 и Бигдай вып. XIII стр. 967).

Д.

Большой туманъ. *)

(Запѣвало). Не двѣ тучи не двѣ грозныя вмѣстѣ сходилися,
(Хоръ). Не туманъ съ моря поднялся,
Три дня сряду дождикъ лилъ, (2 раза.)
(Запѣвало). Три дня сряду дождикъ лилъ.
(Хоръ). Черезъ Дунай мы переправлялись,
Михаилъ насъ провожалъ, (2 раза.)
(Запѣвало). Михаилъ насъ провожалъ.
(Хоръ). Михаилъ, нашъ Князь Великій,
По всей арміи у насъ, (2 раза.)
(Запѣвало). По всей арміи у. насъ,
(Хоръ). Орденами грудь покрыта,
На конѣ быстромъ леталъ, (2 раза.)
(Запѣвало). На конѣ быстромъ леталъ;
(Хоръ). Онъ со вечера по часу
Отдавалъ войскамъ приказъ, (2 раза.)
(Запѣвало). Отдавалъ войскамъ приказъ:
(Хоръ). „Стройся, армія, въ колонны,

*) „Малый туманъ“ см. ниже пѣсню В „Польское возстаніе 1830—1831 г.“

Формируйтеся въ полки, (2 раза.)
(*Запѣвало*). Формируйтеся въ полки;
(*Хоръ*). Стройтесь: конница по флангамъ,
Батарею посреди." (2 раза.)

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., вахмистръ Степанъ Ситниковъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

Е. Полно, братцы, намъ съ горя крушиться,
Перестанемъ горе горевать,
Лучше будемъ, братцы, веселиться,
Съ горя пѣсни запѣвать!
Запоемъ мы, братцы, съ горя пѣсню
Про казачье наше про житье:
Гдѣ мы жили, братцы? гдѣ мы не служили?
За Дунаемъ, братцы, за рѣкой.
Дунай рѣчка, братцы, не широка,
Перевозу на ней только нѣтъ,
Перевозу, братцы, переправы,
Нѣтъ калиновыхъ, братцы, мостовъ.
Мы на это не взирали,
И Дунай мы, братцы, перешли,
Гололобыхъ всѣхъ мы тамъ разбили,
Въ плѣнъ съ собой ихъ всѣхъ вели.
Лѣтомъ въ лагеряхъ стояли,
Государь явился къ намъ,
Онъ явился, поклонился,
Слово ласково сказалъ:
„Вы здоровы ль, братцы оренбургцы,
Казаченьки молодцы?"

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

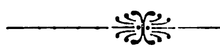
Е. Во лужкахъ стоимъ, крушимся;
Перестанемъ горевать,
Лучше будетъ веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ!
Запоемъ мы съ горя пѣсню
Про казачье про житье:
Гдѣ мы жили и служили?
За Дунаемъ за рѣкой.
Дунай рѣчка не широка:
Переходу на ней нѣтъ,
Переходу, переправы,
Нѣтъ калиновыхъ мостовъ,
Нѣтъ калиновыхъ мосточковъ,
Нѣтъ военныхъ кораблей.
Мы на это не взирали,
Вели плѣнныхъ за собой.
Дунай рѣчку перешли,
Становились на тотъ край.
Туда, гдѣ лагеремъ стояли,
Къ намъ явился Государь,
Къ намъ явился, поклонился,
Слово ласково сказалъ:
«Вы здоровы ли, ребята,
Оренбургцы молодцы?»

Ст. Оренбургская, 1902 г., хорунжій Г. Н. Качалинъ; ст. Магнитная, 1903 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Ж. Нашъ батюшка Бѣлый Царь,
Православный Государь,
Съ армеюшкой Царь погуливаетъ.

„Хорошо ли, братцы-ребята,
На сраженьяхъ вамъ стоять,
На сраженьяхъ, на войнѣ,
Да все на правомъ крылѣ,
Все на правомъ крылѣ
На камышевой горькой травѣ?"
Камышъ, горькая трава,
Много горя приняла—
Что казачья голова
Много крови пролила.
„Вы не плачьте-ка, ребята,
Не тужите, молодцы:
Славной осени дождемся,
Во Россію жить пойдемъ."

Записана въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ; записана также и подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

3.

Что не соколы крылаты
Чуютъ солнечный восходъ—
Бѣлаго Царя казаки
Собираются въ походъ.
По линіи Оренбургской
Не сизой орелъ леталъ—
Походный атаманъ
Онъ по войску разъѣзжалъ,
По войску разъѣзжалъ,
Рѣчь хорошую сказалъ:
„Казаки, вы, казаки,
Оренбургцы молодцы!
Вы не бойтеся, казаки,

Басурманскія орды!"
«Намъ нечего бояться:
Мы сноважены сражаться (*2 раза.*)
Съ басурманскою ордой.
Собиралися сотнями,
Мы составимъ сборный *) полкъ;
Кавалерія сотнями
Очищала путь впередъ.
За рѣчкой, за рѣкой,
За турецкой стороной
Строилъ турокъ завалъ, } *2 раза.*
Строить башню не успѣлъ: }
Оренбургскіе казаки
Его сбили въ темный лѣсъ!»

Ст. Ильинская, 1902 г., сотникъ Ан. Д. Андреевъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Степная, 1903 г., казакъ Аѳанасій Корепановъ.

И.

Межъ горами, межъ долами
Турки съ разными чалмами
Поднялись на насъ;
Пистолеты зарядили,
Всѣ кинжалы обнажили,
Крикнули «Алла!»
Чаю, кофія сварили,
Трубки важны закурили,
Маршъ на Козлуджи.
Взявъ застрѣльщиковъ подгорныхъ

*) № 9 Оренбургскій сводный полкъ назывался „сводным" потому, что люди были собраны изъ разныхъ станицъ.

Да наѣздничковъ задорныхъ,
Вышелъ самъ визирь.
Вздумалъ взять онъ всѣ проходы;
Отколь наши скороходы,
Отколь они взялись!
Подоспѣли на подмогу,
Всѣмъ отрѣзали дорогу,
Ни взадъ, ни впередъ!
Турки кофе не допили,
Трубокъ важныхъ не скурили,
Кто куда попалъ!...
Разбросавъ чалмы и шали,
Всѣ кинжалы побрасали,
Кой какъ босикомъ!
Рады бъ спрятаться за стѣны...
Бунчуки, пушки, знамена
И обозъ весь—нашъ!...
Перебрались мы чрезъ Балканы—
Турки врозь всѣ какъ бараны!...
Мы ихъ захватимъ!
Наберемъ мы ихъ стадами,
Всѣ отряды съ городами.
Турокъ бьетъ челомъ!

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

I.

На границѣ мы стояли,
Не думали ни о чемъ,
Только думали, гадали—
Снарядиться хорошо,
Снарядиться, пріубраться,

Намъ добрыхъ коней сѣдлать.
Осѣдлавши добрыхъ коней,
Во походъ маршемъ пошли.
За Дунаемъ, за рѣкою,
Тамъ мы встрѣтили врага
Турецкаго короля.
У насъ ружьица шумѣли,
Словно сильный громъ гремѣлъ;
Наши пулечки летѣли,
Словно сильный градъ шумѣлъ.

(„Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова" стр. 9). Пѣсня записана учителемъ Нижнеозернинской мужской станичной школы въ 1896 году со словъ девяностолѣтняго казака Константина Крылова—участника Турецкой войны 1828—1829 г.г..

К. Какъ шли-то, прошли наши казаченьки со баталыица, *)
Съ того ли со баталыица со турецкаго;
Перебиты шли добры молодцы, переранены,
Добрыхъ-то коней въ поводу ведутъ,
Цвѣтно-то платьице въ торокахъ везутъ,
Острыми шашечками подпираются,
Храбры молодцы пѣсенками забавляются,
Тѣшатся,—потѣшаютъ своего полковничка
Что Ивана ли Васильевича. **)

(„Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова" стр. 9). Пѣсня записана учителемъ Нижнеозернинской мужской станичной школы въ 1896 году со словъ девяностолѣтняго казака Константина Крылова—участника Турецкой войны 1828—1829 г.г..

---

*) Баталія—сраженіе.

**) Падурова (командиръ № 9 полка).

Л.

За горами, за долами
Турки съ разными чалмами
Поднялись на насъ....
Мы ихъ захвати!
Прогоняли ихъ стадами,
Жгли деревни съ городами,—
Намъ турецки города
Не годятся никуда.
Въ Силистрію мы свернули
И чалму съ нея столкнули—
Подъ ноги ее!
И шагнули подъ Балканы....
Турки бросься какъ бараны;
Не собравши своихъ пушекъ,
Ускакали, безъ подушекъ,
Въ Шумлу безъ сѣдла.
Но графъ Дибичъ *) не доволенъ,
Далъ приказъ итти всѣмъ къ бою.
Вышелъ самъ визирь.
Мы жъ успѣли на подмогу,
Имъ обрѣзали дорогу—
Ни взадъ, ни впередъ!

(„Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова" стр. 9). Сообщена С. Н. Севастьянову бывшимъ войсковымъ архиваріусомъ Калачевымъ.

М.

Собирайтеся, ребята,
Съ поля браннаго домой:

*) Графъ Дибичъ—главнокомандующій русскими войсками на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Заслужили кресты, знамя, *)
Дѣлать нечего намъ здѣсь!
Съ этой радости-веселья
Нову пѣсню запоемъ,
Нову пѣсню запоемъ,
Когда въ лагери пойдемъ.
Какъ мы въ лагерѣ живали
На родныхъ своихъ поляхъ,
А потомъ за своихъ братьевъ
Пошли съ туркомъ воевать.
Дунай рѣчку перешли,
Полетѣли по горамъ;
Пушки мѣдныя блестѣли,
Кони рвали повода.
Басурманинъ наступаетъ,
Басурманъ въ гости идетъ;
Онъ идетъ идетъ, идетъ,
Силу вражiю ведетъ.
Ужъ ты, турокъ гололобый,
Полно съ нами воевать:
Про Россiю давно слава,
Можно правду доказать!

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Иванъ Вишняковъ.

M:

Соберемтеся, ребята,
Съ поля браннаго домой:
Заслужили кресты, знамя, *)

---

*) № 9 Оренбургскій полкъ заслужилъ знамя съ надписью: „За отличіе въ Турецкую войну 1829 года,“ Высочайше пожалованное 11 ноября 1831 года.

Чего дѣлать здѣся намъ?
Со радости и веселья
Нову пѣсню запоемъ,
Что мы въ лагерѣ живемъ,
Во дикую степь пойдемъ,
Войну съ туркомъ произведемъ.
Дунай рѣчку переплыли,
Понеслися по горамъ;
Пушки мѣдныя блестѣли,
Кони рвали повода;
Басурманы наступали,
Басурманъ въ гости идетъ;
Онъ идетъ, идетъ, идетъ,
Силу вражію ведетъ.
Ужъ ты, турокъ гололобый,
Полно съ нами воевать,
Силу вражію терять.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Ефимовичъ Стрижевъ 62 лѣтъ.

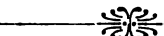

Возвращеніе съ Турецкой войны. ***А.***

Через Дунай въ Россію шли,
Мы въ квартирушки взошли.
Близъ взморья-берегу,
На зеленыемъ лугу
Небольша стоитъ деревня
Краснoярово село;
Окна биты, хаты крыты
Все соломою пустой.
Станемъ хаты топить,
Чтобы борщу наварить.

Мы дымимся и коптимся,
Зажимаемъ ротъ, бѣжимъ.
Станемъ въ карты играть,
Чтобы скуку разогнать.
Мы потѣемъ, не робѣемъ,
Чтобы «фофаномъ» *) не быть.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ казака Никифора Клишина.

Б. Летятъ-то, летятъ гуси сѣрые.
Пролегала подъ гусями большa дороженька;
Никто по ней не хаживалъ,
Никто не прохаживалъ,
Только шли-то, прошли молоды казаченьки
Со сраженія со турецкаго;
Перебиты они, переранены,
Буйныя головушки платками перевязаны;
Какъ сами-то они, молоды казаченьки, затомленные,
Добрыхъ коней они въ поводу вели,
Цвѣтно платьице свое въ торокахъ везли.

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

Польское возстаніе 1830—1831 г..

А. Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ—
Наши храбрые казаченьки
Воевать съ Польшей идутъ.

---

*) „Фофаны"—игра въ карты.

Они идутъ, маршируютъ,
Промежъ себя говорятъ:
„Трудно, трудно намъ, казаченьки,
Варшаву городъ взять,
А еще, братцы, труднѣе
Подъ пушечки подбѣжать.“
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали вразъ „ура!“
Предводитель графъ Паскевичъ
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Братцы, бейте, не робѣйте:
Подаются всѣ назадъ,
Подаются всѣ назадъ,
За морями знаютъ насъ!
Хоть лихіе вы поляки,
Покоритесь же вы намъ:
Если вы не покоритесь,
Пропадете какъ трава:
Наша матушка Россія
Всему свѣту голова.“

Ст. Сакмарская, 1898 г., урядникъ Назаръ Григорьевъ; ст. Гирьяльская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Иванъ Вишняковъ.

Б. Не туманчикъ съ моречка поднялся,
Что не славный дождь идетъ—
Графъ Паскевичъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ пошли.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
Чтобы Польшу усмирить,
Взять Варшаву, покорить.

Какъ узнала мать Варшава,
Что Паскевичъ къ ней идетъ....
Запропала польска(я) слава....
„Скоро буду я пуста!"
Полки строились въ порядокъ,
Обступали ее вкругъ....
Вдругъ въ полкахъ огонь явился,
И военный грянулъ громъ;
Городъ ядрами покрылся,
Три часа не виденъ былъ.
Дошли скоро до Варшавы,
Раззорили въ три часа,
Раззорили въ три часа,
Про то знаютъ небеса!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Стрижевъ 62 лѣтъ.

В. **Малый туманъ.** *)

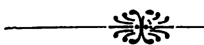
Не туманчикъ съ моречка поднялся,
Три дня сряду сильный дождикъ лилъ—
Князь Великій **) въ походъ собирался
Со войсками во Польшу итти;
Шелъ съ крестомъ онъ, шелъ онъ со молитвой,
Хотѣлъ Польшу, Польшу усмирить,
Хотѣлъ Польшу, Польшу усмирить,
Взять Варшаву городъ, спокорить.
Заплакала матушка Варшава,
Зарыдали всѣ ея войска:

---

*) „Большой туманъ" см. на стр. 119.
**) Михаилъ Павловичъ.

„Запропала польская слава,
И не будетъ ея никогда.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., вахмистръ Степанъ Ситниковъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ѳ. Шаровъ; записана также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

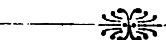

Убіеніе киргизами въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія начальника партіи казаковъ, командированныхъ для преслѣдованія киргизъ.

Ужъ ты, поле, мое полечко!
Ужъ ты, поле, поле мое чистое!
Ничего ты, поле, не спородило,
Спородило, поле, кустъ ракитовый.
На кусту сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка, младъ соловушекъ;
Подъ кустомъ лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое:
Какъ по имени Иванъ Ѳедоровичъ,
По прозванію сынъ Рогожниковъ;
Онъ не убитъ-то лежитъ, тяжко раненый,
Вострой шашечкой онъ порубленный.
Въ головахъ-то лежитъ сѣдлышко,
А въ ногахъ-то стоитъ развороный конь;
Во правой рукѣ—шашка вострая,
Во лѣвой-то рукѣ—шелковая плеть.

Записана войсковымъ старшиной Гирьяльской станицы Ѳ. Н. Михайловымъ.

(*Стариковъ стр. 227*).

Военная экспедиція 1839—40 года въ Хиву.

А.

Славно наше дѣло:
Мы идемъ всѣ подъ Хиву,
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ,
Черезъ Эмбу перейдемъ,
Усть-Уртъ *) шагомъ пер(е)шагнемъ.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Татищевской отъ казака Якова Ивановича Дюгаева.

А'.

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву,
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Нашъ Перовскій молодецъ,
Всѣмъ казакамъ онъ отецъ,
Царь насъ съ нимъ въ походъ послалъ
И Хиву взять приказалъ.
У насъ въ лагеряхъ веселье,
Каждый день все новоселье,
Намъ дано всего сполна,
И одѣты мы тепло.
Мы чрезъ Эмбу перейдемъ
И Усть-Уртъ перешагнемъ,
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы воры.

---

*) Усть-Уртъ—плоская возвышенность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями.

Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги *) прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги,
Шапки теплыя доносимъ—
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію запьемъ,
А хивинцевъ за ихъ дѣло
Расколотимъ подлецовъ.
Какъ въ колонну всѣ сомкнемся
И какъ грянемъ вразъ „ура!"
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ отъ неволи
Своихъ братьевъ земляковъ.

(Мякушинъ стр. 85).

Б. На зарѣ-то было у насъ, братцы, все на зоренькѣ,
На зарѣ было ранней утренней,
На просвѣтѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На восходѣ было солнца краснаго;
Не мѣдная пушечка вразъ возгрянула,
Всѣмъ казаченькамъ скоро вѣсть подала:
Артиллерія во походъ пошла,
Во походъ пошла въ дальнія стороны, во персидскія слободы;
Напередъ-то идетъ самъ Перовскій князь,

---

*) Джибага—верблюжья шерсть.

Да за нимъ идетъ сила-армія, конна гвардія, *)
Царя Бѣлаго Петра Перваго,
Напередъ-то идутъ казаченьки,
Позади-то идетъ артиллерія.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казачъ Осипъ Клишинъ 62 лѣтъ.

В. Пѣсня экспедиціоннаго отряда, отправившагося въ 1839 году въ походъ на Хиву.

Идемъ, братцы, къ хивамъ **) въ гости,
Разобьемъ ихъ ворота,
И Бековича мы кости
Принесемъ съ собой сюда;
А за смерть и за обиду
Тамъ ужъ справимъ панихиду:
Вмѣсто ладона курнемъ
Дымомъ ратнымъ съ чугуномъ.

Ст. Оренбургская, 1903 г., отставной войсковой старшина Иванъ Васильевичъ Суровъ 85 лѣтъ.

*) Въ отрядѣ былъ сводный дивизіонъ Уфимскаго конно-регулярнаго полка, составлявшаго личную гвардію генерала Перовскаго; полкъ формировался изъ рослыхъ и красивыхъ нижнихъ чиновъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ и изъ офицеровъ, лично извѣстныхъ генералу Перовскому. („Графъ Перовскій и его зимній походъ въ Хиву“ И. Н. Захарьина-Якунина, ч. II, стр. 21. СПБ. 1901 г.).

Дивизіонъ этотъ грудью прокладывалъ путь войскамъ среди снѣговъ; почти всѣ лошади этого дивизіона погибли. („Записки очевидца о Хивинской экспедиціи Перовскаго“ Иванина).

**) „Къ хивамъ“—въ смыслѣ къ хивинцамъ.

Приски подъ начальствомъ полковника Дуниковскаго султана Кенисары *) въ 1843 и 1844 г.г..

Соберемся мы, казаченьки, во единый кругъ,
Станемъ мы на зеленый лугъ,
Станемъ думу думати заедино:
Кому изъ насъ, казаченьки, атаманомъ быть?
Мы выберемъ атаманушку—Иванушку,
По прозванью полковника Дуниковскаго.
Со вечера Дуниковскій приказъ отдалъ всѣмъ:
„Чтобы были казаченьки во готовности,
Во готовности, во исправности;
Чтобы были у васъ ружья чисты,
Ружья чисты, кремни востры,
А заутра намъ, ребята, во походъ итти
За тое **) ли за матушку за Дарью-рѣку,
Ко тому ли басурманину Кенисарову."

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ Изобильномъ поселкѣ Буранной станицы отъ казака Фрола Ивановича Донецкаго.

Раззореніе киргизами Екатеринискаго „отряда" *) 14 августа 1844 года султаномъ Кенисарой.**

A.

Изъ-за лѣсу-то было, лѣсу темнаго,
Изъ-за зеленой дубравушки
Возмывала же туча черная,
Туча черная, не дождевая,
Не дождевая—злы киргизушки,
Злы киргизушки кенисаринскіе.
Они сдѣлали ударъ на Екатерининскій отрядъ;
Они выжгли его, они вырубили,

*) Султанъ Кенисара съ 1836 по 1847 годъ бунтовалъ въ Оренбургской и Сибирской степяхъ и дѣлалъ набѣги на русскія поселенія.

**) Или: За ту ли за матушку....

***) До 1865 года поселенія оренбургскихъ казаковъ назывались „отрядами."

Во полонъ-то брали двухъ стрѣльцовъ-бойцовъ
И еще-то взяли въ полонъ красну дѣвушку,
Красну дѣвушку Пелагеюшку.

(*Стариковъ стр. 230*).

А: Какъ на той ли „Горькой линіи,“ *)
Въ Екатериновской славной крѣпости
Случилося вдругъ несчастьице, безвременница,—
Простонала же мать сыра земля
Тяжелехонько да и грустнехонько.
Изъ-за горъ-то было, горъ высокіихъ,
Изъ-за колочка изъ-за зеленаго
Возмывала же туча черная—
Злы киргизушки кенисаринскіе.
Они сдѣлали ударъ на Екатериненскій форштадтъ.
Они выжгли его, народъ вырѣзали;
Во полонъ-то брали добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ, все застрѣльщиковъ;
Во-вторыхъ-то, брали красныхъ дѣвушекъ.
Посадили они ихъ на добрыхъ коней;
Повезли они ихъ на Дарью-рѣку,
На Дарью-рѣку къ самому пашѣ.
Тамъ надъ молодцами дивовалися,
А надъ дѣвушками надругалися.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ казака Никифора Клишина.

*) **„Горькой линіей“ называлась Новая линія, заведенная въ 1835-36 г. отъ г. Орска до отряда Березовскаго на р. Уѣ. Вѣроятно, казакамъ, переселеннымъ изъ внутреннихъ кантоновъ, съ лучшихъ земель, не сладко жилось на пустынной безводной мѣстности, къ тому же подвергавшейся частнымъ нападеніемъ киргизъ, и они назвали линію „Горькой.“**

А." Простонала рѣченька Дырла-рѣка *)
Тяжелехонько и грустнехонько,—
Накрывала же туча черная,
Не черна-то туча—злы киргизушки,
Злы киргизушки, кенисаринскіе разбойнички;
Огонь вырубили, крѣпость выжегли,
Крѣпость выжегли, въ полонъ побрали.
Во-первыхъ-то, взяли красну дѣвушку,
Надсмѣялися, надругалися
И тяжелехонько и грустнехонько;
И посадили-то ее на добра коня,
И повезли-то ее во темный лѣсъ;
Становили-то ее на рѣзвыя ноженьки,
Становили, заставляли величать его,
Величать его—все начальство свое:
Что по нашему—ваше благородіе,
А по ихнему значитъ алдіаръ.
Не грозой туча разражалася,
Не мелкимъ дождемъ разливалася—
Убивалася, разливалася красна дѣвица
Тяжелой грустью, горючьми слезми.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Кваркенской.

А."' Простонала матушка Дырла-рѣка *)
Тяжелехонько и грустнехонько,—
Случилося зло несчастьице и безвременница:
Накрыли-то насъ киргизушки, киргизушки—злы разбойнички,

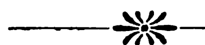
*) Вѣроятно, Дарья-рѣка.

Взяли-то красну дѣвушку съ роднымъ батюшкой,
Посадили ее на добра коня
И повезли ее во темны лѣса;
Становили-то ее на рѣзвыя ноженьки;
Заставляютъ величать его—начальство свое:
По нашему, скажи,—благородіе,
А по ихнему, скажи,—алдіаръ.
Богу помолялись, изъ лѣсу поднимались....

—

Охъ, тяжелехонько! охъ, грустнехонько!

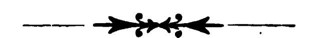
Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Кваркенской.

А.'''' Изъ-за горъ-то было, горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Возмывала туча грозная—злы киргизушки.
Они сдѣлали ударъ на Екатерининскій форпостъ,
Они выжгли его и весь повырубили;
Они взяли съ собой трехъ застрѣльщиковъ,
Еще брали съ собой красныхъ дѣвушекъ,
Посадили ихъ на добрыхъ коней,
Повезли ихъ ко Дарьѣ-рѣкѣ.
Переправлялись они черезъ Дарью-рѣку трое суточекъ,
На четвертыя суточки, переправившись,
(Дѣвки Богу молились, низко кланялись)
Разстанавливали свои кибиточки,
А добрыхъ-то коней поразсѣдлывали и потреножили;
Потреноживши, въ лужки пустили;

Какъ одинъ-то изъ нихъ былъ старой казакъ,
былъ догадливый:
Не пущалъ онъ добра коня въ зелены луга, на
приколъ сажалъ....

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

Причитаніе по мужѣ плѣнной казачки Овериной. *)

Я маюсь
во дикой степи,
А ты—
на Святой Руси.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ ст. Кваркенской.

Набѣги на пограничныя русскія владѣнія шаекъ среднеазіатскихъ народовъ, въ особенности хивинцевъ, и преслѣдованіе ихъ по степямъ.

А. Пролегала во чистомъ полечкѣ большая дороженька;
Какъ никто-то по ней, по дороженькѣ, никто
не прохаживалъ,—
Что ни пѣшаго, что ни коннаго слѣдочека
нѣту,
Только шли-то, прошли по дороженькѣ молоды
казаченьки;
Ничего-то они во чистомъ полечкѣ, прошли, не
видѣли,—

*) Казачка Параскoвья Мироновна Оверина была взята въ плѣнъ киргизами султана Кенисары 14-го августа 1844 года.

Что ни кустику, что ни прутику, ни лѣса, ни, дубравы,
Только видѣли, только слышали во чистомъ полечкѣ одну камышъ-травоньку.
Какъ просились они у камышъ-травоньки ночку ночевати:
„Намъ не годъ во тебѣ, камышъ-травонька, не годъ годовати,—
Намъ въ тебѣ, камышъ-травонька, одну ночку ночевати:
Намъ бумажненькіе чулочики, чулки просушити,
Намъ сафьяненькіе сапожки чудочекъ провянути.“
Какъ со вечера камышъ-травонька все тихо стояла,
Ко полу-то ночи камышъ-травонька она зашумѣла.
Не кукушечка она во сыромъ бору рано скуковала,
Молодымъ-то намъ, братцамъ казаченькамъ, голосъ подавала:
„Вы вставайте-ка, молоды казаченьки, а вы поранѣе,
Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней да вы поскорѣе:
Какъ гонятъ за вами, за казаченьками, гонятъ двѣ погони.“

—

Какъ первая-то погоня—были злы хивинцы,
Какъ вторая погоня—были бухарцы.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ.

Б. Ханъ хивинскій похвалялся
Всю Рассеюшку пройти,
Оренбургско(е) укрѣпленье
Выжечь, вырубить хотѣлъ.
Какъ со вечера намъ, казакамъ,
Строгій отданъ былъ приказъ:
Чтобы ружья были чисты,
Кремни остры во замкахъ,
Пики, шашки подточены,
Кони накормлены.

Ст. Оренбургская, 1903 г., подъесаулъ Н. С. Головинъ.

В. Слава русскому казаку
Съ командиромъ съ молодцомъ!
Мы докажемъ супостату
Пикой, шашкой и ружьемъ!
Встрепенися, ретивое:
Мы пробьемъ походный маршъ;
Туда, гдѣ слышно завыванье,
Выступаетъ отрядъ нашъ.
Окаянный злой хивинецъ
Хотѣлъ крѣпость нашу взять;
Онъ грачами налетаетъ,
Но не знаетъ какъ начать.

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ.

Акъ-Мечетская экспедиція 1853 года.

А.

Какъ за рѣченькой собиралася тутъ
Армеюшка Царя Бѣлаго;
Повелителемъ былъ надъ арміей
Самъ Перовскій графъ.
Разъ писалъ Куража-паша
Къ Перовскому письмо:
„Ты зачѣмъ, почто, самъ Перовскій графъ,
Не въ свою землю зашелъ?
Я велю да прикажу всю армеюшку твою
Начисто ее разбить,
Что урядниковъ твоихъ съ офицерами
Велю вырубить,
Артиллерію съ казаками
Велю вырѣзать.“
Вотъ писалъ самъ Перовскій графъ
Куражѣ-пашѣ письмо:
„Не боюсь я тебя, басурманская голова;
Я велю прикажу своей арміи
Всѣхъ васъ въ плѣнъ забрать,
А съ тебя самого, басурманина,
Съ живого кожу снять.“

Записалъ во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесаулъ Л. Г. Чернявскій.

Б. **Штурмъ Акъ-Мечети 28 іюля 1853 г..**

Не бѣлая заря, заря занималася,
Красное солнышко изъ-за горъ выкаталося —
Получили мы приказъ на второй эшелонъ:
Итти подъ Куканъ-городъ. *)

*) Куканъ-городъ (коканскій городъ)—Акъ-Мечеть.

Получивши, всѣ Богу молились
И другъ съ другомъ распростились,
А потомъ на ура пошли,
На ура-то пошли съ главной батареюшки.
Вдругъ несчастьице у насъ случилося:
Убивали-то у насъ храбраго воина
Прапорщика Гурьева;
Попадала ему свинцова пуля
Во бѣлую грудь, въ самое ретиво сердце,
Палъ-то онъ на сыру землю.

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Нижнеозерной.

Бой съ коканцами на урочищѣ Кумъ-суатѣ (Копъ-суатѣ) 24-го августа 1853 г..

Ну-ка, вспомнимте, ребята,
Какъ съ проклятою ордой
Межъ бархановъ Копъ-суата
Былъ у насъ кровавый бой!
И, признаться, какъ-то жутко
Приходилось намъ тогда,
Какъ тѣснила цѣлы сутки
Насъ поганая орда.
Но мы шашками, штыками
Отбивали ихъ напоръ:
Всѣ рѣшились лечь костями,
Чѣмъ нажить себѣ позоръ!
Дали слово... и сдержали
(Про то знаетъ крѣпко врагъ,
Какой платой покупали
Они каждый смѣлый шагъ).
Разъ двѣнадцать плотной лавой
Напиралъ онъ на нашъ строй,

И двѣнадцать разъ на славу
Рукопашный кипѣлъ бой!
Словомъ, молвить, пиръ кровавый
Былъ для русскаго штыка,
И натѣшилось довольно
Ретивое казака!
Не дочлось, чать, въ ихой рати
Храбрыхъ сотня не одна:
Пусть же помнитъ—будетъ кстати—
Врагъ урокъ Бородина. *)

(***Мякушинъ стр. 120***).

Отбитіе коканскаго отряда, осаждавшаго Акъ-Мечеть 14—19 декабря 1853 г..

Какъ не тучи небо кроютъ,
Не сѣдой встаетъ туманъ,
И не буря злобно воетъ
Середи нашихъ полянъ:
То отъ дальнихъ стѣнъ Кокана
Ханъ коканскій барантой
Чрезъ пустыни Туркестана
Къ намъ Касыма **) шлетъ ордой.
Знать, забылъ штурмъ Акъ-Мечети
И урокъ Бородина:
Снова собралъ пропасть рати,
Снова поднялъ знамена.
Но мы, русскіе казаки,
Не отвыкли отъ побѣдъ:
Бранной славой мы богаты,
Про то знаетъ цѣлый свѣтъ!

---

*) Войсковой старшина Уральскаго казачьяго войска.
**) Коканскій главнокомандующій.

Не привѣтливою рѣчью
Встрѣтимъ мы своихъ враговъ,
Но убійственной картечью
Да щетиною штыковъ.
Намъ недолго дожидаться
Привелось къ себѣ гостей,—
Не замедлилъ показаться
Касымъ съ арміей своей.
Пыль взвилась, и черной тучей
Одѣваетъ небосклонъ...
И встаетъ вдругъ лѣсъ дремучій
Пикъ, значковъ ихъ и знаменъ.
Торопилися злодѣи
Они лагерь укрѣплять,
Возводили батареи,
По насъ начали стрѣлять.
Пушки мѣдныя завыли,
Берегъ Сыра задрожалъ,
Ядра съ ревомъ землю рыли,
Свинецъ въ воздухѣ визжалъ.
Огаревъ *) полковникъ смѣлый,
Онъ не спалъ и не дремалъ,
Крѣпко помнилъ свое дѣло,
Будто трусилъ и молчалъ.
Трое сутокъ пировали
Басурманы за рѣкой
И насъ дерзко вызывали
Въ рукопашный съ ними бой.
На четвертый же день рано
Приказъ отдалъ командиръ:
Подъ прикрытіемъ тумана
Переправиться чрезъ Сыръ.
Перешли мы на курганъ;
Къ бою Шкупъ **) построилъ насъ,

*) Комендантъ форта Перовскаго.
**) Майоръ № 4 Оренбургскаго линейнаго баталіона.

И проклятымъ басурманамъ
Тутъ пробилъ злой казни часъ.
На поклонъ мы имъ послали
Прежде ядеръ и гранатъ;
Вслѣдъ имъ пули засвистали
И посыпались какъ градъ.
Но оправились злодѣи
И на первый нашъ привѣтъ
Въ мигъ съ ближайшей батареи
Намъ прислали свой отвѣтъ.
А межъ тѣмъ надъ высотами
Мигомъ рать ихъ собралась,
Зашумѣла знаменами,
Съ гикомъ бросилась на насъ.
Вотъ ракеты имъ навстрѣчу
Бросилъ мѣтко Соколовъ, *)
Харитоновъ *) же картечью
Осадилъ напоръ враговъ.
Долго длилась перестрѣлка,
Отдыхалъ граненый штыкъ....
„Къ чорту глупая бездѣлка!“
Молвилъ Шкунъ, лихой старикъ:
„Ну, впередъ, въ штыки, ребята!“
Громко грянулъ барабанъ;
Осѣнясь крестомъ трикраты,
Мы пошли на басурманъ.
Молодецки мы сразились:
Билъ одинъ десятерыхъ!
Хоть коканцы стойко бились,
Наконецъ, мы сбили ихъ.
Робко дрогнули собаки,
Стоять больше не могли,
Замѣшались, съ поля драки
Въ безпорядкѣ побѣгли.

*) Офицеры Оренбургской казачьей конно-артиллерійской бригады.

После сытнаго обѣда
И дессертъ на славу былъ:
Не забыли дать отвѣдать
Пикъ и шашекъ врагамъ въ тылъ.
Отъ руки кто палъ татарской,
Наградитъ того самъ Богъ!
Намъ же—крестъ, подарокъ Царскій,
Побѣдъ будущихъ залогъ!

(Мякушинъ стр. 121).

Крымская война 1853-1856 г.г.. **А.**

Сильна буря прошумѣла,
Встрепенулись всѣ наши края:
Межъ народа пролетѣла
Вѣсть—итти весной въ походъ.
Какъ по линіи Оренбургской
Не сизой орелъ леталъ,
Онъ къ намъ вѣсточку приноситъ,
Царя Бѣлаго приказъ:
„Чтобы были шашки востры,
Рубки, легкія въ бою.“
Подъ начальствомъ Горчакова *)
Лестно будетъ умереть;
Онъ намъ слова два-три скажетъ—
Шашки вонъ, пойдемъ на смерть!
Мы французовъ не боимся,
Полетимъ туда стрѣлой,
Съ басурманомъ мы сразимся
На смерть, не на животъ.

---

*) Главнокомандующій южной арміей.

Подъ ракитовымъ кусточкомъ
Казакъ голову склонилъ;
Вдругъ пронзило его сердце,
Свинцова пуля насквозь прошла;
Кровь бѣжитъ изъ этой раны
На источный на песокъ.
Солетайтеся, вороны,
Изъ дремучіихъ лѣсовъ;
Растерзайте мое тѣло
Вы по мелкимъ по частямъ;
Растаскайте мои кости
По ракитовымъ кустамъ;
Вы засыпьте мои кости
Тѣмъ источныимъ пескомъ.

Ст. Разсыпная, нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ (1902 г.) и казакъ Никифоръ Секретевъ (1903 г.); ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Степанъ Петровъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ. Записана также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

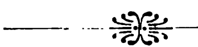

A:

Черно море прошумѣло,
Встрепенулись наши края:
Межъ народу пролетѣло,
Что весной итти, братцы, въ походъ.
Какъ по линіи Оренбургской
Не сизой орелъ, братцы, леталъ;
Орелъ вѣстыньку намъ приноситъ,—
Царя Бѣлаго приказъ,
Чтобы ружья были новы,
Шашки востры намъ имѣть,
Подъ начальствомъ Горчакова
Лестно было бы намъ померсть.

Онъ намъ слова два-три скажетъ—
Мы летимъ туда, братцы, стрѣлой.
Подъ ракитовымъ кусточкомъ
Казакъ голову склонилъ;
Вдругъ пронзило его сердце,
Свинцова пуля насквозь прошла,
И изъ раны кровь струилась
По желтому по песку.
Солетались хищны вороны
Изъ-за темныхъ изъ лѣсовъ,
Растерзали тѣло бѣлое
По мелкімъ по частямъ,
Растаскали его тѣло
По ракитовымъ кустамъ.

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Б.

Что не вѣтры, не туманы
Идутъ въ западныхъ краяхъ,
Не прокляты ураганы
Возмутилися въ степяхъ—
Къ намъ въ Россію басурманы
Идутъ силу испытать:
Какъ французы агличанамъ
Дали слово помогать,
Съ горъ пытаетъ турокъ биться,—
Россію хочетъ покорить.
Знать-то, братцы, ему не придется,
Не придется Россію спокорить:
Мы заступимъ правою ногою
И защитимъ родимый край.

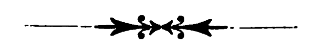
Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ.

В.

Какъ мы въ Ревелѣ стояли
Очень близко ко врагу,
Его тамъ мы ожидали
На Балтійскомъ берегу.
Зорко смотримъ мы на море,
Ожидаемъ каждый часъ;
Наберется отъ насъ горя,
Угостимъ его какъ разъ!
Какъ задумалъ аглічанинъ
На Россеюшку итти;
Полно, полно, басурманинъ,
Тебѣ въ Ревель не взойти!
Позабудь ты свои думки,
Возвратись ты, врагъ, назадъ;
Если хочешь русской булки,—
Русскій любитъ угощать.
У насъ войска очень много,
Все лихіе молодцы;
Мы надѣемся на Бога
И на русскіе штыки!...
Нашъ товарищъ, штыкъ трехгранный,
Хочетъ кровь врага пролить;
Мы на то его точили,
Чтобы грудь твою пронзить!

(„*100 пѣсенъ*“ *стр. 12*).

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Стрижевъ 62 лѣтъ.

...нбургскіе
...и на цар-
...смотру въ
...ербургѣ.

Распатретны молодцы—
Оренбургски казачки:
Царю вѣрны и покорны,

Неусыпны и проворны;
День на службѣ мы трудимся,
Ночь съ досуга веселимся,
Мы къ трудамъ-то привыкали,
Насъ начальнички узнали;
Мы труды-то переносимъ
И объ здравьѣ Бога просимъ.
Левашевъ, нашъ командиръ,
Предводитель у насъ былъ,
Предводитель у насъ былъ,
Въ Петербургъ путь совершилъ,
Совершали въ Питеръ путь,
Чтобъ на смотръ готовымъ быть.
Противъ царскаго дворца,
Государева крыльца
Въ двѣ шеренгѣ мы стояли,
Государя къ себѣ ждали.
Шашки сдѣлали впередъ,—
Справа съ флангу Царь идетъ.
Царь по фронту проходилъ,
Похвальбой насъ наградилъ:
„Да спасибо, мои дѣти,
Да спасибо, молодцы!“

Записана войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Нижнеозерной отъ урядника Андрея Гавріиловича Яковлева 61 года.

Смотры командировъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса.

А.

Надъ рѣкой надъ Чикой
Лѣтомъ въ лагеряхъ спокой.
Мы въ лагеряхъ стояли,
Во парадъ часто ходили.

Когда выйдемъ во парадъ,
На насъ люди всѣ глядятъ.
Офицеры торопились,
Во мундиры снарядились;
Каптенармусы бѣгутъ,
Всѣмъ патроны раздаютъ.
Какъ изъ области морской
Къ намъ Катенинъ пріѣзжалъ,
Честь онъ славу воздавалъ:
„Благодарю я васъ, ребята,
Полка перваго казаки:
Всѣ вы вѣрны и проворны,
Царю Бѣлому покорны.“

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачки (мать и дочь) Авдотья 70 лѣтъ и Лидія 18 лѣтъ Барбусовы.

A:

Надъ рѣкою надъ Икою
Стоимъ лагеремъ покоемъ.
Мундиры одѣвали,
Въ парадъ выступали,
Выступали въ парадъ,
На насъ всѣ глядятъ.
Офицеры торопились,
Въ мундиры снарядились;
Урядничкп бѣгутъ,
Намъ патроны выдаютъ.
Изъ поляночки форштадтской
Графъ Безаковъ пріѣзжалъ,
Графъ Безаковъ подъѣзжалъ,
Благодарность отдавалъ:
„Спасибо вамъ, ребята,

Моего полка казаки,
Моего полка казаки,
Оренбургцы молодцы!
Окончивши пальбу, строй—
По квартирушкамъ домой!"

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ.

Наступленіе въ Коканское ханство со стороны Сыръ-Дарьи въ 1861 и 1862 годахъ.

А.

Какъ у насъ было въ Джулекѣ;
Утромъ рано, на зарѣ,
Встало войско;
Въ строю стояли
Во пріятной тишинѣ.
Генералъ Дебу *) выходитъ;
Онъ съ походомъ поздравляетъ
Во чисто поле хивинское
И подъ городъ Яны-Курганъ;
Подходили къ Дарьѣ-рѣкѣ,
Становились ночевать.....

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ 58 лѣтъ.

Б.

Сыръ-дарьинцы молодцы
По степи гуляютъ,
А коканцы дураки
Крѣпости бросаютъ;
Ей же право дураки:
Крѣпости бросаютъ!

*) Ген.-лейт. Дебу—начальникъ Сыръ-дарьинской линіи.

Вотъ начальникъ нашъ, герой,
Двинулъ войско по Дарьѣ,
Его слово намъ законъ,
Мы пойдемъ съ нимъ на проломъ.
Въ курганъ-крѣпость мы пришли
И, чтобъ коканцевъ угощать,
Пулей, ядеръ привезли,—
Чѣмъ прикажете начать?
Тамыръ, тамыръ, тамыръ баръ! *)
Алдарасъ-булсы **) скажи,—
Алдарасъ-булсы скажи,
Подавать намъ прикажи!
Не дождавшись приказанья,
Ядро свистнуло въ курганъ,
И пошло тамъ завыванье:
„Ай кильганъ урусъ шайтанъ!" ***)
Русскій славно угощаетъ:
Чѣмъ богатъ, тѣмъ онъ и радъ,
Зря гранаты не пускаетъ,
Самъ идетъ точно въ парадъ!
Генералъ Дебу не шутитъ:
Онъ готовъ ихъ угощать,
Онъ изъ виду не упуститъ
Коканъ ****) пулей постращать!
Видетъ плохо дѣло бекъ,
Закричалъ онъ тутъ: „Алла!"
Позабылъ Курганъ, Джулекъ,
Всѣ отдалъ намъ знамена.
Какъ коканцевъ раскачали
(Слава батюшкѣ Царю!),

---

*) Тамыръ—знакомый, пріятель; баръ—есть, имѣется, тутъ.

**) Алларасъ-булсы—благодарю.

***) Ай кильганъ урусъ шайтанъ!—Ай пришелъ русскій чортъ!

***) Коканъ—въ смыслѣ коканцевъ.

Преотлично разбросали,
Закричалъ коканъ: „Дарю!“

Ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Иванъ Переплетчиковъ.

Б:

Оренбургскіе казаки
По степямъ гуляли,
А коканцы дураки
Крѣпости бросали;
То-то право дураки:
Крѣпости бросали!
Нашъ начальникъ, нашъ отецъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ,
Онъ не видитъ насъ печальныхъ,—
Всегда пѣсенки поемъ!
Нашъ начальникъ, нашъ герой,
Двинулъ войско по Дарьѣ,
Его слава—русскій строй,
Всѣ готовы быть въ огнѣ.
Въ курганъ-городъ мы пришли
И коканцевъ угощать
Свинцу, ядеръ принесли,—
Чѣмъ прикажете начать?
Тамыръ, тамыръ, тамыръ баръ!
Алдарасъ-булсы скажи,—
Принесли мы славный даръ,
Подавать намъ прикажи!
Не дождавшись приказанья,
Ядро свистнуло въ курганъ,
И пошло тамъ завыванье:
„Ай урусъ кильды, шайтанъ!“ *)

Ст. Звѣриноголовская, казакъ Григорій Матвѣевъ (1902 г.) и казакъ Николай Голявинскій (1903 г.).

*) Ай урусъ кильды, шайтанъ!—Ай русскій пришелъ, чортъ!

Рекогносцировка со стороны Сыръ-Дарьи 1863 года.

Какъ начальникъ нашъ, герой,
Двинулъ войско по Дарьѣ,
Его слава—русскій строй, } 2 раза.
Всѣ готовы быть въ огнѣ.
Генералъ Черняевъ нашъ—
Покровитель казаковъ,—
Не видать нигдѣ печальныхъ, } 2 раза.
Вездѣ пѣсенки гремятъ.
Тамыръ, тамыръ, ауръ башъ! *)
Алдарасъ-булсы скажи,—
Привезли мы славный даръ, } 2 раза.
Подавать лишь прикажи!
Зачѣмъ ждать намъ приказанья,
Ядро свистнуло въ курганъ,
И пошло тамъ завыванье,
Что урусъ шайтанъ кильганъ. **)

(*Стариковъ стр. 225*).

Мятежъ въ Польшѣ въ 1863 году.

А.

Въ шестьдесятъ третьемъ году
Проявилъ полякъ войну.
Припѣвъ { То-то люли, то-то люли,
Проявилъ полякъ войну.
Взбунтовались польски паны
И всѣ шляхты оборваны.
Припѣвъ.
И бродяги, всяка сволочь,
Собиралась имъ на помощь.
Припѣвъ.

---

*) Тамыръ, тамыръ, ауръ башъ!—Знакомый, знакомый, больная голова!

**) Урусъ шайтанъ кильганъ—русскій чортъ пришелъ.

Русски задали имъ пыли
И кокарды къ чорту сбили.

Припѣвъ { То-то люли, то-то люли,
И кокарды къ чорту сбили.

1902 г., Карсскій поселокъ Нижнеувельской станицы.

Б.

Размятежная Варшава!
На тебя пришла расправа:
На что было бунтовать,
Съ русскимъ Царемъ воевать?
Имъ наскучило безъ дѣла,—
Поступили дерзко, смѣло,
Стали строить чудеса,
Пошли прятаться въ лѣса;
Имъ и въ лѣсѣ мѣста нѣтъ—
Казаки за ними вслѣдъ;
Казакъ рубитъ, казакъ бьетъ,
Нигдѣ скрыться не даетъ.
Русскій воинъ--господинъ:
Бьетъ поляковъ пять одинъ;
Онъ ружьемъ шутить не любитъ,
Что задумаетъ, то будетъ.
Какъ мятежнику на помощь
Собиралась всяка сволочь;
Съ костелъ звоны посрывали,
Себѣ пушекъ наливали;
Какъ налили себѣ пушекъ,
Не прошелъ день безъ пирушекъ.

На Троицу, въ воскресенье,
Началось у насъ сраженье;
Какъ задали русской пыли,
Всѣхъ поляковъ съ поля сбили.
Русскій храбростью пугалъ,
Темнымъ лѣсомъ прогонялъ;
Врагъ по лѣсу проходилъ
И по-польски говорилъ:
„Вы, кохане мои дѣти,
Утекайте поскорѣй:
Тама русскіе байбаки,
Заберутъ васъ въ плѣнъ казаки;
Тама русскіе уланы
Принарубятъ въ спину раны.
Какъ у батюшки Царя
Закричали вразъ ура!

Ст. Новоорская, 1899 г., бомбардиръ Илья Завгородневъ.

Туркестанскіе походы.

А.

Мы въ степяхъ, братцы, стояли
Тамъ, гдѣ смѣлъ коканецъ жить;
Нахватавши разной дряни,
Хотѣлъ съ нами пошутить.
Мы рогатую скотину
Всю начисто пер(е)вели,
Ѣли, братцы, лошадину,
Не варили, а пекли;
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ
И съ горя трубочки курили,
Всѣ прощаясь съ табачкомъ.

Обносились, оборвались,
Съ плечъ свалилось все долой,—
Мы рогожей одѣвались,
Но не сбиралися домой.
Ты прощай-ка, мать Россія,
Прощай, милая страна!
Мы пойдемъ къ Аральску морю,
Гдѣ—коканецъ сатана.
Такъ какъ нѣту у насъ ранцевъ,
Камней въ полу наберемъ,
Разстрѣляемъ злыхъ коканцевъ
Или въ плѣнъ всѣхъ заберемъ,
Иль умремъ голодной смертью,
Иль опять къ Царю пойдемъ,
Иль падемъ добычей вепря,
Отъ лихой стрѣлы помремъ.
Заблестятъ булатны шашки,
Засвищутъ пули *) изъ ствола,
Отъ лихой нашей размашки
Слетитъ киргизска голова.
Понеслась наша атака
Отважна, грозна и смѣла,
Расходилися казаки,
Повалилися тѣла;
Еще взвилась казачья шашка—
Киргизъ кричитъ: „Аманъ, урусъ!“ **)
Всѣ мы съ радостью крестились
За бой, Царя, Святую Русь!
Своихъ братьевъ схоронили,
Не успѣвъ крестовъ воткнуть;
Домой скоро поспѣшили,
Крестъ повѣсивши на грудь.

Записана подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

---

*) Нѣкоторые поютъ: „Засвищутъ гальки изъ ствола.“
**) Аманъ, урусъ!—Здравствуй, русскій!

А:

Во горахъ-то мы, братцы, стояли,
Во зеленыхъ, братцы, во лужкахъ;
Тамъ коканское было собранье,—
Возмутилась вся орда на насъ.
Какъ одинъ-то былъ презлой коканецъ,
Хотѣлъ шутку съ нами пошутить:
Призаставилъ всѣ пути-дороженьки,
Хотѣлъ голодомъ насъ заморить.
Мы рогатую, братцы, скотину
Начисто всю перевели;
Ужъ мы ѣли, братцы, лошадину,
Ее варили, жарили, пекли.
Вмѣсто соли мы, братцы, солили
Изъ патроновъ мелкимъ порошкомъ;
Сѣно въ трубочкахъ курили,—
Распростились съ табачкомъ.
Обносились мы, братцы, оборвались,
Все валилось съ плечъ долой;
Мы рогожи, братцы, надѣвали
Вмѣсто сѣрыхъ своихъ шинелей,
Обвивали свои рѣзвы ноженьки
Тонкой кожей своихъ лошадей.
По колѣно, братцы, снѣжочекъ
Упалъ намъ казаченькамъ;
Зимой, братцы, по снѣгу
Дрова мы собирали.
Разведемте, братцы, огонечекъ,
Да мы обогрѣемся.
Всѣ съ горя трубочки закуримъ,
Распростимся съ табачкомъ.
Мы Бухарію насквозь пройдемъ,
Городъ Самаркандъ въ полонъ возьмемъ.

Ст. Павловская, 1899 г., бомбардиръ-наводчикъ Дороѳей Бабинъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (шорникъ) Иванъ Матвѣевъ; ст. Богуславская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (бригадный писарь) Тарасъ Пущаевъ; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ; записана также и подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Б.

Вотъ мы пѣсню заведемъ,
Какъ въ степи мы тутъ живемъ;
Вотъ житье-разбытье
Наше туркестанское;
На другой здѣсь все манеръ,
Хоть одежда, напримѣръ.
Всякъ въ рубахѣ во все лѣто
Въ гимнастической одѣтъ,
Штаны словно макъ въ степи,
А земля—горшки лѣпи.
Наше дѣло хоть въ походъ
Или множество работъ.
Коль походъ вышелъ степной,
То бери воды съ собой;
И поѣхалъ по горамъ,
По ущельямъ, по доламъ;
Днемъ те солнышко печетъ,
Ночью вѣтеръ проберетъ.
Туркестанецъ во походъ
Онъ съ собой всего беретъ:
Коли все съ собой не взять,
Такъ у сартовъ не достать,
Потому эта орда
Разбѣжится завсегда;
И на всякій на случай—
И кишмишъ съ тобой и чай.
Лишь на мѣсто гдѣ пришелъ,
Кипятить чаекъ пошелъ.
Въ боевой же во походъ
Завсегда казакъ пойдетъ,
Потому намъ во движеньи
Очень много развлеченья:
Подеремся со врагомъ
На конягѣ удаломъ;
Есть кого пострѣлять,
Наши пушки испытать;

Возмешь городъ ты чужой,
Здѣсь сейчасъ и крѣпость строй.
Много этихъ крѣпостей
Возвели мы средь степей!
Мы строители лихiе,—
Дома строимъ земляные.
Дровъ у насъ совсѣмъ не мало,
Топимъ просто чѣмъ попало:
То колючкой, камышомъ,
А то просто кизякомъ.
Мы ужъ съ сартами сдружились
И съ киргизами сошлись;
Какъ придешъ къ нему ты въ домъ,
Угощаетъ кумызомъ,
И теперь ужъ мирный сартъ
Называетъ тебя братъ.
Въ праздникъ честнымъ пиркомъ
Изъ винограда водку пьемъ.
Коль казакъ сноровку знаетъ,
Онъ нигдѣ не пропадетъ,
Онъ нигдѣ не пропадетъ,
Разлюбезно проживетъ.

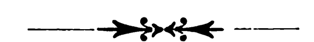
Записана подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ.

В. Артиллеристики на горѣ
Похаживаютъ,
Свои пушечки
Разстанавливаютъ;
Они ставятъ,
Разстанавливаютъ,

Сами съ собой
Такъ разсказываютъ:
„Басурманскіе враги,
Мы къ вамъ въ гости пришли,
Не шутки шутить,
А резонно говорить.
Принимайте гостей
Да несите калачей:
Мы гостинецъ принесли,
Что въ Москвѣ испекли;
Ну-ка, братцы, посылай
Да хозяевъ угощай.“
Наши пушки заревѣли,
Враги голосомъ запѣли:
«Вотъ гостинчикъ съ Москвы
Понадѣлаетъ бѣды!
О, Аллахъ, насъ спаси
Да отъ смерти отнеси!»
Тутъ всѣ бросились бѣжать,
Наши начали катать, приговаривать:
„Что по вкусу ли пришлось,
Какъ отвѣдать довелось?
Ой, вы знайте, молодцы,
Каковы русски пушкари;
Ой, вы знайте, удальцы,
Какіе наши-то стрѣльцы;
Покоритеся всѣ намъ
Да кричите всѣ „яманъ.“ *)

Записана подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ.

*) **Яманъ—плохо, худо.**

Г. Развеселая стоянка—славный городъ Самаркандъ:
Мы стояли, веселились словно въ садѣ соловьи,
Насъ начальники любили словно родные отцы,
А мы храбры удалые оренбургцы молодцы,
Мы ученье крѣпко знаемъ, намъ команда нипочемъ.
Какъ ударили тревогу—мы туда летимъ стрѣлой;
Подбѣгали скоро съ пушкой; мы готовы ко войнѣ.
Направляли свои пушки на коканскія поля,
Поджидали къ себѣ въ гости мы коканска короля.
Закатили пули въ дула, начали мы угощать;
Мы покажемъ басурманамъ по-казачьи какъ гулять!
Какъ сошлися грудь со грудью, тутъ намъ некогда стрѣлять,—
Беремъ шашки въ свои руки да работаемъ... Ура!
Мы покажемъ свои шутки, шутки Бѣлаго Царя!
Какъ у Бѣлаго Царя нѣтъ урона никогда,
Нѣтъ урона, ни потери, завсегда мы всѣ сполна!

Ст. Магнитная, 1903 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ; записана также подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Д. Во горахъ-то мы, братцы, стоимъ крушимся;
Перестанемъ горе-горевать,
Лучше будемъ, братцы, веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ.
Запоемъ мы, братцы, пѣсню

Про походы да про свои;
Гдѣ мы были, гдѣ, братцы, служили?
За Дарьею—да мы за рѣкою.
Дарья-рѣчка не широка,
Переходу на ней нѣтъ,
Переходу, переправы,
Нѣтъ калиновыхъ мостовъ;
Мы на это не взирали,
Вели плѣнныхъ да мы за собой.

Ст. Разсыпная, 1900 г., ветеринарный фельдшеръ Семенъ Пановъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ.

Е.

Ну-тко грянемъ, братцы, пѣсню
Про Нарынскій про походъ,
Тѣ мѣста, друзья, вспомянемъ,
Гдѣ былъ русскій нашъ народъ.
Мы второго-то іюня
Отправлялись въ добрый путь;
Будь сухарь съ нами да пуля—
Врагу можемъ доказать.
До Нарыну *) доходили,
Гдѣ работаетъ нашъ братъ;
Перешли Нарынку рѣку,
Сообщились рѣчь сказать. **)
Возлюбилъ насъ всѣхъ начальникъ
Отъ глубокой всей души,
Онъ повелъ насъ предъ собою
Въ самый жаркій лѣтній день.

---

*) Сыръ-Дарья въ верхнемъ теченіи называется Нарыномъ.

**) Сообщились рѣчь сказать—вѣроятно, въ смыслѣ собрались поговорить, посовѣтоваться.

Пристигаетъ темна ночка,
Разосенній частный дождь;
Перемокли, передрогли,
Нѣту силъ добыть огня....

Ст. Кундравинская, 1903 г., урядникъ Гавріилъ Вопиловъ; ст. Оренбургская, 1903 г., коллежскій асессоръ Г. Д. Лукьяновъ.

Е.

Ну-тко грянемъ, братцы, пѣсню
Про Нарынскій про походъ,
Тѣ мѣста, друзья, вспомянемъ,
Гдѣ былъ русскій нашъ народъ.
Разъ съ полковничкомъ ходили
Въ самый жаркій лѣтній день.
Мы второго-то іюня
Отправлялись въ добрый путь;
Будь сухарь съ нами да пуля—
Врагу можемъ доказать.
Онъ повелъ насъ предъ собою
Нашей сотни командиръ,
Сполюбился намъ начальникъ:
Онъ съ глубокою душой.
Перешли мы чрезъ Токмакъ, *)
Гдѣ работаетъ нашъ братъ;
Перешли Нарынку рѣчку,
Сообщились рѣчь сказать.
За Нарыномъ насъ побилъ
Разненастный сильный дождь,

---

*) Токмакъ—крѣпостца въ Средней Азіи западнѣе озера Иссыкъ-куль.

Частымъ дождичкомъ мочило,
А порой и снѣгъ хлысталъ,
Безпросвѣтно насъ мочило,
Нѣтъ и силъ добыть огня....

Ст. Кундравинская, 1903 г., казакъ Андрей Колодкинъ 65 лѣтъ; ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Василій Маткинъ 60 лѣтъ.

Е.

Вспомнимъ, братцы, про былое,—
Про Нарынскій мы походъ,
Всѣ мѣста здѣшнія вспомянемъ,
Гдѣ былъ русскій нашъ народъ.
За Нарыномъ мы стояли
Все за быстрой за рѣкой;
Сколь Нарынъ на насъ не злился:
Перевозу на немъ нѣтъ,
Онъ тогда съ нами смирился,
Когда бродъ на немъ нашли,
Когда бродъ на немъ нашли,
Мы Нарынъ рѣчку прошли.
Проходили лѣсъ и горы,
Становились близъ бѣлковъ; *)
Днемъ дожди, а ночь—бураны:
Промыкали мы насквозь....

Записана сотникомъ А. Д. Андреевымъ въ 1904 году въ Сибирскомъ войскѣ.

*) Бѣлки—вершины горъ, покрытыя снѣгомъ.

Ж.

Мы не знали, не боялись,
Какъ пришлось въ степи служить;
Мы съ привычкою спознались,—
Право не о чемъ тужить:
Царь насъ кормитъ, одѣваетъ,
Честь и лесть ему служить,
Онъ за храбрость награждаетъ
Крестомъ славнымъ на груди.
Мы, казаки, не зѣваемъ,
Куда хочешь—хоть въ огонь,
Пули даромъ не пускаемъ:
Лучше русскаго не тронь!
Угостимъ свинцовой кашей,
На закуску свѣтлый штыкъ.

Ст. Магнитная, 1903 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

З.

Мы, казаченьки, военны,
Мы споемъ пѣсню отмѣнну,
Мы споемъ пѣсню тому,—
Командиру своему.
Командиръ нашъ—отецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ
Изъ нашихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ,
Сами пѣсню запоемъ,
Во дикую степь пойдемъ.
Во дикой степи бывали,
Много горя принимали,

Свои пушки заряжали
И коканцамъ пригрожали.
Стали съ пушечекъ палить,
Земля полымемъ горитъ,
Земля полымемъ горитъ,
Что не дымъ столбомъ валитъ.
Ничего въ дыму не видно,
Только видно чуть сверкалъ,
Не сизой орелъ леталъ—
Романовскій *) разъѣзжалъ
На ворономъ на конѣ,
По крутой по горѣ;
Онъ не такъ тамъ разъѣзжалъ,
Свою армію искалъ.
Онъ нашелъ свою армію
При долинѣ на лугу,
При долинѣ на лугу
Въ оренбургскомъ во кругу.
Къ оренбургцамъ подъѣзжалъ,
Со добра коня слѣзалъ....
. . . .
. . . .

Записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

3. Русскій Царь у насъ отецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ, (2 р.)
Изъ своихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ, (2 р.)
Во дикую степь пойдемъ.

*) Ген-м. Романовскій—командующій войсками Туркестанской области.

Во дикой степи бывали,
Много горя принимали, (2 р.)
Шестьсотъ пушекъ заряжали.
Стали съ пушечекъ палить,
Земля полымемъ горитъ, (2 р.)
Что не дымъ столбомъ валитъ.
Ничего въ дыму не видно,
Только видно чуть сверкалъ, (2 р.)
Не сизой орелъ леталъ,
Не сизой орелъ леталъ—
Романовскій разъѣзжалъ, (2 р.)
Свою армію искалъ.
Онъ нашелъ, нашелъ армію
При долинѣ на лужкѣ, (2 р.)
Батарея во кружкѣ.
„Вы здоровы ли, ребята,
Оренбургцы молодцы?
Хорошо вы службу зна(е)те,
Вамъ команда нипочемъ!“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., вахмистръ Степанъ Ситниковъ.

3.

Мы, казаченьки, военны,
Мы споемъ пѣсню тому, (2 р.)
Командиру своему:
Командиръ вѣдь нашъ отецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ (2 р.)
Изъ своихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ, (2 р.)
Во дикую степь пойдемъ.

Во дикой степи стояли,
Много горя принимали, (2 р.)
Шестьсотъ пушекъ заряжали.
Стали изъ пушечекъ палить,
Земля пламенемъ горитъ, (2 р.)
Во дыму огонь стоитъ.
Ничего въ дыму не видно,
Только видно чуть сверкалъ, (2 р.)
Какъ сизой орелъ леталъ,
Не сизой орелъ леталъ—
Командиръ нашъ разъѣзжалъ,
Съ горы на гору скакалъ,
Батареюшку искалъ;
Батареюшку нашелъ
При долинѣ на лужкѣ, (2 р.)
Батарея вся въ кружкѣ.

Записана въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

3.

Полно, полно намъ, ребята,
Передъ рощею стоять,
Передъ рощею стоять,
Золоты вѣнки свивать.
Русскій Бѣлый Царь отецъ,
Командиръ нашъ молодецъ,
Командиръ нашъ молодецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ
Изъ своихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ
Сами пѣсню запоемъ,

Сами пѣсню запоемъ,
Во дикую степь пойдемъ;
Во дикой степи бывали,
Много горя принимали,
Много горя принимали,
Шестьсотъ пушекъ заряжали,
Шестьсотъ пушекъ заряжали
И коканцевъ угощали.
Ужъ мы начали стрѣлять,
Пули, ядра посылать,
А какъ начали палить,
Только пыль столбомъ валитъ!

Ст. Нижнеувельская, 1903 г., казакъ Иванъ Лебедевъ; ст. Каменноозерная, 1904 г., калетъ Разумникъ Степановъ.

3.''''

Царь-етъ Бѣлый нашъ отецъ,
Командиръ нашъ молодецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ
Изъ своихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ,
Сами пѣсню запоемъ,
Во дикую степь пойдемъ;
Во дикой степи бывали,
Много горя принимали,
Много горя принимали,
Шестьсотъ пушекъ заряжали.
Мы изъ пушечекъ палимъ,
Только дымъ столбомъ валитъ!
Ничего въ дыму не видно,
Только видно: по горамъ,

Только видно: по горамъ
Командиръ нашъ разъѣзжалъ,
Командиръ нашъ разъѣзжалъ,
Перву сотенку искалъ,
Перву сотенку нашелъ
На зеленомъ на лугу,
На зеленомъ на лугу,
И Качковъ сидитъ въ кругу.

Ст. Устьуйская, 1903 г., казакъ Василій Тимоѳеевъ.

3.

Мы споемъ пѣсню тому,
Командиру своему:
Командиръ-отъ нашъ отецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ
Изъ своихъ чистыхъ сердецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами пѣсню запоемъ
Да въ Россію *) съ нимъ пойдемъ;
Во Россіи мы стояли,
Много горя принимали,
Шестьсотъ пушекъ заряжали.
Стали съ пушечекъ палить,
Земля пламенемъ горитъ!
Ничего въ пылу не видно,
Только видно чуть сверкалъ,
Командиръ нашъ разъѣзжалъ,
Свою армію искалъ.

*) Казаки, въ данномъ случаѣ, подъ Россіей подразумѣваютъ внутреннія и западныя губерніи; очевидно, пѣсня передѣлана въ послѣднее время.

Онъ нашелъ, нашелъ армію
При долинѣ на лужкѣ,
Батарея вся въ кружкѣ.
Къ артиллеристамъ подъѣзжалъ,
Со добра коня слѣзалъ;
Къ артиллеристамъ подходилъ,
Съ артиллеристами говорилъ:
„Вы здоровы ль, мои дѣти,
Артиллеристы молодцы!
Хорошо вы службу зна(е)те,
Я надѣюся на васъ."
За его добры дѣла
Закричимъ, братцы, ура!
Закричали мы ура,
Командиру честь хвала.

Ст. Ключевская, 1903 г., казакъ Яковъ Шевченковъ.

Дѣло уральцевъ подъ Иканомъ 4-6 декабря 1864 г..

А.

Въ степи широкой подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И трое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы отступали.... онъ за нами
Толпами тысячными шелъ;
Онъ путь нашъ устилалъ тѣлами
И кровь струилъ на снѣжный долъ.
Мы залегли.... свистѣли пули,
И ядра рвали все въ куски,
Но мы и глазомъ не сморгнули,
Стояли мы.... мы—казаки!

И смерть носилась.... мы рѣдѣли;
Геройски все стоялъ казакъ,
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли,
А этого желалъ нашъ врагъ.
Держались мы три дня, три ночи,
Три ночи долгія какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи,
Затѣмъ мы ринулись впередъ.
Вокругъ валились наши братья,
Коканецъ кожу съ нихъ сдиралъ
И басурманскія проклятья
Вослѣдъ намъ съ пулей посылалъ.
Свинцомъ пробитые лежали
Герои наши здѣсь и тамъ
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстьми въ лицо своимъ врагамъ.
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски,
Но мы не дрогнули и смѣло
Все ждали смерть, какъ казаки.
Но вотъ въ степной дали сверкнули
Родные русскіе штыки,
И всѣ отраднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки.
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: многихъ нѣтъ,
И всѣ они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ.
И этимъ слѣдомъ отступая,
Врагъ трупы мерзлые терзалъ,
Но, наши головы сбирая,
Своихъ онъ больше насчиталъ.
И, снявши голову съ героя,
Злодѣй къ сѣдлу ее вязалъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ.

И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иканомъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ.
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней,
Для мира вѣчнаго, покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей.
И маръ насыпали надъ ними;
Пусть вѣки вѣчные стоитъ
И громко съ вѣтрами степными
О нашей славѣ говоритъ!
Пусть говоритъ, какъ подъ Иканомъ
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой!

Ст. Буранная, 1899 г., казакъ Романъ Головлевъ; ст. Гирьяльская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Иванъ Вишняковъ; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (шорникъ) Иванъ Матвѣевъ; записалъ также въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесаулъ Л. Г. Чернявскій.

Б.

Въ Туркестанѣ мы засѣли,
Изъ-за стѣнъ его глядѣли,
Нѣтъ ли гдѣ кого? (2 р.)
На дворѣ зима стояла
(Декабря было начало),
И свѣжій морозъ. (2 р.)
Дали знать сюда иканцы,
Что идутъ войска коканцевъ—
Просто счету нѣтъ. (2 р.)

Вдругъ приказано Сѣрову *)
Засѣдлать коней готовыхъ,
На рысяхъ итти. (2 р.)
Казаки его лихiе
Взяли ружья нарѣзныя,
Живо собрались. (2 р.)
Дали намъ одну пушченку,
Припрягли къ ней лошаденку,
На рысяхъ пошли. (2 р.)
Наступилъ вечеръ; смеркалось,
И ночь темная спускалась;
Казаки летятъ. (2 р.)
Подбѣгали близъ Икана,
И вдали, какъ будто въ станѣ,
Мелькнули огни. (2 р.)
А чтобъ лучше все узнать,
Было сказано послать
Вожака впередъ. (2 р.)
Но онъ только что отъѣхалъ,
Какъ разъѣздъ коканскiй встрѣтилъ
И—скорѣй назадъ. (2 р.)
Сотня наша отступала,
А коканцы окружали—
Просто счету нѣтъ! (2 р.)
Но кому считать охота?
Казаки стали въ пѣхоту,
Сбатовавъ коней. (2 р.)
Казаки были не трусы,
Покрутили себѣ усы,
И все—на чеку. (2 р.)
Но со всѣхъ сторонъ коканцы,
Близко лѣзутъ къ намъ поганцы,—
Кинулись въ упоръ. (2 р.)
Закатили въ нихъ картечью,

---

*) Есаулъ Сѣровъ—командиръ уральской сотни.

Посшибали башки съ плечъ,
На поддачу—пуль. (2 р.)
Закричали, заревѣли,
Опять было налетѣли,
Да скусили грибъ. (2 р.)
Видятъ,—жутко, салмоѣды, *)
Имъ хотѣлося побѣды,
Но не удалось. (2 р.)
Отступили, отвалили,
Три орудья притащили
И давай качать. (2 р.)
Сильно ядра землю рвали,
Никого не задѣвали,
Только лошадей. (2 р.)
Расторопный сынъ Урала,
Онъ подѣлалъ самъ завалы
Себѣ изъ мѣшковъ. (2 р.)
Онъ сидитъ, мѣтко стрѣляетъ
И тайкомъ пули пускаетъ
Одну за другой. (2 р.)
Жаль, колеса единорога **)
Поразсыпались немного,
Это не бѣда. (2 р.)
Изъ подъ ящика съ зарядомъ
Живо сняли двое разомъ,
Начали вязать. (2 р.)
Хоть колеса не вращались,
Зато наши натерпѣлись
На спинахъ таскать. (2 р.)
Утромъ пятаго молчали,
Зря заряды не теряли
И все берегли. (2 р.)
Лишь коканцы не зѣвали:

---

*) Салма—азіатское кушаніе вродѣ лапши.

**) Единорогъ—названіе особаго типа артиллерійскаго орудія.

Все стрѣляли да стрѣляли
        Въ поле дураки. (2 р.)
Время къ вечеру клонилось,
И вдали пальба открылась:
        Выручка намъ шла. (2 р.)
Встрепенулись казаченьки,
И хотѣли молодченьки—
        Къ пушкамъ на ура. (2 р.)
Но пальба вдали вдругъ рѣже,
И пропала вся надежда;
        Знать, тому такъ быть. (2 р.)
И пока такъ разсуждали,
Вдругъ коканца увидали
        Съ запиской въ рукѣ. (2 р.)
Пишетъ нашимъ Алимкулъ, *)
Что я вашихъ всѣхъ отдулъ
        И прогналъ назадъ. (2 р.)
Лучше сдайтеся, ребята,
Будетъ честно, будетъ свято,
        Не обижу васъ; (2 р.)
Вѣру вы мою примите
И скорѣй ко мнѣ идите,
        А то горе вамъ! (2 р.)
Но въ отрядѣ не пугались,
Только думами, старались
        Регента свалить. (2 р.)
Алимкула не свалили,
А коня подъ нимъ подбили,
        Славный конь такой. (2 р.)
Видятъ плохо, не поддались,
Салмоѣды догадались
        И ну лѣсъ возить. (2 р.)
Они вздумали подкатомъ

*) Алимкулъ—правитель (регентъ) Коканскаго ханства.

Подойти поближе къ хватамъ
        Стали плесть туры. *) (2 р.)
Тутъ Сѣровъ сказалъ отряду,
Что получитъ тотъ награду,
        Кто дастъ вѣсть своимъ, (2 р.)
Чтобы выручку послали
И зря сотню не теряли
        Такихъ молодцовъ. (2 р.)
Два охотника явились,
Въ праву сторону пустились,
        Съ ними былъ Ахметъ. **) (2 р.)
Поскакали удалые,
А коканцы сторжевые
        Кинулись на нихъ. (2 р.)
Наши живо повернули....
Жаль, что такъ они наткнулись....
        Дали знать въ отрядъ. (2 р.)
Но въ отрядѣ не дремали:
Тутъ же снова ихъ послали
        Лѣвой стороной. (2 р.)
А пальба не прекращалась,
И гранаты выпускались,
        Да все въ лошадей. (2 р.)
Пули сыпалися градомъ
На позицію отряда,
        Но Богъ все хранилъ. (2 р.)
Наступилъ день Николая;
Наша сотня удалая
        Вела переговоръ. (2 р.)
Дай-ка время поубавимъ
И балясовъ поприбавимъ,
        Можетъ проведемъ. (2 р.)
А коканцы догадались

---

*) Туры—бездонныя цилиндрическія корзины изъ кольевъ, оплетенныя хворостомъ.

**) Киргизъ вожакъ.

И тотчасъ же постарались—
Мантелеты *) въ ходъ. (2 р.)
Подкатили ихъ къ отряду.
Толкачевъ казакъ зарядомъ
Въ пухъ разбилъ одинъ. (2 р.)
Самъ навелъ единорогъ онъ
И картечью дивно много
Повалилъ сарбазъ. **) (2 р.)
И со всѣхъ сторонъ отряда
Близко падали гранаты,
И пошла писать! (2 р.)
Страшно пули тутъ свистали,
Все въ отрядѣ поражали,
Держаться нельзя. (2 р.)
Въ пушку ершика впустили,
Думать попусту не стали,
Кинулись въ проломъ. (2 р.)
Тридцать шесть легло на мѣстѣ,
Остальные дружно, вмѣстѣ
Стали отступать. (2 р.)
Кои ранены падали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели. (2 р.)
Тутъ убиты оставались,
Отъ нихъ ружья отбирались,
Ломались въ куски. (2 р.)
А коканцы налетали,
И кричали, и стрѣляли,
Думали собьютъ. (2 р.)
Много хватовъ и джигитовъ
На скаку кидали пики,
Свои кистени. (2 р.)
Казаки все подбирали

---

*) Мантелетъ—передвигающееся закрытіе изъ хвороста и другихъ матеріаловъ.

**) Сарбазы—туземная пѣхота.

И назадъ опять бросали,
Или—пулю въ лобъ. (2 р.)
Восемь верстъ наши герои
Возвращались они съ боя
Подъ вражьимъ огнемъ. (2 р.)
Да, не мало тѣхъ героевъ
Полегло на чистомъ полѣ
Отъ коканскихъ пуль. (2 р.)
Ихъ рубили, ихъ терзали,
Даже головы снимали,
Увозя съ собой. (2 р.)
Много наши потеряли,
Но и сами дали память
За родныхъ друзей. (2 р.)
Не забудутъ салмоѣды,
Что имъ стоила побѣда
Такихъ молодцовъ. (2 р.)
Но и тѣ, которы пали,
Къ нимъ горстями снѣгъ кидали,
Живы не дались. (2 р.)
Честь и слава вамъ, уралы!
Да не мало и бывало
Такихъ славныхъ дѣлъ. (2 р.)
Храбро бились, умирали,
Хотя много потеряли,
Но Царь наградилъ. (2 р.)

(Мякушинъ стр. 154).

Сообщили безъ окончанія: нестроевой старшаго разряда (бригадный писарь) Тарасъ Пушаевъ ст. Богуславской въ 1902 году, казакъ Нижнеозерной станицы Крыловъ въ томъ же году и нестроевой младшаго разряда (писарь) Өеодоръ Лакиревъ ст. Степной въ 1903 году.

Б.

Межъ горами, межъ долами,
Межъ коканскими садами,
        Битва тамъ была. (2 р.)
День до вечера мы били,
Всѣ гранаты освободили;
        Для насъ ничего! (2 р.)
Какъ шестого декабря,
Съ половины было дня,
        Коканецъ вскричалъ: (2 р.)
„Вы подайтеся, ребята,—
Будетъ честно, будетъ свято,
        Не обижу васъ; (2 р.)
Вѣру вы мою примите,
Поскорѣй ко мнѣ бѣгите,
        А то горе вамъ!“ (2 р.)
Какъ Сѣровъ *) сказалъ намъ слово,
Хоть не споро, да здорово,
        Храбрый нашъ Сѣровъ: (2 р.)
„Ужъ мы въ вѣру не пойдемъ,
Путь-дороженьку пробьемъ,
        Кровію зальемъ!“ (2 р.)
Сѣровъ бросилъ всѣ законы,
Выставлялъ впередъ колонны
        Съ перекрестнымъ огнемъ. (2 р.)
Мы на раны не взирали,
Мы патроны въ зубы брали,—
        Ружья заряжали. (2 р.)
Какъ мы ружья зарядили,
Всѣ мы бросились на нихъ...
        Дорожку пробили. (2 р.)
Путь-дороженьку пробили,
Землю кровію облили,
        Въ вѣру не ходили. (2 р.)
Ужъ мы въ вѣру не ходили,

*) Есаулъ Сѣровъ—командиръ уральской сотни.

Б. Ирджарское дѣло 8-го мая 1866 года.

На Дарьѣ мы долго жили,
Скукою томился весь народъ,
Въ утѣшенье мы твердили,
Что пойдемъ скоро въ походъ.
    Незавидна наша доля,
    Есть начальства съ нами воля,—
    Пускай, какъ хотятъ. (2 р.)
Мы копаемся въ Чиназѣ
И эмира ждемъ къ себѣ:
Думали, придетъ какъ разъ
И попроситъ миръ у насъ.
    Былъ бы онъ тогда счастливъ,
    Но онъ слишкомъ горделивъ,
    Плѣшива башка,
    Точеный вилокъ.
Разнеслося повсемѣстно,
Что эмиръ невдалекѣ,
Съ нетерпѣньемъ ждетъ насъ въ гости,
Становился на Дарьѣ.
    Мы не чванны въ томъ:
    Мы сейчасъ придемъ,
    Только принимай! (2 р.)
За отбитыихъ барановъ *)
Хотѣлъ намъ онъ отомстить:
Всѣхъ побить, какъ таракановъ,
Изъ насъ плову наварить.
    Мы посмотримъ, что за пловъ,
    Сколь онъ вкусенъ и здоровъ
    Изъ насъ руссаковъ,
    Изъ насъ молодцовъ.

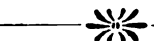
*) 15 апрѣля 1866 г. авангардъ генерала Романовскаго разбилъ бухарскую конницу и захватилъ у непріятеля 14 тысячъ барановъ.

Генералъ нашъ Романовскій
(Онъ изъ лучшихъ удальцовъ)
Нагрузилъ баркасъ „Перовскій,“
Взялъ три тысячи бойцовъ.
Дружно пѣсенки запѣли,
Всѣ за нимъ мы полетѣли
Съ радостью впередъ. (2 р.)
Эмиръ лишь только встрѣтилъ насъ—
Остановилъ свой эшелонъ
И, видно, ждетъ всѣхъ въ гости насъ,—
Остановился на Дарьѣ.
Какъ насъ приметъ молодецъ,
Что намъ будетъ подъ конецъ,
Мы удивимъ тамъ,
Что-то будетъ намъ.
Командиръ нашъ Романовскій
(Хоть сорокъ тысячъ бухары)
Къ эшелону насъ повелъ,
Имъ картечи преподнесъ:
Не боялся никогда
Путь картечію пробить,—
Мы пройдемъ впередъ.
На правомъ флангѣ шелъ у насъ
Подполковникъ Пистолькорсъ. *)
Окружалъ насъ злобно
Басурманскій песъ;
Залпомъ начали стрѣлять
(Зря снаряды истреблять)
Въ поле дураки. (2 р.)
Какъ ракетна(я) батарея
(И она съ нами была),
Нетерпѣньемъ пламенѣя,
Она жару задала;

*) Подполковникъ Пистолькорсъ въ этомъ дѣлѣ командовалъ казачьей колонной изъ пяти сотенъ съ ракетной командой и 6 орудіями.

Безъ замка она стрѣляетъ,
Много страха нагоняетъ,
Шумитъ что есть силъ. (2 р.)
На насъ очень налетали
И кололи со всѣхъ странъ,
На всемъ скаку они стрѣляли,
Былъ пустой весь ураганъ.
Зато наши казаки
Имъ посмазали башки:
Мѣтятъ прямо въ лобъ! (2 р.)

Ст. Оренбургская, 1902 г., хорунжій А. Н. Леонтьевъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (шорникъ) Иванъ Матвѣевъ; записана также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

В. Осада и занятіе укрѣпленія Дизаха 12—18 октября 1866 года.

Лишь топну я ногою—
Они вокругъ меня
Сбиралися толпою
Всѣ прежніе друзья.

Припѣвъ.
О, горныя вершины,
Увижу ль я васъ вновь?
Джузакскія *) долины—
Кладбище удальцовъ.

Полѣзъ казакъ на горы,
Гдѣ кровь лилась рѣкой,
Тамъ храбрые герои
Дрались за край родной.

---

*) Дизахъ—въ повседневной рѣчи Джузакъ, Джизакъ.

Припѣвъ.

Тамъ пушка вѣстовая
На бранный бой зоветъ,
Тамъ пуля роковая
Насъ съ жизней разочтетъ.

Припѣвъ.

Прощай, моя невѣста!
Прощайте, всѣ друзья!
Прощай, моя отчизна,
Родимые края!

Ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ и нестроевой старшаго разряда (шорникъ) Иванъ Матвѣевъ.

Г. Дѣйствія дизахскаго отряда подполковника Абрамова въ 1867 году 25—26 мая, 7 іюня и 2 іюля близъ Яны-Кургана.

Вспомнимъ, братцы, про былое,
Какъ въ горахъ мы безъ воды
Простояли трое сутокъ,
Дожидалися орды.

Припѣвъ: Греми слава трубой,
Мы дралися за Дарьей,
По горамъ вашимъ бухарскимъ
Разнеслась слава объ насъ.

Принаполненъ яръ глубокій,
Принаполненъ татарвой,
Запылалъ тамъ бой жестокій
Съ непокорною ордой.

Припѣвъ.

Горы дымомъ покрывались
Отъ пылающихъ скирдовъ,
Непріятели лишались
Въ копны складенныхъ хлѣбовъ.
Припѣвъ.
Генералъ нашъ разсмѣялся,
Кавалеріи махнулъ—
Казаки какъ вихрь мчатся,
Эмиръ бороду загнулъ.
Припѣвъ.
Мы на коней посажались,
По горамъ вдоль понеслись;
Ужъ мы съ радостью скакали,
Что въ Бухарію забрались.
Припѣвъ.
Ежель хочете мириться,
Мы вамъ мѣсто отведемъ
За Дарьею поселиться,
На арканахъ разведемъ!
Припѣвъ.

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., нестроевой старшаго разряда (шорникъ) Иванъ Матвѣевъ.

Д. Штурмъ Самаркандскихъ высотъ 1-го мая 1868 года.

Какъ шестьдесятъ восьмого года
Подъ Самаркандъ водили насъ;
Намъ не забыть того похода,
Его вспомянемъ мы не разъ.

Вотъ какое было дѣло
Въ Самаркандѣ въ первый разъ;
Шли, не труся, впередъ смѣло,
Богъ хранилъ за это насъ.
Лишь добрались до Зеравшана,
Едва пришлось воды испить,
Какъ съ непріятельскаго стана
Въ насъ начали уже палить.
Чрезъ полчаса наше начальство
Намъ приказало наступать,
Бухарцевъ наказать нахальство,
Итти впередъ, не отступать.
Перекрестясь, пошли колонны;
Предъ нами—рѣчка Зеравшанъ,
Катитъ она со пѣной волны,
Кипитъ, реветъ рѣка буянъ.
Одежду къ шеѣ привязали,
Казаки въ воду посошли,
Коней въ поводья своихъ взяли,
По грудь въ водѣ мы всѣ пошли.
Съ высотъ въ то время батареи
Пускали ядра на нашъ бродъ;
Мы перешли всѣ поскорѣе,
Чтобы другимъ очистить путь.
За этимъ бродомъ еще пять
Намъ сдѣлать, видно, приходилось,
И тутъ попрежнему опять
Въ насъ куча ядеръ повалилась;
Но намъ не страшенъ этотъ дождь:
Мы сами сыпать имъ умѣемъ,
И мы поговорить не прочь,
Какъ въѣхать на гору успѣемъ.
Подъѣхали мы ближе къ нимъ....
Они „уръ-уръ“ былъ заорали
И много съ видомъ удалымъ
Съ горы къ подножью поскакали.

Ура лишь только раздалось,
Лихое русское ура,
Какъ съ высоты все убралось,
Совсѣмъ очистилась гора.
Не мало ихъ тутъ положили,
Гнались за ними по горамъ,
Изъ пушекъ долго въ нихъ палили,
Чтобъ не ворочались ужъ къ намъ.
На высотахъ всю ночь стояли,
На утро въ городъ мы взошли:
Насъ сами жители позвали,
Чтобы скорѣе мы пришли.
Отъ Кауфмана *) генерала
Спасибо слышали не разъ,
Въ награду денегъ далъ не мало
И наградилъ крестами насъ.
Вотъ какое было дѣло
Въ Самаркандѣ въ первый разъ:
Шли, не труся, впередъ смѣло,
Богъ хранилъ за это насъ.

Записана въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Е. Грянемъ, братцы, подъ Бухарію въ добрый часъ!
Говорила вся Бухарія про насъ.
Припѣвъ: Ай люли, ай люли, люли, люли,
Говорила вся Бухарія про насъ.

---

*) Генералъ-адъютантъ Кауфманъ—командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа.

На что было къ Самарканду подходить?
Иль хотѣлось имъ Катты-Курганъ *) разбить?
Припѣвъ: Ай люли и т. д.. **)
Нашъ фонъ-Кауфманъ генералъ
Подъ Самаркандомъ всѣхъ бухарцевъ расщелкалъ.
Припѣвъ.
Оренбургцы собѣгутся съ горъ, степей,
Переловятъ всѣхъ бухарцевъ, какъ гусей.
Припѣвъ.
Оренбургцы не дадутся какъ-нибудь,—
Подставятъ штыкъ подъ иху грудь.
Припѣвъ.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никофоръ Клишинъ 66 лѣтъ; эту же пѣсню записалъ въ 1888 году въ той же станицѣ войсковой старшина Н. К. Бухаринъ.

Ж. Зирабулакскій бой 2-го іюня 1868 года.

Разскажу вамъ я не сказку
И не присказку, побасенку:
Разскажу вамъ, господа,
Быль про прошлые года.
У Катты ли у Кургана
Есть большіе тамъ барханы,
Ихъ зовутъ Зирабулакъ;
Тамъ бухарцы, словно макъ,
Въ красныхъ курточкахъ засѣли,
И на насъ они глядѣли,

*) Катты-Курганъ—городъ на р. Зеравшанѣ между г. Бухарой и Самаркандомъ.

**) Послѣ „Ай люли, ай люли, люли, люли“ повторяется послѣдняя строчка предыдущаго куплета.

Какъ мы двигалися къ нимъ
Шагомъ ровнымъ своимъ.
Ихъ тамъ было втрое больше,
Да досталося имъ горше,
Какъ пришлося отступать,
Штыковъ нашихъ испытать.
Стали ближе мы сходиться;
Намъ пришлося удивиться:
Очень много было ихъ,
Все въ колоннахъ боевыхъ.
Мы за этимъ не сробѣли
(Ужъ не разъ бывали въ дѣлѣ).
Слышь.... у нихъ сигналъ играютъ,—
Ихъ пѣхота выступаетъ,
А изъ пушекъ ихъ тогда
Ядра къ намъ летятъ сюда.
Ихъ стрѣльцы огонь открыли,
Цѣлый градъ въ насъ пуль пустили,
А джигиты ихъ верхомъ
Разъѣзжали все кругомъ.
Артиллерія наша тутъ
Открывала себѣ путь,—
На позицію маршъ-маршемъ
Понеслася она страшно,
Огнемъ начала сверкать,
Изъ картечей угощать.
За орудіями скоро
Шли сейчасъ же мы на гору.
Не сдержали красны куртки,
Видятъ, тутъ не прибаутки,—
Вдругъ отъ насъ поворотились,
Улепетывать пустились.
Мы за ними по пятамъ
Шли не мало по горамъ,
И на полѣ, гдѣ сражались,
Кучи тѣлъ вездѣ валялись

Все въ бухарскихъ чалмахъ
И широкихъ штанахъ.
Такъ что было то сраженье
Для нихъ страшнымъ пораженьемъ,
И они тутъ увидали,
Что хоть много силъ собрали,
Все же русскіе сильнѣй
И на бой идутъ смѣлѣй.
Какъ сошли къ Зирабулаку,
Послѣ этого ужъ въ драку
Не хотѣлъ эмиръ вступать,
Сталъ миръ съ нами заключать.
Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ были,
Благодарность получили;
Въ скоромъ времени потомъ
Отличившихся крестомъ
За то награждалъ
Нашъ Кауфманъ генералъ.

Записана въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

3. Защита цитадели г. Самарканда 2—8 іюня и вторичное занятіе этого города 8 іюня 1868 года.

Въ Самаркандѣ мы стояли,
Тамъ надѣлали проказъ:
Шли мы, сакли разбивали
Оттого, что былъ приказъ.
Генералъ сказалъ: „Ребята!
Мы не такъ сюда пришли:

У насъ ружья заряжены,
Востры шашки отпущены."
Мы по-русски развернемся:
Это все намъ пустяки!
Спирту выпили по чаркѣ,
Полетѣли соколомъ.
Мы скакали и бѣжали
До высокаго мару.
На мару эмиръ стоитъ,
Самъ по-русски говоритъ:
«Посмотрите-ка, ребята,
На оренбургскихъ казаковъ!
Оренбургски казаки,
Однимъ словомъ, молодцы:
Наши мѣдные кумганы
Побросали во Дарью,
Наши шелковы халаты
Повздѣвали на себя!»

Записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

3. Распроклятый злой бухарецъ
Хотѣлъ штурмомъ городъ взять.
Припѣвъ: Люли, люли, люли, люли,
Хотѣлъ штурмомъ городъ взять.
Русски подняли штыки—
Они врозь какъ дураки!
Люли, люли, люли, люли,
Они врозь какъ дураки.
Мы ихъ гнали по тропинкѣ
До высокаго мару.
Люли и проч..

На мару паша стоитъ,
Самъ про русскихъ говоритъ.
Люли и проч..
Посмотрите вы, бухарцы,
На оренбургскихъ казаковъ.
Люли и проч..
Наши мѣдные кумганы
По Дарьѣ всѣ раскидали.
Люли и проч..
Наши шелковы халаты
По себѣ всѣ разобрали.
Люли и проч..
И бухарскіе паши
Всѣ заплакали, пошли.
Люли и проч..
Оглянулися назадъ,
Русски шашками грозятъ.
Люли и проч..
Наги, босы побѣжали,
Израненныхъ побросали.
Люли, люли, люли, люли,
Израненныхъ побросали.

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ А. И. Суровымъ.

Нападеніе киргизовъ на Новоилецкій поселокъ (Буранной станицы) въ 1869 году.

На зарѣ седьмого апрѣля
Орда съ шумомъ собралась;
Она съ полдня зачернѣлась,
Точно съ вихремъ поднялась.
Перешла орда Илекъ
Въ новоилецкіе луга,

Подала свой дикій крикъ—
Тутъ и русскій—на ура;
Построили тамыры *)
Плотину изъ камыша,
Растаскали всѣ куры **)
У Дарбая батырша. ***)
Согласились басурманы
Захватить у русскихъ скотъ,
Но какъ грянутъ атаманы—
Убѣжали, кто какъ могъ.
При скотѣ убили сына
Еще до драки, въ полчаса....
Перенесла тутъ всѣ неволи
Его свѣтлая душа.
Чимуръ-бай, его тамыръ,
Изучилъ его онъ вдоль:
Много лѣтъ знакомый былъ;
Заплатилъ за хлѣбъ-за соль!
Добѣжали басурманы
До Азіатской до горы;
Ихъ поклали, какъ барановъ,
Пусть растутъ изъ нихъ мары!
Пусть же помнятъ гололобы
Новъ-илецкихъ казаковъ:
Отщелкалъ каждый безъ пробы
И на печку былъ готовъ.

Ст. Буранная, 1902 г., хорунжій Ѳ. Т. Кожевниковъ.

---

*) Тамыръ—пріятель.
**) Кура—изгородь изъ камыша.
***) Батырша—герой, предводитель шайки.

Шахрисябская экспедиція. Осада и штурмъ г. Китаба 11—14 августа 1870 г..

Вспомнимъ, братцы и друзья,
Какъ въ Китабѣ мы стояли,
Въ Китабѣ мы стояли,
Сартовъ всѣхъ мы разбивали.

Войска было насъ немного
(Зато храбры удальцы):
Три стрѣлковыхъ, братцы, роты
И оренбургцы молодцы.

Быстро лѣстницы тащили
И на стѣну взобрались,
Но сартишки тожъ не спали,
Въ насъ со всѣхъ сторонъ стрѣляли.

Первы(е) на стѣну прыгнули
Два фельдфебеля стрѣлковъ,
Храбрый вахмистръ Бѣляковъ,
Урядникъ Евдокимъ Фроловъ.

Съ крикомъ бросились на стѣну,
Быстро стали ихъ колоть,
Стали силушкой гордиться
За Россію и Царя.

Время-времечко идетъ,
Изъ убитыхъ кровь течетъ...
Сарты русскихъ устрашились,
Ну изъ города бѣжать.

Пріѣзжалъ къ намъ генералъ,
Намъ спасибо онъ сказалъ,
Спасибо онъ сказалъ
И съ побѣдой поздравлялъ.

Простояли здѣсь мы сутки,
Вслѣдъ за сартами пошли,
Но злодѣи убѣжали:
Испугались они насъ.

За такую нашу храбрость
Государь насъ наградилъ:

По заслугамъ, кто гдѣ былъ,
По Георгію получилъ.

Сочинена ветеринарнымъ фельдшеромъ Нижнеозерной станицы Георгіемъ Киселевымъ.

Хивинскій походъ 1873 г..

4.

Мы давно живемъ на рубежѣ степей
И давно привыкли къ нимъ,
Передъ дикими ордами
Ужъ не въ первый разъ стоимъ.
Повелѣлъ намъ Царь Великій
Подъ Хиву итти въ походъ,
Раздалися всюду крики:
„За Царя, за Русь, впередъ!“
Мы чрезъ горы въ непогоду
Припѣваючи прошли,—
Слава русскому народу!
Дѣти русской мы земли!
И прошли мы степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ,
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Вьетъ съ бархана на барханъ.
Тамъ и птица не летаетъ,
Тамъ песокъ летитъ столбомъ,
А теперь весь міръ ужъ знаетъ,
Что намъ степи нипочемъ.
Слава намъ! Хивинецъ дикій
Передъ нами отступилъ:
Что задумалъ Петръ Великій,
Царь Александръ довершилъ.

И прислалъ онъ всѣмъ «спасибо»
И медаль далъ всѣмъ войскамъ.
На край свѣта мы итти готовы
За такую милость къ намъ.
На Зирбулакскихъ высотахъ
Самъ эмиръ не устоялъ.
Лучше надо ль имъ урока?
Онъ теперь его понялъ.
Усманъ-бекъ, его любимецъ,
Сибирякъ—бѣглецъ казакъ,
Первый показалъ намъ тылъ,
А за нимъ и всѣ назадъ.
Онъ собралъ тамъ поголовно
Старыхъ, малыхъ, всѣхъ на бой
И разсыпалъ это стадо
Намъ на жертву и убой.

(*Стариковъ стр. 234*).

А: Мы давно живемъ въ стѣняхъ } 2 р.
И давно привыкли къ нимъ,
Мы предъ дикими ордами
Ужъ не въ первый разъ стоимъ.
Раздалися всюду клики: } 2 р.
„За Царя! за Русь! впередъ!“
Вотъ велѣлъ намъ Царь Великій
Подъ Хиву итти въ походъ;
Черезъ горы, въ непогоду, } 2 р.
Припѣваючи прошли,—
Слава русскому народу!
Дѣти русской мы земли!

И прошли мы степь, какъ море, } 2 р.
Сквозь песчаный ураганъ,
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ.
Тамъ и птица не летаетъ, } 2 р.
Тамъ песокъ летитъ столбомъ,
А теперь весь свѣтъ ужъ знаетъ,
Что намъ степи нипочемъ.
Слава намъ! Хивинецъ дикій } 2 р.
Свою голову склонилъ;
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ довершилъ!
За то прислалъ намъ Царь «спасибо» } 2 р.
И медали всѣмъ войскамъ;
На край свѣта мы пошли бы
За такую милость къ намъ!
Шелъ Бековичъ въ стары годы, } 2 р.
И Перовскій ратовалъ,
Но пропали ихъ походы,
И давно ихъ слѣдъ пропалъ....
Только нашъ походъ суровый } 2 р.
Будутъ помнить, будутъ чтить;
Но вѣдь намъ теперь не ново
Царю Бѣлому служить!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ 58 лѣтъ.

Б.

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ—
Идутъ казаченьки своимъ тихимъ маршемъ,
Маршемъ идутъ, маршируютъ,

Промежъ себя говорятъ:
„Трудна-то служба намъ, казаченькамъ:
Подъ Хиву городъ походъ;
Еще то труднѣй молоденькимъ
Къ пушечкамъ подбѣжать.“
Къ пушечкамъ подбѣжали,
Закричали вразъ: „Ура!
Ура! ура!“ Городъ взяли,
Затряслися стѣны, валъ!

Ст. Нижнеозерная, 1901 гола, вахмистръ Степанъ Ситниковъ; ст. Кардаиловская, 1902 г., урядникъ Василій Чеголаевъ; ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. И. Качалинъ.

В.

Встанемъ грудью на невѣрныхъ,
Съ нами Богъ и Царь,—ура!
Ужъ мы бросимтесь, ребята,
На хивинскаго хана.
Мы рѣшимъ хивинско племя,
Какъ огнемъ въ полѣ траву!
Во хивинскомъ чистомъ полѣ
Отыскали бугорокъ,
Саженъ во сто, какъ не больше,
Отхватили уголокъ.
Командиръ былъ съ нами важный,
Приказалъ канавы рыть.
Ужъ мы вырыли канавы
И повыше сдѣлали валъ,
Мигомъ выросло укрѣпленье,
Настоящій городъ сталъ.
Залихватскій нашъ начальникъ—
Горой былъ нашъ командиръ—

Впереди всегда стоялъ,
Всѣмъ онъ смѣлость придавалъ.
Дружно встрѣтили хивинцевъ,
Пославъ имъ нѣсколько гостинцевъ;
Мы всегда были готовы,
И кричали всѣ ура.
Какъ ударили въ клинки,
Увлеклись мы далеко.
Мы назадъ какъ возвращались,
Командиръ насъ благодарилъ,
За геройскую отвагу
Стаканъ водки подносилъ.
Выпьемъ водочки, закусимъ,
Пойдемъ смѣло на врага,
Разобьемъ мы въ прахъ хивинцевъ
И туркменовъ покоримъ;
Тогда будемъ егеря
Мы у Бѣлаго Царя!
Какъ по взятіи Хивы,
Возвращались мы домой,
Торопилися дорогой
Увидать свой край родной.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Деревенскова.

Г.

Полночь наступаетъ.
Горитъ заря свѣтло.
Отрядъ нашъ выступаетъ
Съ бивака своего.
Припѣвъ: Горныя вершины,
Я васъ увижу ль вновь!

Хивинскія долины—
Кладбище удальцовъ!
Идемъ мы тихо стройно,
Подходимъ къ высотамъ.
Вершины эти грозно
Показывались намъ.
Припѣвъ.
Есиповъ *) полковникъ
Вдоль фронта проскакалъ.
„Ребята, не робѣйте!"
Казакамъ онъ сказалъ.
Припѣвъ.
Вскочилъ на батарею
Полковникъ нашъ лихой,
И мы за нимъ стѣною,
Гдѣ кровь лилась рѣкой.
Припѣвъ.
Начальникъ батареи
Подставилъ грудь свою.
„Ребята, не робѣйте,
Не страшна смерть въ бою!"
Припѣвъ.
Русскіе дралися
Съ сартами въ степи,
Рубили и кололи
Ихъ бритыя башки.
Припѣвъ.

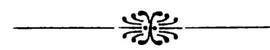
Записана подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

---

*) Полковникъ Есиповъ—командиръ № 8 оренбургской сотни, кавалеръ ордена Св. Георгія 4-ой степени, убитъ 15-го іюля 1873 года въ ночномъ дѣлѣ подъ Чандыромъ.

Д. Не двѣ то тучи вмѣстѣ сходились,
Три дня сряду дождикъ лилъ—
Князь Великій собирался
Подъ Хиву итти въ походъ.
Орденами грудь покрыта,
На конѣ быстро леталъ;
Онъ до вечера за часъ
Отдавалъ такой приказъ:
„Стройте армію въ колонны,
Формируйте всѣ полки;
Стройте конницу по флангамъ,
А пѣхоту въ средину;
Разверните царско знамя,
Знамя Бѣлаго Царя.“
«Царско знамя развернемъ,
Подъ Хиву въ походъ пойдемъ;
Безпощадно рубить будемъ
Старыхъ, малыхъ наповалъ,
Истребимъ хивинско(е) племя,
Остальныхъ въ полонъ возьмемъ.»

Записана подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

Коканскій походъ 1875 1876 г.г..

А. Наше дѣло лишь бы драться
Съ непріятелемъ всегда:
Мы не будемъ дожидаться,
Когда онъ придетъ сюда;
Мы къ нему сами пойдемъ,
Во прахъ его разобьемъ!
Разбивали въ полѣ лагерь,

Въ немъ мы будемъ отдыхать,
Воспомянемъ свою храбрость,
Будемъ Русь мы прославлять.
Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывутъ—
Наши храбрые казаки
Подъ Коканъ-городъ идутъ.
Идутъ они спѣшнымъ маршемъ,
Межъ собою говорятъ:
„Намъ не трудно взять Коканъ
И кипчаковъ покорить: *)
Генералъ Скобелевъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ не страшна,—
Онъ отецъ нашимъ казакамъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ,
Царь и ордеръ **) ему далъ,
Чтобъ Коканъ онъ забиралъ.
Покажи свое искусство:
Ты привыченъ воевать.“
«Я надѣюся на Бога
И на храбрость на свою,
За отечество Россію
Не щажу я жизнь свою.»
Забіякою пустился;
Подъ Коканомъ рано сталъ,
Онъ разставилъ силу-войско
Вокругъ города того,
Силу-войско подкрѣплялъ,
Пулатъ-хану ***) письмо писалъ.
Ханъ письмо то прочиталъ,
Русскимъ грозно отвѣчалъ:
„Приходите ко мнѣ штурмомъ,

*) Нѣкоторые поютъ: „И Андижанъ намъ спокорить.“

**) Ордеръ—приказаніе.

***) Пулатъ-ханъ, или Пулатъ-бекъ, былъ провозглашенъ коканскимъ ханомъ въ концѣ 1875 года каракиргизами и кипчаками вмѣсто Насръ-Эдина, уступившаго русскимъ Наманганскій отдѣлъ.

Съ вами буду воевать;
У кого штыки острѣе,
Тому городомъ владать."
Засверкали, заблестѣли
Наши русскіе штыки,
И коканцы испугались,
Разбѣжались дураки;
Всѣ пожитки разбросали,
Вонъ изъ города ушли,
Вонъ изъ города ушли,
Во пески они зашли.
Во пескахъ имъ мѣста нѣтъ:
Казаки—за ними вслѣдъ;
Казакъ рубитъ, стрѣлокъ бьетъ,
Пуля ходу не даетъ.

Ст. Оренбургская, 1903 г., урядникъ Савва Перовъ 59 лѣтъ; записана также и подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

А:

Наше дѣло лишь бы драться
Съ непріятелемъ всегда:
Мы не будемъ дожидаться,
Когда онъ придетъ сюда.
Мы къ нему сами пойдемъ,
Во прахъ его разобьемъ!
Мы разбили въ полѣ лагерь
И кипчаковъ дураковъ,
Они вѣчно будутъ помнить
Оренбургскихъ казаковъ.
Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ—

Наши храбрые герои
Подъ Коканъ-городъ идутъ,
Идучи поспѣшнымъ маршемъ,
Межъ собою говорятъ:
„Намъ не трудно взять Коканъ
И кипчаковъ покорить:
Генералъ Скобелевъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ не страшна,
Онъ отецъ нашимъ казакамъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ,
Царь и шпагу ему далъ,
Чтобъ Коканъ-городъ забралъ.
Докажи свое искусство:
Ты привыченъ воевать.
«Я надѣюся на Бога
И на храбрость на свою.»
Забіякою пускался,
Подъ Коканомъ рано сталъ,
Разставилъ силу-войско
Вокругъ города того,
Разставилъ силу-войско,
Самъ посланника послалъ.
Наше храброе посольство
Эмиръ съ свитою встрѣчалъ.
На письмо злодѣй безумный
Русскимъ грозно отвѣчалъ:
«Приходите ко мнѣ штурмомъ,
Съ вами буду воевать;
У кого штыки вострѣе,
Тому городомъ владать.»
Засверкали, заблестѣли
Наши русскіе штыки;
Испугались, обробѣли
Всѣ коканскіе паши,
Испугались, обробѣли,
Вонъ изъ города пошли,

Вонъ изъ города пошли,
Во пески они зашли.
Во пескахъ имъ мѣста нѣтъ:
Казаки—за ними вслѣдъ;
Казакъ рубитъ, стрѣлокъ бьетъ,
Пуля ходу не даетъ."

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ Ал. Ив. Суровымъ.

Б. Въ Наманганѣ мы стояли
Во пріятной тишинѣ;
Генералъ Скобелевъ выходитъ,
Онъ съ походомъ поздравляетъ
Во чисто поле коканское
И подъ городъ Андижанъ.
Ужъ мы скоро къ нему подходили,
Становились лагеремъ;
Разставляли мы свои лагери
На пріятной его высотѣ.
Генералъ Скобелевъ выходитъ
И съ побѣдой поздравляетъ:
„Благодарю я васъ, казаки,
Оренбургцы молодцы!"

Ст. Оренбургская, 1903 г., урядникъ Савва Перовъ 59 лѣтъ.

В. Межъ Ташкентскаго ущелья,
Гдѣ течетъ рѣчка Дарья,
По коканскимъ по предѣламъ
Намъ пришлось пройти теперь.

Припѣвъ: Гремитъ слава трубой,
Мы дралися за Дарьей,
По горамъ, доламъ Чиназъ
Разнеслась слава объ насъ.
Изъ орудій громъ раздался,
Гулко трахнулъ барабанъ,
Врагъ, злодѣй, въ рѣку забрался,
Убоясь насъ, басурманъ.
Припѣвъ.
Горы дымомъ покрывались
Отъ пылающихъ скирдовъ,
И коканцы всѣ лишались
Въ копны складенныхъ хлѣбовъ.
Припѣвъ.
Кавалерія тутъ била
Непріятеля съ высотъ,
Артиллерія палила,
Пролагая путь впередъ.
Припѣвъ.
Какъ коканцы, и бухарцы,
И коканскіе муллы
Они съ бритами башками
Бѣгутъ берегомъ Дарьи.
Припѣвъ.
Если хочете мириться,
Мы вамъ мѣсто отведемъ
За Дарьею поселиться,
На арканѣ поведемъ!
Припѣвъ.

Ст. Нижнеозерная, 1904 г., казакъ Василій Маткинъ.

Г.

Въ славномъ городѣ Коканѣ
Всѣ войска въ строю стоятъ;
Генералъ Скобелевъ храбрый
Какъ орелъ въ полѣ леталъ.
Генералъ Скобелевъ вздумалъ
На Алаѣ побывать.
Въ скоромъ времени въ Коканѣ
Сталъ приказы разсылать.
Всѣмъ войскамъ было извѣстно
И начальникамъ частей,
Что итти на Алайски горы
И на снѣжный крутой скатъ.
Сборный пунктъ войскамъ назначенъ
Былъ на рѣчкѣ—крѣпость Ошъ.
Злой коканецъ въ горахъ снѣжныхъ
Давно въ гости къ себѣ ждетъ.
Намъ не трудны снѣжны горы
И Алайскій крутой скатъ,
Мы пойдемъ туда съ восторгомъ
Съ генераломъ молодцомъ.
Славный ротмистръ Закамельскій
Все въ порядокъ приводилъ,
На круту Алайску гору
Онъ пѣшечкомъ восходилъ.
Провіантъ, крупу съ сухарями
Мы таскали на себѣ,
Много коней перебили
У Сыръ-Могольскаго хребта.

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ Ал. Ив. Суровымъ.

Сформированіе 1-го ноября 1876 года № 5-го (нынѣ № 2) Оренбургскаго казачьяго полка.

Въ Оренбургѣ было славномъ городкѣ,
На крутенькомъ то было бережкѣ.
То-то любо, любо да люли,
На крутенькомъ то было бережкѣ.
У Ташкентскихъ было у воротъ,
Сформированъ стоялъ пятый полкъ.
То-то любо, любо да люли,
Сформированъ стоялъ пятый полкъ.
Тамъ подобраны были казаки
Лицомъ бѣлы, собой хороши.
То-то любо, любо да люли,
Лицомъ бѣлы, собой хороши.
На нихъ тонкаго сукна мундиры
Заводили всѣмъ имъ командиры.
То-то любо, любо да люли,
Заводили всѣмъ имъ командиры.
Одѣваются они опрятно,
Смотрятъ дѣвушки на нихъ пріятно.
То-то любо, любо да люли,
Смотрятъ дѣвушки на нихъ пріятно.
Казакъ улицей идетъ,
За нимъ Санечка душа бредетъ.
То-то любо, любо да люли,
За нимъ Санечка душа бредетъ.

Ст. Нижнеувельская, 1902 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы; ст. Міясская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; записана также и подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Пѣсни про генералъ-адъютанта Михаила Дмитріевича (1843-1882 г.) Скобелева.

А.

Заря занималась.... Не красное солнце,
Красное солнышко изъ горъ выкаталося,
Не ясенъ соколъ, соколикъ въ полѣ летаетъ—
Храбрый Скобелевъ съ войскомъ въ полѣ разъѣзжаетъ

Близъ Ташкентику, славнаго города;
Близъ Ташкенту подъѣзжаетъ....
Всѣ казаченьки, братцы, размолоденьки
Всѣ стоятъ они во фронтѣ;
Музыканьтики да барабаньщики
Всѣ стоятъ на правомъ флангѣ,
Генералики да офицерики
На своихъ мѣстахъ стояли,
Генералику Скобелеву
Ему рапортъ отдавали.

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ.

Б.

Не туманъ, не облачко,
Тамъ орелъ вился—
Бѣлый какъ лебедушка,
Ясный какъ соколъ
Генералъ нашъ Скобелевъ
Рыцарь всей душой.
Онъ войска россійскія
Въ Турцію повелъ;
Подошелъ подъ Плевну—
Сдѣлали отпоръ,
Будто Османъ съ турками
Знали заговоръ.
Заговореннаго трудно
Взять его намъ,
А мы въ рукопашную
Дали бой врагамъ.

Ст. Звѣриноголовская, 1903 г., казакъ Михаилъ Кандаловъ.

Турецкая война 1877-78 г.г.

А.

Съ Богомъ, братцы оренбургцы!
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Ужъ вы бейте, не жалѣйте
Басурманина врага!
Мы идемъ путемъ прадѣдовъ:
Дѣды славу добыли;
Смерть за вѣру, за Россію
Должны съ радостью принять!
День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь Державный брата
Къ намъ прислалъ тогда;
Какъ онъ, полный царской волей,
Съ отуманеннымъ челомъ,
«Берегись,» сказалъ, «ребята!
Будьте каждый молодцомъ!»
Три дня съ горцемъ воевали,
Три похода принимали,
А теперь въ послѣдній разъ
Разобьемъ мы городъ Карсъ.

Ст.Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ.

Б.

Ходитъ турокъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ;
Михаилъ нашъ Князь Великій
Крѣпко войско вооружалъ.
Ободрялъ онъ насъ словами
И награду обѣщалъ:
„Постоимте, братцы, дружно

За Россію, за Царя!
Побѣдимъ мы дружно турокъ,
Васъ крестами награжу,
Васъ крестами награжу,
Самъ я лично провожу.
Государь, мой родной братецъ,
Онъ мнѣ лично приказалъ:
«Ты на мѣстѣ, братъ кавказецъ,
Я надѣюсь на тебя:
Спокорилъ ты злыхъ чеченцевъ
И черкесовъ заплѣнилъ,
И черкесовъ заплѣнилъ,
За конвоемъ проводилъ;
Остается тебѣ служба—
Гордыхъ турокъ спокорить.»
Мухтаръ-паша съ своимъ войскомъ
Поселился на горахъ;
Онъ храбрился на высотахъ,
Михаилу такъ писалъ:
„Ты меня съ этихъ высотъ
За три года не собьешь;
Если ты меня собьешь,
Городъ Карецъ *) такъ отдамъ.“
Какъ подъ тѣми высотами
Три часа какъ громъ гремѣлъ.
Отъ такихъ сильныхъ ударовъ
Не могъ турокъ устоять,
Побросалъ свое оружье,
Побѣжалъ онъ съ высоты.
Комаровъ бѣжалъ съ отрядомъ,
На бѣгу ихъ зацѣпилъ,
На бѣгу ихъ зацѣпилъ,
Триста тысячъ заплѣнилъ.

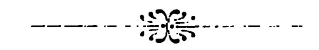
Ст. Новоорская, 1899 г., урядникъ Михаилъ Ѳедоровъ; ст. Буранная, 1900 г., казакъ Исаакъ Петрищевъ.

***) Карецъ—Карсъ.**

Б:

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ—
Наши храбрые казаки
Подъ Карсъ-городъ идутъ.
Они идутъ, марширують,
Межъ собою говорятъ:
„Намъ не трудно городъ взять
И османа *) покорить.“
Ходитъ турокъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ;
Михаилъ, нашъ Князь Великій,
Крѣпко войско вооружалъ,
Крѣпко войско вооружалъ,
Мухтаръ-пашѣ письмо писалъ.
Мухтаръ письмо прочиталъ,
Головою замоталъ:
„Приходи ко мнѣ ты штурмомъ,
Съ тобой буду воевать;
У кого штыки вострѣе,
Тому городомъ владать.“
Засіяли, заблестѣли
Въ полѣ русскіе штыки;
Испугались, оробѣли
Всѣ османы дураки,
Всѣ османы дураки
Вонъ изъ города пошли,
Вонъ изъ города пошли,
Во круты горы зашли.

Ст. Сакмарская, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (оружейный мастеръ) Лаврентій Брынцевъ.

***) Османъ—здѣсь имя нарицательное: турокъ.**

В.

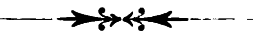
Изъ-за горъ ли Аладжинскихъ
Казаченьки идутъ,
Въ своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,—
Изъ ружей сложены,
Поперекъ булатные
Мечи положены.
На нихъ лежитъ убитый
Герой нашъ молодой;
Онъ весь окровавленный,
Съ разбитой головой.
Ремни его кольчуги
Изрублены висятъ;
Два мѣткихъ револьвера
За поясомъ блестятъ.
Безмолвно подходили....
Одинъ сказалъ: „Постой!
Бери мечи булатны,
Давай могилу рыть.
Мы выроемъ могилу,
Схоронимъ молодца,
Схоронимъ молодца
И оставимъ навсегда.“
Положивъ, схоронили
Товарища свово.
«Прощай, прощай, товарищъ!
Прощай, нашъ дорогой!
Ты теперь остался
Навѣки, навсегда.
Спи ты, спи, товарищъ,
На вѣчны времена!»

Ст. Татищевская, учитель А. Рѣпинъ; ст. Оренбургская, урядникъ Никита Николаевъ (1899 г.) и хорунжій Качалинъ (1902 г.); ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Савелій Выровщиковъ; записана также подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ.

Г.

Вотъ полночь наступаетъ,
Луна горитъ свѣтло,
Отрядъ нашъ выступаетъ
Съ бивака своего.
Припѣвъ: Горныя вершины,
Увижу ль я васъ вновь,
Турецкія долины—
Кладбища удальцовъ.
Идемъ мы тихо, стройно,
Подходимъ къ высотамъ;
Вершины эти грозно
Показывались намъ.
Припѣвъ.
Начальникъ батареи
Подставилъ грудь свою.
„Ребята, не робѣйте,—
Не страшна смерть въ бою."
Припѣвъ.
Тутъ турки всѣ проснулись....
Даютъ сигналъ въ рожки....
Но мы не оробѣли
И двинулись въ клинки.
Припѣвъ.
Вскочилъ на батарею
Хорунжій нашъ лихой,
Мы всѣ за нимъ—стѣною,
И кровь мы льемъ рѣкой.

Записана подъесауломъ Л. Г. Червявскимъ въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ.

Д.

Что не соколы крылаты
Чуютъ солнечный восходъ—
Бѣлаго Царя казаки

Всѣ сбираются въ походъ.
По линіи Оренбургской
Не сизой орелъ леталъ—
Наказный атаманъ
Все по войску разъѣзжалъ,
Рѣчь хорошую сказалъ:
„Казаки, вы, казаки,
Оренбургцы молодцы,
Вы не бойтеся, казаки,
Басурманскія орды.“
Намъ нечего бояться:
Мы поважены сражаться,
Поважены сражаться
Съ басурманскою ордой.
Соберемъ войска сотнями,
Мы составимъ сборный полкъ.
Артиллерія пальбою
Очищала путь впередъ,
Кавалерія блеснула,—
Шашки остры—изъ ноженъ....
Съ генераломъ Тергукасомъ *)
Лестно было помереть.
За рѣчкой, за рѣкой,
За турецкою ордой
Строилъ турокъ завалъ,
Строить башню не успѣлъ:
Оренбургскіе казаки
Его сбили въ темный лѣсъ.
Подъ ракитовымъ кустомъ
Казакъ голову склонилъ,
Бѣлый крестъ ко груди жметъ,
Изъ его ранъ кровь идетъ.

Ст. Степная, 1903 г., казакъ Аѳанасій Корепановъ; записана также подъесауломъ Ив. Ив. Ивановымъ.

*) Ген.-лейт. Тергукасовъ въ Турецкую войну 1877—78 г.г. былъ начальникомъ эриванскаго отряда.

Походъ туркестанскихъ войскъ къ границамъ Бухарскаго ханства въ 1878 г..

За Дарьею, братцы, за рѣкою
Казаки наши гуляли.
Подходили къ Дарьѣ-рѣкѣ,
Стали переправляться.
Переправившись черезъ Дарью-рѣку,
Становились на полянѣ.
На полянѣ три часа стояли,—
Командира къ себѣ ждали.
Видимъ ѣдетъ нашъ Кауфманъ
Грозенъ съ казаками;
Подъѣхалъ близко онъ ко фронту
И сказалъ: „Здорово, ребята!
Вы здоровы ль, мои дѣти,
Поздравляю васъ съ походомъ!“

Ст. Нижнеозерная, 1901 г., вахмистръ Степанъ Ситниковъ; ст. Сакмарская, 1903 г., нестроевой старшаго разряда (оружейный мастеръ) Лаврентій Брынцевъ; записана также въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ

Ахалъ-Текинская экспедиція 1880-1881 г.г..

А.

Поле хивинское,
Спородило поле
Одинъ ковыль-травоньку;
По той же травѣ
Пролегала дороженька;
По этой дороженькѣ
Никто не прохаживалъ,
Проходилъ же одинъ
Моренгильдъ съ полкомъ;
А за нимъ же идутъ
Все урядничики,
За урядничками идутъ
Все казаченьки,

За казаченьками идутъ
Все солдатушки;
Солдатушки пѣсенки
Возгаркнули,
А казаченьки шашечками
Возбрякнули.

Ст. Каменноозерная, 1901 г., казакъ Георгій I Литвиновъ.

Б. Пѣсня генералу М. Д. Скобелеву 2-му.

Ахъ, какъ грустно намъ, ребята,
Въ Уфѣ-городѣ стоять,
Оренбургскимъ казаченькамъ
Дома службу отбывать.
Припѣвъ: *) Ура! ура! ура! ура!
Скобелеву честь хвала,
По велѣнію Царя
Мы въ Теке пойдемъ туда.
Полно, братцы, намъ крушиться,
Перестанемъ горевать,
Лучше будемъ мы проситься
Съ текинцами воевать!
Моренщильдъ—полковникъ храбрый,
Похлопочетъ онъ за насъ,
А потомъ объявитъ милость:
Царя батюшки приказъ.
Повелѣньемъ Государя
Мы назначены въ походъ,

*) Припѣвъ поется послѣ каждаго куплета.

Степью дикой и суровой
Итти въ городъ Красноводскъ.
Двадцать третьяго дня мая
Полкъ молебенъ отслужилъ,
А потомъ съ пѣснями живо
Изъ Уфы онъ выходилъ.
Къ Оренбургу подходили,
Атаманъ насъ тутъ встрѣчалъ,
А десятаго іюня
За Уралъ насъ провожалъ.
Чрезъ Уралъ мы пер(е)ходили
И, свернувъ свои значки,
Говорили другъ со другомъ,
Что идемъ въ Ахалъ-Теке.
Чрезъ рѣку Хобду шагнули
Въ укрѣпленіе Уилъ,
А дня третьяго іюля
Полкъ уже на Эмбѣ былъ.
Отдохнули здѣсь немного,
А потомъ—опять въ походъ,
По Усть-Урту дикой степью
Шли вдоль Каспія впередъ.
По Усть-Урту проходили,
Страшный жаръ ужъ наступилъ....
Воду тухлую, солену
Съ аппетитомъ казакъ пилъ.
Въ Тамерлановыхъ колодцахъ
Лишь отрава—не вода,
А растенья—не былинки,
Жизни нѣтъ, тамъ смерть одна.
На Усть-Уртѣ, за Чеганомъ, *)
„Алмазъ-Мынъ-су“—родникъ въ горѣ,
Тамъ живутъ не люди, звѣри,
То адаевцы въ ордѣ.

*) Озеро Чушка-куль.

Сколько горя и лишеній
Испытали казаки,
Переспорили природу,—
Это все намъ пустяки!
Оборвались, обожглися,
Стали словно дикари;
Мы до моря добралися,
До залива Киндерли.
Въ Киндерли мы пролежали
До праздничка Покрова,
Тамъ приказа ожидали
Генерала храбраго.
Здѣсь съ походомъ насъ поздравилъ
Петрусевичъ генералъ
И съ текинцами подраться
Намъ съ успѣхомъ пожелалъ.
Утромъ зарю проиграли;
Послѣ зари и походъ.
Казаки всѣ живо встали,—
Намъ приказано впередъ.
Въ Красноводскъ мы приходили,
А потомъ въ Узунъ-Ада,
До Балханскихъ горъ машиной
Добралися мы шутя.
По приказу генерала
Отдохнули малость мы,
А потомъ пошли мы снова
Въ крѣпость русскую Бами.
Вотъ пойдемъ мы подъ начальствомъ
Покровителя отца,
Храбрѣйшаго генерала
Скобелева молодца.
Дружно грянемъ, оренбургцы,
Крѣпость мы Геокъ возьмемъ,
А оттуда быстрымъ маршемъ
Въ главный городъ Мервъ шагнемъ.

Только стоитъ насъ прогнѣвать
И немножко разсердить—
Мы въ Теке будемъ обѣдать,
А въ Индіи водку пить.
Вотъ буфеты ужъ открыты,
Угощенье—въ сундукахъ,
Столы скатертью покрыты,
Недостатка нѣтъ въ винахъ.
Вина эти не простыя,
И на нихъ видна печать,
Вокругъ мѣдью облитыя,
Ихъ не трудно различать.
Есть у насъ стальныя шашки
И не такъ чтобы тупы,—
Какъ ударимъ ниже шапки,
Голова летитъ въ кусты!
Артиллерія картечью,
А пѣхота на штыки....
Берегитесь вы, текинцы:
Пойдутъ лавой казаки.
Разобьемъ мы васъ на славу,
Помнить будете сто лѣтъ!
Помиритесь лучше съ нами,
Пока въ сборѣ всѣхъ насъ нѣтъ.
Что у насъ есть за душою,
Все откликнется въ бою,
Встанемъ мы за Русь горою
Въ славу батюшкѣ Царю.
За Царя, за Русь Святую
Станемъ кровь мы проливать,
Басурманская вся нехристь
Вѣкъ насъ будетъ поминать!

Сочинена медицинскимъ фельдшеромъ (нынѣ коллежскій асессоръ) ст. Оренбургской Г. Д. Лукьяновымъ.

В. Пѣсня полковнику А. Н. Куропаткину. *)

Запоемъ мы, братцы, пѣсню,
Какъ стояли въ Киндерляхъ,
Дожидались тамъ приказа,
Чтобъ послали дальше насъ.
Припѣвъ: **) Богу слава, Царю радость.
Врагъ крѣпись: блестятъ клинки....
Оренбургцамъ грянемъ славу
И въ степи Ахалъ-Теке.
Мы недолго тамъ стояли,
На заливѣ Киндерли,—
Наканунѣ Покрова
Мы увидѣли вдали,
Увидали пароходъ
Въ волнахъ моря далеко,
Онъ за мысъ бѣжалъ въ обходъ,
По заливу шелъ легко.
Оренбургцамъ намъ сказали,
Что пріѣхалъ генералъ...
Живо всѣ во фронтъ ставали,—
Построенія онъ ждалъ.
Поздоровался съ полкомъ онъ,
Этотъ бравый генералъ.
„По прозванью Петрусевичъ,"
Адъютантъ его сказалъ.
Тутъ съ походомъ поздравлялъ
Пятый полкъ нашъ оренбургскій,
Царску милость объявлялъ,
Отличиться намъ желалъ.
На душѣ свѣтлѣй вдругъ стало,
Въ сердце радость пролилась,

*) Въ настоящее время генералъ-адъютантъ, командующій Манжурской арміей.

**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго куплета.

То-то ловко угостили
Магометовыхъ дѣтей
Да и такъ ихъ откурили,
Словно ладаномъ чертей.
Честь и слава офицерамъ:
Смѣло грудью шли всѣ въ бой,
Были всѣ для насъ примѣромъ,
Изъ нихъ каждый былъ герой.
До тѣхъ поръ, сидя въ завалѣ,
Все же ханъ еще шалилъ,
А какъ штурмомъ крѣпость взяли,
Только дымъ столбомъ валилъ!
Что ты, ханъ, себѣ надѣлалъ:
Всю орду свою смутилъ,
Женщинъ вдовами подѣлалъ,
А дѣтей осиротилъ,
Да и самъ теперь не знаешь,
Куда голову склонить,
И, навѣрно, разсуждаешь:
„Съ русскимъ въ мирѣ лучше жить.“
По пескамъ теперь пошляйся,
Чурекъ *) съ бабами пеки.
Ура Скобелеву раздайся,
Покорителю Теки!

Сочинена медицинскимъ фельдшеромъ (нынѣ коллежскій асессоръ) ст. Оренбургской Г. Д. Лукьяновымъ.

Г. Пѣсня генералу Петрусевичу.

Вспомнимъ, братцы оренбургцы,
Какъ стояли подъ Текой,

*) Чурекъ—лепешка.

Мы разбили басурмана
Ружьемъ, шашкой и копьемъ.
Тамъ текинцы собирались
Въ своихъ крѣпостяхъ родныхъ;
Наши воины старались
Выбиваютъ оттуда ихъ.
Они тучами носились
Близко къ намъ и по горамъ,
На ночлеги разъѣзжались
По ущельямъ и пескамъ.
Нашъ командующій войсками
Славный Скобелевъ второй,
Скоро выступилъ онъ съ нами,
Сынъ отечества, герой.
Прошли много укрѣпленій
На пути къ Геокъ-Тепе,
А текинцы въ насъ стрѣляли,
Увлекали въ даль къ себѣ.
Наконецъ, мы выступали
Изъ Самурскаго *) впередъ;
Въ полкахъ музыки играли;
Всякій воинъ былъ тутъ радъ.
Пули, ядра долетали
Непріятельскія къ намъ,
Наши въ городъ посылали
Русскихъ яблоковъ въ курганъ;
Курганъ этотъ посрединѣ
Геокъ-крѣпости стоитъ,
Видно было намъ съ долины,
Какъ изъ пушекъ онъ палитъ.
Ихъ столицу осадили....
Сталъ тутъ лагеремъ отрядъ.
Пули, ядра къ намъ летѣли
Днемъ и ночью, словно градъ.

---

*) Самурское укрѣпленіе.

Въ полуночный часъ глухой
Генералъ нашъ Петрусевичъ
Объявилъ онъ удалой
Намъ походикъ небольшой.
Переѣхали арыки
Поправѣй Геокъ-Тепе,
Раздавался конскій топотъ
По степи Ахалъ-Теке.
Встрепенулись всѣ текинцы,
Словно соколы-орлы,—
Увидали басурманы,
Дожидались у калы.
А герой нашъ Петрусевичъ
Намъ скомандовалъ—„ура!“
Чрезъ арыки пер(е)скочили,
Понеслися мы туда.
Артиллерія лихая
Разбивала толстый валъ
Впереди, предъ казаками,
У текинскихъ малыхъ калъ.
Стѣны крѣпости текинской
Разрушались отъ гранатъ,
А гранаты разрывались—
Это былъ кромѣшный адъ.
Тутъ казаки и драгуны
Храбро дрались со врагомъ,
Удалой нашъ Петрусевичъ
Впереди шелъ молодцомъ.
Получилъ въ животъ онъ рану....
Вдругъ ударила въ него
Пуля вражьяго „бердана,“
Пронизала сквозь его!
Докторъ раны пер(е)вязалъ.
Тяжко раненый стоналъ.
„За Царя, за Русь Святую
Умираю,“ онъ сказалъ.

Слабымъ голосомъ сказалъ онъ:
„Не оставьте здѣсь меня,—
Безъ вниманья не оставлю:
Я къ крестамъ васъ всѣхъ представлю.“
Вмигъ казаки и драгуны
Къ генералу подбѣгли,
Положили на попону,
Къ коноводамъ унесли.
Скоро смерть его постигла,
И скончалась жизнь его;
Пѣть мы будемъ, братцы, дружно
Память вѣчно про него.
Тутъ герои озлобились,
Завязался жаркій бой;
Насъ текинцы испугались,
Изъ калы пошли долой!
Храбрый Скобелевъ пріѣхалъ
Надъ убитымъ поскорбѣть,
Въ битвѣ павшему герою
Память вѣчную пропѣть.
Загрустилъ нашъ полководецъ,
И велѣлъ онъ намъ поднять
Тѣло храбраго героя,
На рукахъ съ собою взять.
Послѣ битвы мы собрали
Своихъ раненыхъ бойцовъ
И на сѣдла привязали
Всѣхъ убитыхъ удальцовъ.

Сочинена медицинскимъ фельдшеромъ (нынѣ коллежскій асессоръ) ст. Оренбургской Г. Д. Лукьяновымъ.

Д. Пѣсня объ осадѣ и штурмѣ Геокъ-Тепе.

Оренбургцы, грянемъ пѣсню
Про текинскій нашъ походъ!
Какъ бывало предводитель,
Герой Скобелевъ второй,
Разъѣзжая предъ полками
Приказанья отдавалъ;
Онъ привѣтными словами
Духъ казачій поднималъ.
Пойдемъ, братцы оренбургцы,
На текинцевъ подлецовъ;
Заблестятъ штыки и шашки
Нашихъ русскихъ молодцовъ.
Подходили къ неприступной
Главной крѣпости враговъ,
Обложили ихъ войсками
Нашихъ храбрыхъ удальцовъ.
Ядра, пули засыпали
Насъ изъ города какъ дождь;
Мы на Бога уповали,
Съ нами былъ нашъ чудный вождь.
Въ ночь принялись за траншеи,
Утромъ, Богу помолясь,
Сѣли въ нихъ, какъ за мишени,
Залпы дѣлали мы вразъ.
Ужъ и звѣри—басурманы,
Распроклятый же народъ:
Кто съ клычомъ, кто съ ятаганомъ
Вдругъ бросались изъ воротъ.
Ежедневно мы палили
Безпрерывно къ нимъ туда,
А текинцы себѣ рыли
Въ землѣ темны выхода.
У нихъ ранены стонали
Во всѣхъ рвахъ и на валахъ,

А въ подкопахъ и кибиткахъ
Въ страшныхъ мукахъ умирали.
Старики сыновъ искали,
Жены храбрыхъ муженьковъ,
Безъ головъ ихъ находили,
Обоженныхъ, какъ пеньковъ.
Славный русскій генералъ
Предъ войсками гарцовалъ,
Въ битвахъ устали не зналъ,
Всѣмъ приказы отдавалъ.
Страшно вспомнить, какъ бросались
Злы текинцы по ночамъ,
Въ рукопашный бой кидались,
Съ нами бились по часамъ.
Да и лихо жъ отбивали,
Точно ладаномъ чертей,—
Затупили штыки, шашки
О текинскихъ дикарей.
Три недѣли подъ стѣнами
Осаждалась крѣпостца,
А мириться они съ нами
Не желали до конца.
Нашъ геройскій предводитель
Приказалъ траншеи рыть;
Изъ траншей наши саперы
Стали мины подводить.
Мины были подведены,
И динамитъ заложенъ,
Штыки, шашки заострены,
И молебенъ отслуженъ.
Двѣнадцатаго января,
Послѣ утренней зари,
Богу дружно помолились,
По обычаю простились.
Нашъ прехрабрый полководецъ
По отряду своему

Приказалъ приказъ отдать:
По двѣ чарки спирту дать.
Залпы начали изъ пушекъ,
Изъ мортиръ и митральезъ.
Они думали игрушекъ
Богатырь нашъ имъ привезъ!
Канонада продолжалась
Безпрерывно шесть часовъ,
Поле дымомъ застилалось
Отъ пылающихъ костровъ.
Динамитъ воспламенился,
Какъ искусственный вулканъ:
Врагъ по воздуху носился,
Въ мелки части изорванъ.
Живо бросились всѣ штурмомъ
Съ крикомъ, съ гикомъ на ура,
Моментально очутились
На высокихъ ихъ валахъ.
Долго били-выбивали
Ихъ изъ крѣпости родной,
Они храбро защищали
Теке-крѣпость, городъ свой.
Заблестѣли, засверкали
Ружья, копья и клинки,
И изъ города бѣжали
Всѣ текинцы во пески.
А казаки и драгуны
Понеслись за ними въ тылъ,
Духомъ всѣ мы ободрились
И врубились въ самый пылъ.
Много тамъ ихъ порубили....
Они страшно пер(е)пугались....
Мы конями ихъ давили,
Далеко за ними гнались.
Жены, дѣти закрывались,
Намъ крича: „Урусъ, шайтанъ!“

Подъ коней они кидались
И кричали намъ: „Яманъ!“ *)
Побѣдили злыхъ текинцевъ,
Обрушилась ихъ стѣна;
Развѣвались на курганѣ
Наши русски знамена.
Много пало Богу жертвой
Нашихъ русскихъ храбрецовъ;
Пали тысячи текинцевъ
За убитыхъ удальцовъ.
Наши ранены стонали,
Окровавленные всѣ;
Изувѣчены кричали,
Ожидали смерть себѣ.
Съ честью-славой хоронили
Мы родныхъ своихъ бойцовъ,
Наградитъ Господь героевъ,
Удостоитъ ихъ вѣнцовъ.
Груды тѣлъ вездѣ валялись
Злыхъ разбойниковъ-враговъ,
Кто безъ рукъ былъ, кто безъ ногъ,
Много вовсе безъ головъ.
Не помогъ имъ Магометъ
И присяга алкорана:
Ахалъ-Теке теперь ужъ нѣтъ,
Гордый ханъ лишился сана.
Покорилъ текинцевъ скоро
Полководецъ нашъ герой,
Онъ такой же, какъ Суворовъ,
Храбрый Скобелевъ второй.
Царь насъ, батюшка, за храбрость
Всѣхъ насъ щедро наградилъ,

*) Яманъ—плохо.

А за милость мы Царя
Закричимъ, братцы, ура!

Сочинена медицинскимъ фельдшеромъ (нынѣ коллежскій асессоръ) ст. Оренбургской Г. Д. Лукьяновымъ.

Е. Жметъ, щемитъ кручина
Сердце ретивое,
Нѣтъ душѣ разгульной
Отъ тоски покоя!...

Припѣвъ:
За моремъ живутъ
Дѣвушки красотки;
По морю плывутъ
Бѣлыя лебедки;
Дѣвокъ парни любятъ,
Птицу стрѣлы губятъ!...
Ай, люли-люли!
Люли-люшеньки мои!

Такъ съ тоски да съ горя
Полетимте, братцы,
Въ край мы Закаспійскій
Съ текинцами драться!

(***Припѣвъ повторяется тотъ же послѣ каждаго куплета***).

Полетимъ дружнѣе
Къ синему мы морю
И тоску-злодѣйку
Сбросимъ на просторѣ!...

Припѣвъ.

Спустимъ наши струги
Въ волны голубыя

И ударимъ въ весла,
Весла расписныя!

Припѣвъ.

А затѣмъ на берегъ
Высадимся тучей
И помчимся степью
Конницей летучей!...

Припѣвъ.

Пусть ведетъ насъ степью
Царь тропинкой узкой
Въ горы и ущелья,
Богатырь нашъ русскій.

Припѣвъ.

Мощный и отважный
Генералъ нашъ Бѣлый,
Скобелевъ удалый,
Полководецъ смѣлый!

Припѣвъ.

Разгромивъ текинцевъ,
На Афганъ нагрянемъ,
И всѣмъ азіатцамъ
Мы грозою станемъ!...

Припѣвъ.

Заберемъ сартянокъ
Въ плѣнъ ихъ черноокихъ;
Пусть объ насъ всѣ знаютъ
Средь степей широкихъ!

Припѣвъ.

А затѣмъ обратно,
Перелетной птицей,
Изъ степей вернемся
Въ вольныя станицы.

Припѣвъ.

Заживемъ, какъ прежде
Жили наши дѣды:

Пили, веселились,
Празднуя побѣды!...

Припѣвъ.

Такъ въ походъ смѣлѣе!
Братцы, не робѣйте!
Рукъ своихъ могучихъ
Въ битвахъ не жалѣйте!...

Припѣвъ:
За моремъ живутъ
Дѣвушки красотки;
По морю плывутъ
Бѣлыя лебедки;
Дѣвокъ парни любятъ,
Птицу стрѣлы губятъ!...
Ай, люли-люли!
Люли-люшеньки мои!

Сочинена врачомъ ст. Нижнеозерной К. Н. Калачовымъ.

Кончина Императора Александра II 1-го марта 1881 г..

Мы подумаемъ, друзья,
Про Бѣлого про Царя.
Милостивый Государь—
Александръ II Царь,
Онъ любовію горѣлъ
И свободу дать хотѣлъ.
Исправлялъ онъ всѣ законы,
Бѣдныхъ людей слышалъ стоны,
Всѣмъ на помощь поспѣшалъ
И злодѣевъ укрощалъ.

Злодѣи стали тутъ судить,
Какъ Царя бы истребить.
Много казны потребили,
Отчаянныхъ подкупили,
Дали въ руки имъ гранаты
(Они отъ Бога прокляты),
Вездѣ мины подводили—
Государя не убили:
Караулъ вездѣ стоялъ,
Государя сохранялъ.
Марта перваго числа
Кончина жизни тутъ пришла.
Но какъ первый ударъ
Его жизни миновалъ,
Злобный духъ въ нихъ вселился,
И другой ударъ явился;
Межъ народной толпой
Не видать было отколь
Появился большой взрывъ,
Государя поразивъ.
Пораженный Царь упалъ,
Слово жалобно сказалъ:
„Подымите, мои дѣти,
Я отжилъ теперь на свѣтѣ.“
Къ нему слуги подбѣгали,
За бѣлы руки хватали,
На рукахъ его держали,
Многи слезы проливали;
Всѣ рыдали и вопили,
Что Царя не сохранили:
„Ты, батюшка, земной Богъ,
Ты за насъ лишился ногъ;
Ты добра много творилъ,
Зато кровь свою пролилъ;
Ты крестьянъ освободилъ
И отъ казни отмѣнилъ.

Несутъ тебя во дворецъ;
Ты нашъ батюшка, отецъ.
Съ всего Питера сбѣжались
И стояли у дворца,
Все на Царскій флагъ смотрѣли,
Ожидали всѣ конца.
Когда Царскій флагъ спустили,
Тутъ кончину возвѣстили,
А какъ черный флагъ подняли—
Трауръ черный надѣвали.
Тутъ подали телеграммы,
Что затмилось солнце намъ;
Какъ дошелъ слухъ на Кавказъ,
Полились слезы изъ глазъ.

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Михаилъ Арьковъ.

Припѣвокъ о Федуринскихъ хуторахъ.

Федурински хутора,
Провалиться имъ пора.
А какъ Рѣпино село, *)
Тамъ и жить-то весело.

Записана братьями юнкерами Георгіемъ и Сергѣемъ Мякутиными (Богуславской станицы) въ 1903 году въ поселкѣ Рѣпинскомъ Донецкой станицы.

*) Рѣпино село—Рѣпинскій поселокъ Донецкой станицы.

Проведеніе желѣзной дороги. **A.**

Ой да какъ у красныхъ у воротъ
Есть налѣво поворотъ;
Мѣсто чудное святилось:
Тамъ диковинка случилась.
Какъ на мѣстѣ на пустомъ
Выросталъ огромный домъ,
Огромный домъ престрашный,
Наверху стояла башня.
Башня наверху стоитъ,
Звонокъ каждый часъ гудитъ;
Звонокъ замысловатый,
Знать, заморска хитрова?
Какъ на дворичекъ взойдешь,
Тамъ еще не то найдешь:
Въ три ряда—желѣзны шины,
Тамъ бѣгутъ по нимъ машины
Не на тройкахъ,—на парахъ,
Поглядѣть-то просто страхъ!
Отдашь денежки на мѣстѣ—
Очутишься сотъ за двѣсти.
Это чудная загадка:
Отчего сильна лошадка?
Не овесъ ѣстъ, а дрова;
Это все замыслова!
Она воду пьетъ помногу,
Зато ѣдетъ всю дорогу.

Ст. Нижнеувельская, 1902 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы.

A¹.

Какъ у красныхъ у воротъ
Есть направо поворотъ;
Мѣсто дивное святилось:
Тамъ диковинка явилась.

Какъ на мѣстѣ на пустомъ
Выросталъ огромный домъ.
Этотъ домъ-то былъ съ подъѣздомъ,
Въ немъ рѣшеточки желѣзны;
На воротахъ висятъ доски
Петербургскія, московски.
Какъ во дворикъ-то зайдемъ,
Мы не то еще найдемъ;
Находили кой-что много:
Тамъ чугунная дорога,
Тамъ чугунная дорога
Проведена въ Петербургъ;
Въ два ряда—желѣзны шины,
А по нимъ ходятъ машины,
Восемнадцать-то вагоновъ,
Не берутъ съ нея прогоновъ.
Возьмутъ денежки на мѣстѣ,
Очутишься верстъ за двѣсти;
Черезъ часъ, черезъ два,
Но не болѣ черезъ три,
Но не болѣ черезъ три
Очутишься во Твери.
Разудалый молодецъ,
Нашъ карій жеребецъ,
Отчего онъ—сильный песъ?
Ѣстъ дрова онъ, не овесъ;
Онъ воды-то пьетъ помногу,
Зато везетъ-то всю дорогу.
До чего народъ доходитъ:
Самоваръ въ упряжкѣ ходитъ,
До того ль еще дойдетъ:
Полуштофъ съ виномъ пойдетъ!

Ст. Магнитная, 1903 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Занятіе русскимъ гарнизономъ урочища Термезъ въ 1897 году.

При Термезской долинѣ
Разливалася Дарья;
Мы стояли гарнизономъ
Недалеко отъ врага;
Оренбургцевъ была сотня
И пѣхоты баталіонъ.
Разъѣзжали днемъ и ночью
Мы по линіи Дарьи.
Видны горы и вершины
На авганской сторонѣ;
Оренбургцы распѣвали
(Слышны пѣсни вдалекѣ):
„Мы пройдемъ долины, горы,
Многоводную Дарью,
На авганской на долинѣ
Мы построимъ сборный пунктъ;
Вразъ команда раздается
Командировъ молодцовъ;
Въ Оренбургѣ такъ ведется:
Не забудемъ мы отцовъ.“

Сочинилъ фельдшеръ Усть-Уйской станицы Хомутинъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Отъѣздъ первыхъ эшелоновъ въ охранную стражу манчжурской желѣзной дороги въ 1897/8 году.

A. Въ дальній походъ 17 октября 1897 года.

Разъ пришелъ я въ управленье;
Тамъ читаютъ „объявленье.“
Самъ „проектъ“ я прочиталъ
И въ раздуміи стоялъ....
Я не дольше думалъ часу,
Какъ попью въ Китаѣ квасу;

Я рѣшился записаться,
По чужимъ странамъ пошляться.
Я вездѣ-то побываю
И въ Китаѣ погуляю.
Китай очень далеко,
Въ немъ есть море глубоко.
Какъ бы къ морю намъ добраться,
На корабликъ всѣмъ забраться,—
Корабль быстро поплыветъ
И въ Китай насъ повезетъ.
А теперь мы на вокзалѣ....
Родня плачетъ вся слезами!
Жалко, жалко имъ разстаться
И однимъ безъ насъ остаться.
Нѣтъ! Не плачьте вы, родные:
Мы казаки молодые,
Мы казаки молодые,
Оренбургцы удалые,
Мы охотой всѣ идемъ,
И за васъ мы кровь прольемъ!
Хоть далеко шлетъ приказъ,
Но теперь отецъ у насъ
Въ чинѣ сотника одинъ,
То герой нашъ Бородинъ!
Командиръ у насъ хорошъ,
Черобровъ, душа, пригожъ.
Намъ съ нимъ жить и служить,
Вмѣстѣ голову сложить!
А вернемся мы домой,
Ему пѣсенку споемъ.
Подойдите жъ всѣ поближе:
Поклонюсь я вамъ пониже.
Генералъ у насъ Мелянинъ *)
Казаковъ на умъ наставилъ.

*) Мелянинъ—генералъ-майоръ, атаманъ 1-го отдѣла.

Всѣ спасибо ему скажемъ,
Что отъ службы не отставилъ.
Жалко, жалко намъ его,
Атамана своего.
Всѣхъ въ отдѣлъ онъ насъ собралъ
И намъ лично приказалъ:
„Постарайтеся, ребята!
Всѣхъ я знаю, что вы хваты.
Вотъ теперь онъ вамъ отецъ—
Командиръ вашъ молодецъ.“
Тутъ на грудь слеза скатилась,
Ретивое тутъ забилось....
Прощавайте же, друзья!
Намъ остаться вѣдь нельзя.
По чугункѣ насъ отправятъ,
До Черна моря доставятъ.
Тамъ поѣдемъ мы водами
И пучинными волнами.
Въ морѣ волны горой ходятъ,
У казаковъ сердца ноютъ;
Какъ проѣдемъ мы пучину,
То забудемъ всю кручину!
Вдоль морей мы поплывемъ,
Сами пѣсни запоемъ!
А теперь съ вами прощаюсь,
Въ дальній путь теперь пускаюсь.

Сочинилъ казакъ Каменноозерной станицы Ан. Балабановъ.

Б.

Вотъ приходитъ къ намъ указъ:
Вызываютъ служить насъ,
Вызываютъ насъ служить,

Чтобъ дорогу сторожить
Отъ японцевъ отъ раскосыхъ,
Отъ хунгузовъ длиннокосыхъ;
Вызываютъ добровольно,
Чтобы жить было привольно,
Чтобы ѣздить намъ въ Китай,
Привозить оттуда чай
Не пучинами-морями,
А сухими намъ путями;
Служить звали насъ туда,
Гдѣ лѣса есть и вода.
Насъ родные унимали,
Много плакали, рыдали,
Чтобъ туда намъ не ходить,
Чтобъ бѣды намъ не нажить;
Но за правое мы дѣло
Записалися мы смѣло.
Вотъ съ родными попращались....
Нашъ россійскій паровозъ
Хорошо онъ насъ провезъ.
Мы, проѣхавъ города,
Смотримъ—тутъ еще вода.
Но воды мы не боимся,
Еще пуще мы стремимся
По водѣ мы погулять.
Еще нужно вамъ сказать:
Въ славномъ городѣ въ Одессѣ
Прогуляли рублей двѣсти;
Развеселое вино
Было пить разрѣшено
Славнымъ нашимъ молодцомъ,
Командиромъ и отцомъ.
Командиръ у насъ хорошъ,
Чинъ полковникъ, Гернгроссъ;
А нашей сотни командиръ
Въ чинѣ сотникъ Бородинъ,

Изъ отважныхъ молодцовъ,
Рѣдко встрѣтишь такихъ отцовъ!
Онъ на умъ насъ всѣхъ наставилъ,—
Деньги насъ беречь заставилъ.
Его помощникъ—Гучьковъ поручикъ,
Онъ пожалуй всѣхъ получше:
Тихо, скромно говоритъ,
Гулять много не велитъ.
Нашъ и вахмистръ не подгадитъ:
По головкѣ всѣхъ насъ гладитъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ—
Алексѣй, свѣтъ Горбуновъ.
Сутокъ трое мы гуляли,
Чего нужно забирали.
Но не все же намъ гулять,
Нужно дѣло исполнять.
Утромъ рано собрались,
На корабликъ забрались.
Нашъ огромный пароходъ
Не боится большихъ водъ.
Тутъ мы Богу помолились,
Въ дальній путь водой пустились.
Насъ народъ тутъ провожаетъ,
Всѣ намъ счастія желаютъ.
Тутъ и музыка играетъ,
А въ насъ сердце замираетъ.
Тутъ пріѣхалъ генералъ,
Онъ спасибо намъ сказалъ.
„Вотъ спасибо вамъ, ребята!
Вижу я, что вы всѣ хваты,
Будете служить Царю,
За что васъ благодарю,
А теперь вамъ дальній путь,“
Это все сказалъ онъ тутъ.
Нашъ огромный «Воронежъ»,
Чего хочешь тутъ поѣшь,

Три разъ громко прокричалъ,
Отходить онъ тихо сталъ.
Всѣ кричали тутъ ура
Въ славу русскаго Царя.
Долго такъ ура кричали;
Наконецъ, всѣ перестали.
Мы по трюмамъ пошли спать,
Да чего тутъ долго ждать.
На другой день утромъ встали,
Мы другъ друга ободряли.
Будетъ намъ теперь тужить,—
Вѣдь идемъ мы всѣ служить,
Идемъ, братцы, на востокъ,
Гдѣ стоитъ Владивостокъ;
Всѣ идемъ теперь туда.
Вдругъ встрѣчаетъ насъ бѣда!
Насъ тутъ турки задержали,
Они пропускъ свой намъ дали.
Какъ мы пропускъ получили,
Потомъ дальше покатили.
Черно море мы прошли,
До Царьграда ужъ дошли.
Близко насъ не допустили,
Верстахъ въ двухъ остановили;
И потомъ же къ намъ тотчасъ
Пароходъ катитъ сейчасъ.
Близко къ намъ онъ тутъ подходитъ
И такую рѣчь заводитъ:
«Кто, идете вы куда?»
Потомъ наши господа,
Снявъ казенную одежу,
Чтобъ надуть турецку рожу,
Быстро въ городъ покатили,
Тамъ немного покутили.
Какъ вернулися опять,
Стали путь мы продолжать.

Сутокъ трое мы прошли,
Къ Портъ-Саиду подошли.
Славный городъ этотъ Портъ!
Мы глядѣли черезъ бортъ,
Какъ тутъ турки работаютъ,
Намъ углей все нагружаютъ.
Нагрузивши углей много
(Намъ большая вѣдь дорога),
Тутъ мы снова въ путь пошли,
Въ каналъ Суэцкій мы зашли.
Тотъ каналъ трудно добытъ,
Англичанами прорытъ;
Вотъ каналъ мы весь проходимъ....
Красно море намъ не страшно,
Но жара стоитъ ужасна.
Жарко, жарко было тутъ,
Что подѣлаешь—такой путь.
Разрѣшили намъ купаться,
Чтобъ отъ жару сохраняться.
Все мы время тутъ купались,
А все дальше удалялись.
Морей много мы прошли,
Въ океанъ уже зашли;
То Индѣйскій океанъ,
Рыбы много живетъ тамъ.
Океаномъ долго шли
И до города дошли.
Городъ этотъ весь въ садахъ,
На Цейлонскихъ островахъ.
Этотъ городъ-то индійскій,
Не похожъ онъ на россійскій.
Долго въ городѣ ходили,
Ничего мы не купили.
Хотя городъ онъ хорошъ,
Но тутъ съ голоду помрешь.
Мы недолго тутъ стояли,

Потомъ дальше продолжали.
Океанъ уже проходимъ,
Еще къ городу подходимъ.
Этотъ городъ просто страхъ!
Онъ раскинутъ весь въ горахъ.
Тутъ мы къ пристани пристали
И недолго простояли.
Всѣ по городу ходили,
Чего нужно мы купили.
Тутъ мы видѣли малайцевъ,
Длинны косы у китайцевъ,
Тутъ и ѣздятъ на людяхъ
Рысью, какъ на лошадяхъ.
Много тутъ мы увидали,
Потомъ дальше продолжали.
Въ Южно море мы зашли,
Тутъ летучихъ рыбъ нашли,
Вылетавшихъ изъ воды.
Намъ не долго до бѣды!
Вдругъ тутъ вѣтеръ разыгрался,
Пароходъ нашъ закачался.
Восемь сутокъ насъ качало;
Наконецъ-то тихо стало.
Горой волны тутъ ходили,
Намъ все смертію грозили;
Онѣ били черезъ носъ,
Но насъ Богъ таки пронесъ.
Южно море мы прошли,
Снова въ городъ мы пришли.
Городъ этотъ Нагасакъ,
Въ немъ живутъ японцы такъ:
Занимаются торговлей,
Большей частью рыболовлей.
Мы недолго тутъ стояли,
Къ намъ японцы подъѣзжали;
Товарищу привозили,

Мы всего у нихъ купили.
Но не все же тутъ стоять,
Нужно дальше продолжать.
Снова въ путь мы всѣ пошли,
Въ море Желтое зашли.
Повернули на востокъ—
Вотъ и градъ Владивостокъ.
Тутъ насъ встрѣтилъ ледоколъ,
Насъ до пристани довелъ.
Насъ тутъ съ радостью встрѣчаютъ,
Всѣ съ приходомъ поздравляютъ.
Тутъ и музыка играетъ,
А въ насъ сердце замираетъ.
Тутъ войска въ строю стоятъ,
Всѣ ура они кричатъ;
Всѣ кричали мы ура
Въ славу русскаго Царя.
„Славу Богу!“ мы сказали,
Когда къ пристани пристали;
Всѣ сказали: „Славу Богу,
Что окончили дорогу.“
Тутъ мы Богу помолились,
Съ пароходомъ распростились.
Стройно въ городъ мы пошли,
По квартирамъ разошли.
Вотъ прошли мы всѣ пучины,
Позабыли всѣ кручины.
Снова начали гулять,
Да и что тутъ унывать?
Дѣла нѣтъ, а денегъ много!
Намъ еще вѣдь есть дорога
До Манчжуріи дойти,
Всѣ дѣла къ концу свести.
Постараемся, ребята,
Удалые мы всѣ хваты,

Всѣхъ хунгузовъ изловить,
Чтобъ спокойно было жить.

Сочинилъ казакъ Варшавской станицы Ѳ. Арбузовъ.

Пѣсни казаковъ охранной стражи манчжурской желѣзной дороги.

А.

Русскій Царь собралъ дружину
И велѣлъ своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину,
Путь желѣзный строить тамъ.
　　На французскомъ пароходѣ *)
　　Мы держали дальній путь,
　　Чтобъ въ Манчжурьѣ на свободѣ
　　Свою удаль развернуть.
Русскій Царь, нашъ Царь державный,
Больше жизни дорогъ намъ.
Слава Руси православной!
Слава вѣрнымъ казакамъ!
　　Мало насъ, зато мы сильны
　　И отвагою полны:
　　Не страшитъ насъ и могила,
　　Мы—казачества сыны.
Когда къ морю мы проложимъ
Изъ Россіи сердца путь,
Русь тогда ужъ смѣло можетъ
Отъ волненья отдохнуть.
　　Англичане прозѣвали,
　　А японцы смотрятъ такъ,
　　Вотъ какъ будто увидали
　　Здоровенный нашъ кулакъ.

---

*) „Les Alpes.“

Нѣмецъ, хвостъ поджавши, ахнетъ,
А корeецъ тотъ струхнетъ,
А китаецъ тотъ зачахнетъ,
Когда поѣздъ нашъ пройдетъ.
Портъ-Артуръ не прозѣвали;
Намъ давно тамъ быть пора,
Чтобъ оттуда услыхали
Наше русское ура.

Ст. Богуславская, 1903 г., подъесаулъ Г. М. Ѳаддевъ; ст. Нижне-озерная, 1903 г., урядникъ Петръ Семеновъ; ст. Таналыкская, 1903 г., казакъ Михаилъ Степановъ; ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Иванъ Григорьевъ.

Б. Приказъ отданъ былъ по войску
Набрать сотню казаковъ
Для охраны, въ края дальни,
Во Манчжурскія степя.
Черезъ горы и долины,
Черезъ темные лѣса,
Тамъ построить путь желѣзный—
Приказъ Бѣлаго Царя.
Воскипѣли тутъ сердцами
Уральскіе казаки,
Добровольно пожелали
Сѣдовласы(е) старики.
День назначенъ къ выступленью—
Намъ молебенъ отслужить.
Вотъ священникъ предъ (а)нолоемъ
Сталъ молебенъ начинать.
Всѣ стекались къ храму Божью
Въ востревоженныхъ мысляхъ.

Въ храмѣ Божьемъ мы стояли
Со слезами на глазахъ.
Генералъ былъ Максимовичъ,
Нашъ наказный атаманъ,
Благословилъ онъ насъ иконой,
Слово доброе сказалъ:
„Отправляйтесь въ путь вы трудный,
Въ чужи дальніе края,
Съ роднымъ краемъ вы проститесь,
Со знаменами Царя.“
Тутъ святыню лобызали,
Что-то грустно стало намъ,
Будто съ свѣту насъ сбывали,—
Провожали въ чужой край.
Командиръ нашъ былъ Казаркинъ,
Онъ изъ лучшихъ молодцовъ,
Повернулъ сотню направо
И повелъ насъ на вокзалъ.
На вокзалѣ намъ собраться
Приказанье отдано,
Намъ съ Манчжуріей спознаться
На роду такъ суждено.
Тутъ съ родными мы простились,
Погрузились мы въ вагонъ,
Въ дальній путь мы тутъ пустились
И друзьямъ дали поклонъ.
Въ пять мы сутокъ долетѣли
До Одессы-городка,
Тамъ одежду получили
И червонцы всѣ сполна.
Нашъ полковникъ былъ Зубковскій,
Осмотрѣлъ всѣхъ удальцовъ,
Какихъ рѣдко только встрѣтишь,
То уральскихъ казаковъ.
Слава матушкѣ Россіи,
Слава Бѣлому Царю!

Царь нашъ русскій православный,
Онъ затѣйчивый какой:
Гдѣ телѣгъ и дорогъ нѣту,
Тамъ дорогу провели;
Какъ по этой по дорогѣ,
Тамъ вагоны пробѣгли.
Слава матушкѣ Россіи,
Слава Бѣлому Царю!
Слава Руси православной
И китайскому царю!

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Петръ Семеновъ.

В. Тошно здѣсь сидѣть безъ дѣла
Намъ, ребятамъ молодцамъ,
Скука очень надоѣла
Какъ фурштадскимъ *) и вьючкамъ.
Служба намъ не надоѣла:
За Царя служить пришли,
Ну коснись военно дѣло—
Мы бы съ радостью пошли.
А то знай, что утромъ рано
На конюшню побредешь
И худую лошаденку
На коновязь поведешь.
Тамъ начнешь зудить бѣдняжку
То скребницей, то сукномъ.
—Ишь ты, дьяволъ, щекотлива—
Самъ себѣ вернешь умомъ.
Еще пуще натираешь
Бока, ноги ей сукномъ,

*) Фурштадскія лошади—прежнее названіе обозныхъ лошадей.

А за спину лошаденка
Дотронуться не дастъ.
Вдругъ команда раздается:
Командиръ сотни идетъ.
Нашъ казакъ тихонько съ мыломъ
Размывать гриву начнетъ.
Хвостъ и гриву мы расчешемъ
И копыта подберемъ,
Да и торбочки навѣсимъ,
И въ казарму побредемъ.
Тамъ ужъ кубъ у насъ готовый;
Кипятку мы наберемъ,
Чай мы горстею заваримъ,
Да всѣ съ горя запоемъ.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Петръ Семеновъ.

Г.

Здѣсь я также, какъ и дома,
Всею маслину кутилъ;
Прошло масличио веселье,
Постъ Великій наступилъ.
Я оставилъ развлеченья,
Далъ душѣ своей покой,
А въ послѣдне воскресенье
Ужъ не выпилъ ни одной.
По обряду христіанства
Долженъ каждый поступать:
Прекратить постыдно пьянство,
Чаще церковь посѣщать,
Бросить лакомства излишни,
Пищу постну потреблять,

И для каждаго не лишне
На духу намъ побывать,
Хотя разъ да помолиться
И на исповѣдь сходить,
Предъ попомъ намъ не таиться,
Всѣ грѣхи свои открыть.
Но намъ горе здѣсь, ребята,
Въ чужой дальней сторонѣ,
Здѣсь Манчжурія проклята
Надоѣла очень мнѣ:
Нѣтъ ни церкви, ни молельни,
Одни идолы кругомъ,
И народъ здѣсь очень скверный,—
Лишь мечтаетъ объ одномъ:
Какъ бы больше поднажиться
И карманъ туже набить,
Да больнымъ бы притвориться,
Да въ Россію укатить.
Здѣсь охраны очень много:
Тридцать сотенъ, тридцать ротъ,
А желѣзная дорога
Подвигается впередъ.
Скоро путь соединится
Изъ Россіи въ Портъ-Артуръ,
А Китай остепенится,
Водворится общій миръ.
Путь давно бъ соединился,
Еще въ прошломъ бы году, *)
Да китайцы взбунтовались,
Много сдѣлали вреду:
Всюду насыпь разрывали,
Рвали рельсы, жгли мосты,
Отъ нихъ много пострадали
Наши маленьки посты:

*) Въ 1900 году.

Всѣ постройки развалили,
Въ золу, печ(е)лъ произвели,
Черезъ нихъ мы зиму жили
Въ рытыхъ ямахъ изъ земли,
А кто въ фанзахъ *) помѣщался
Безъ оконцекъ и трубы;
Лишь сульей **) мы нагрѣвались,
Жили славно, безъ нужды.
Да и какъ, братцы, не пить,
По неволѣ уже пьешь:
Какъ другую, третью хватишь—
Сразу пѣсни запоешь,
Веселиться сразу станешь,
И на сердце—теплота,
Духъ казачества возстанетъ,
Пропадетъ и бѣднота.
Отъ сули точно прибудетъ
Денегъ, силы и ума,
И на сердце легче будетъ,
Теплѣй станетъ намъ зима.
Не нужны намъ тогда фанзы:
Въ снѣгу можемъ зимовать,
Но и вамъ прокляты манзы ***)
Путь ужъ больше не ломать.
Вотъ одна лишь только скука
Насъ, ребята, сокруша(е)тъ,
Да и съ родиной разлука
О себѣ порой внуша(е)тъ.
Лошаденокъ намъ здѣсь дали
Лишь овецъ только пасти:
Ростомъ малы, неуклюжи,
Сволочь (Господи, прости!).

*) Фанза—китайское жилище.

**) Сули (ханшинъ)—китайская водка изъ проса.

***) Манза—китайское слово, въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „китаецъ эмигрантъ.“

Осѣдлаешь—она ляжетъ,
Силы нѣтъ у ней держать,
А казакъ тутъ съ горя скажетъ:
„Лучше пѣшему бѣжать!“
А напьешся—арестуютъ
И на стойкѣ отстоишь,
Провинишься—такъ отдуютъ,
Что въ Иркутскѣ угремишь.
Это, братцы, намъ за дѣло,
Чтобъ мы слушали отцовъ,
Насъ сюда не силой гнали,
Забіяковъ, храбрецовъ;
Вотъ теперь мы и потерпимъ,
Богъ за дѣло наказалъ.
Меня въ этомъ извините:
Это правду я сказалъ.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Петръ Семеновъ.

Д.

Двадцать восьмого іюня 1)
Получили мы приказъ,
Чтобъ съ Хингана во-свояси
Отступили мы тотчасъ.
Отступали съ неохотой,
Въ Забайкалію пришли,
Но оттуда снова силой
На Манчжурію пошли.
Генералъ Орловъ 2) былъ съ нами,
Мы готовы съ нимъ итти

---

1) 1900 года.

2) Ген.-м. Орловъ—начальникъ Хайларскаго отряда.

Безъ патроновъ, а на шашки,
Каждый противъ десяти.
Наша грудь всегда готова
Встрѣтить вражескую рать:
Православный русскій воинъ
Не учился отступать.
Съ нами Богъ, Орловъ былъ съ нами,—
Кто насъ можетъ устрашить?
Съ громкой славой путь къ Хингану
Мы съумѣемъ проложить.
На Хинганъ Пао 1) взобрался,
Онъ Орлова тамъ не ждалъ;
Наступая съ перестрѣлкой,
Онъ въ Сибири быть мечталъ.
Одинъ разъ онъ попытался
Двинуть войско къ Аркушамъ, 2)
Но оттуда его въ шею
Мы прогнали по ушамъ.
На Хинганѣ укрѣпился:
Тамъ онъ думалъ зимовать,
Но увы поторопился
Къ праотцамъ попировать. 3)
Сотню верстъ мы пробѣжали
И къ двѣнадцати часамъ
Путь отрѣзать подоспѣли
Изъ Хингана бѣглецамъ.
Булатовичъ 4), воинъ храбрый,
Онъ воистину сказалъ:
„Съ Богомъ, братцы, маршъ на шашки!
Мы прославимъ вновь Уралъ.“

---

1) Пао—по словамъ казаковъ, начальникъ китайскаго отряда.

2) Нѣкоторые поютъ: „къ Каракушамъ.“

3) Укрѣпленная позиція у Хингана взята русскими 11-го августа 1900 года.

4) Штабсъ-ротмистръ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка Булатовичъ въ бою подъ Хинганомъ командовалъ летучимъ отрядомъ кавалеріи.

Командиръ нашъ Якимовскій 1)
Впередъ быстро поскакалъ,
Но вдругъ пулей пораженный
Саврасый конь подъ нимъ упалъ.
Разозлились мы какъ тигры,—
Съ плечъ рубить не въ первый разъ,
Стрѣляли мѣтко и рубили,
Не забылъ бы русскихъ насъ.
Тѣлами поле покрывалось,
Манчжурцы тамъ лежатъ вездѣ,
Да пусть твердятъ они открыто,
Что имъ пощады нѣтъ нигдѣ!
Недешево и намъ побѣда стала
На пер(е)сѣченныхъ тѣхъ мѣстахъ:
Смольянникова 2) у насъ не стало
И двухъ урядниковъ въ рядахъ.
Кой-какіе разбѣжались
По горамъ и по лѣсамъ,
Но и тѣхъ мало осталось
Дать извѣстье въ Цицикаръ. 3)
Намъ трофеями достались
Ружья, пушки, знамена,
А бѣжавшему манчжурцу—
Своя длинная коса;
Всѣ патроны и чумизу 4)
По дорогѣ разбросалъ.
Эхъ, презрѣнный, ты, трусишка!
Манза, дурень, учеканъ. 5)
Съ Байкала, Терека, Урала
Собрались чесу дать врагамъ.

---

1) Штабсъ-капитанъ Якимовскій—командиръ уральской сотни охранной стражи.

2) Капитанъ Смольянниковъ—командиръ 6-ой терской сотни охранной стражи.

3) Цицикаръ—китайскій городъ въ Манчжуріи.

4) Чумиза—родъ проса.

5) Учеканъ—по-китайски сверчокъ, тараканъ, заяцъ.

Ура Царю! ура Россіи!
Ура и храбрымъ казакамъ!

(Сочинилъ младшій медицинскій фельдшеръ Кубанскаго казачьяго войска Фока Воротининъ).

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Петръ Семеновъ; ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Иванъ Григорьевъ 31 года.

Русско-японская война, начата 27-го января 1904 года.

На краю Руси обширной,
Вдоль уральскихъ береговъ, *)
Поживало тихо, смирно
Войско храбрыхъ казаковъ.

Припѣвъ: **)
Помни, братцы, край родной,
Мы пойдемъ съ японцемъ въ бой
За Россію, за Царя,
Въ честь орла-богатыря.

Вдругъ тревога тамъ случилась,
И подняли красный флагъ,
Разомъ все зашевелилось,—
Подступилъ къ Россіи врагъ.

Вмигъ собрали насъ въ станицу,
Учинили намъ смотры,
Каждый день насъ посѣщали
Жены, матери, отцы.

*) Сибирскіе казаки запѣваютъ эту пѣсню такъ:
„Въ нашей Западной Сибири,
У иртышскихъ береговъ.....“

**) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго куплета.

По приказу командира
Засѣдлали мы коней,
И въ станицѣ насъ не стало,—
Распрощалися мы съ ней.

Насъ на площадь выводили
И построили въ ряды,
И чуть слышно говорили:
„Генералъ будетъ сюды."

Командиръ полка явился,
Онъ удалый молодецъ,
Принялъ знамя, помолился,
Полка нашего отецъ.

Намъ молебенъ отслужили;
Онъ намъ знамя передалъ,
Прочиталъ приказъ военный,
«Съ Богомъ, братцы!» онъ сказалъ.

Мы въ вагонахъ покатили
Дни и ночи и утра;
„Слава Богу," говорили,
И кричали всѣ ура!

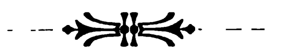
Прощай, станичники родные!
Дай Богъ счастливо вамъ жить,
Вы всѣхъ насъ благословите,
Чтобъ Японію побить.

Куропаткинъ вѣдь назначенъ
(Онъ почстный нашъ казакъ),
Онъ задастъ японцу встряску.....
Трепещи, Россіи врагъ!!

Коль прикажетъ онъ въ атаку,
Не отстанемъ назади,
Мы послужимъ вѣрой, правдой,
Всегда будетъ впереди.

Хоть не складна пѣсня эта,
Отъ души ее поемъ!
Помни, матушка Россія,
За тебя мы въ бой идемъ:
Въ полѣ брани послуживших
По заслугамъ награди,
За животъ свой положившихъ
Панихиду отслужи.

Ст. Нижнеозерная, 1904 года, ветеринарный фельдшеръ Георгій Киселевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

стр.

Царь Іоаннъ Грозный собирается въ походъ . . . . . . 1.

Ср. Кирѣевскаго вып. VI стр. 11—13 и вып. VIII стр. 121—124.

Покореніе Казани въ 1552 г. . . . . 2—3.

Ср. Якушкина стр. 149 и 523, Кирѣевскаго вып. VI стр. 1—11 и Русскую хрестоматію А. Галахова 1901 г. т. II стр. 59.

Отголосокъ взятія Казани въ народной пѣснѣ . . . . . 3.

Ср. Якушкина стр. 635 и Кирѣевскаго вып. VI стр. 13—16.

Атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ собираетъ дружину для покоренія Сибирскаго царства 5.

Ср. „100 пѣсенъ" стр. 68, Мякушина стр. 24, „Уральцы" т. III стр. 262, Кирѣевскаго вып. VI стр 36—41, „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 15, „Донскія пѣсни" стр. 20—25 и Желѣзновыхъ стр. 22—24.

Сибирь покорена въ 1582 году.

Гибель Ермака въ 1584 году. . . . . 6.

Побоища яицкихъ казаковъ съ кочевниками на р. Утвѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій. . . . . 7—9.

Ср Мякушина стр. 57—60, „Донскія пѣсни" стр. 108 и 135, Кирѣевскаго вып. VIII стр. 127 и вып. IX стр. 220 и Желѣзновыхъ стр. 37—38.

См. „Уральцы" т. III стр. 67.

Рѣка Утва впадаетъ въ Уралъ съ лѣвой стороны южнѣе р. Илека.

Набѣги яицкихъ казаковъ на Хиву въ началѣ XVII столѣтія. . . . . 9—10.

Ср. Мякушина стр. 53—55, „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 19, Кирѣевскаго вып. VI стр. 23—32 и вып. VII стр. 138 (добавленія) и Желѣзновыхъ стр. 32—34.

См. Макшеева стр. 50 и „Уральцы" т. II стр. 45.

Сидѣніе атамана Заруцкаго съ Мариною Мнишекъ на р. Яикѣ въ 1614 г. . . 10—11.

См. „Уральцы" т. II стр. 211—„Маринкинъ городокъ."

Ср. Мякушина стр. 49 и „Уральцы" т. II стр. 280.

„*Дуванъ*"—добыча, полонъ; „*дуванить*" -дѣлить добычу.

Отраженіе донцами приступа турецко-татарскаго войска на Азовъ. . . . 11.

Донцы владѣли Азовомъ пять лѣтъ: съ 19 іюня 1637 г. по іюнь 1643 г..

Ср. Энциклопедію Леера—„Азовъ" и Русскую исторію Елпатьевскаго (изд. 1893 г.)—„Взятіе Азова донскими казаками" на стр. 158.

Пѣсня про князя Голицына. . . . . 12—13.

А' Въ этой пѣснѣ правописаніе оставлено такое, какое принялъ П. Н. Рыбниковъ.

А. А' Ср. Кирѣевскаго вып. VIII стр. 39—50.

Возстаніе Стеньки Разина (1668—1671 г.). . . . . 13—22.

А. Ср. „Донскія пѣсни" стр. 44 и Кирѣевскаго вып VII стр 33.

Б. Ср. „Уральцы" т. II стр. 120, Мякушина стр. 40—41, „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 18, Кирѣевскаго вып. VII стр. 32 и Желѣзновыхъ стр. 17—19.

В. В' В" В'" Ср. „Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ"

стр.

1864 г. ч. III стр. 273—„Сынъ Стеньки Разина,“ сочиненіе А. С. Пушкина (изд. Панафидина 1899 г.) стр. 208, „Гребенцы въ пѣсняхъ“ стр. 23 и 26, „Донскія пѣсни“ стр. 46 и 48 и Кирѣевскаго вып. VII стр. 34 и дополненія стр. 141- 145 и вып. VIII стр. 317.

Г. Ср. „Донскія пѣсни“ стр. 49 и Бигдая вып. XIII стр. 1022.

Д. Ср. „Донскія пѣсни“ стр. 50, «50 пѣсенъ русскаго народа» № 27 и Кирѣевскаго вып. VII стр. 153—156 (дополненія) и вып. VIII стр. 320.

Ж. Разинъ казненъ въ Москвѣ въ 1671 году.

Взятіе Азова въ 1696 году. . . . . 28--29.

А. Ср. Кирѣевскаго вып. VIII стр. 64.

В. В' В'' В''' Ср. Мякушина стр. 66, Кирѣевскаго вып. VIII стр. 52 и стр. 75—77 и Желѣзновыхъ стр. 35—36

Послѣдній бунтъ стрѣльцовъ и уничтоженіе стрѣлецкаго войска въ 1698 г. . . 30.

Ср. „Гребенцы въ пѣсняхъ“ стр. 16 и Кирѣевскаго вып. VIII стр. 16—21.

Сыскъ на Дону бѣглыхъ княземъ Юріемъ Владимировичемъ Долгорукимъ въ концѣ 1707 года . . . . 30—32.

Князь Долгорукій ознаменовалъ себя въ этомъ дѣлѣ большою жестокостью. До казачьихъ полковъ, бывшихъ въ это время на шведской границѣ, дошла вѣсть о насильственныхъ поступкахъ Долгорукова; объ этомъ-то и вспоминается въ пѣснѣ.

А. Ср. Желѣзновыхъ стр. 87—88 и Кирѣевскаго вып. VIII стр. 87 и вып. IX стр. XXXIII (дополненія).

А' Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. 153.

А'' Донцы, по повелѣнію Императора Павла, выступили подъ начальствомъ войскового атамана Василія Петровича Орлова въ Остъ-Индію; имъ приказано было итти черезъ Хиву и Бухару. 11-го марта 1801 года скончался Императоръ Павелъ, и донцамъ, дошедшимъ уже до р. Иргиза, повелѣно было возвратиться. Часть донцовъ, бывшихъ въ этомъ походѣ, осѣла въ Разсыпной станицѣ Оренбургскаго войска.

См. „Изъ путевыхъ замѣтокъ по степи“ В. Потто въ № 8 «Воен. Сбор.» 1876 г. стр 391; „Трехсотлѣтіе войска Донского“ стр. 108—110 и „Донской атаманъ Платовъ“ (изд. «Вѣст. Каз. Войс.» 1902 г.) стр. 11.

Булавинскій бунтъ на Дону и уходъ Некрасова на Кубань въ 1708 г. . . . 32—39.

Ср. „Уральцы“ т. III стр. 16, Мякушина стр. 63, „Донскія пѣсни“ стр. 60 и Кирѣевскаго вып. VIII стр. 71—75.

Ва пѣсняхъ встрѣчаются историческія неправильности: 1) Некрасовъ увелъ на Кубань не сорокъ тысячъ казаковъ, а всего только двѣ тысячи; 2) событіе это отнесено къ царствованію одной изъ Государынь, тогда какъ оно произошло въ царствованіе Императора Петра Великаго.

А'' Пѣсня эта мною исправлена такимъ образомъ: тамъ, гдѣ по словамъ казака Давыдова дѣйствовалъ Некрасовъ, я поставилъ Долгорукій и обратно: иначе вышла бы явная несообразность.

Полтавская битва 27 іюня 1709 г. . . . . 39—40.

Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. XXXVII (дополненія).

Пѣсня эта сочинена Ив. Ев. Молчановымъ.

Пѣсня про атамана донскихъ казаковъ Ивана Матвѣевича Краснощекова (первая половина XVIII вѣка). . . . . 41—42.

Ср. „Донскія пѣсни“ стр. 66—73, „100 пѣсенъ“ стр. 57, 81 и 85, Кирѣевскаго вып. VIII стр. 137 и вып. IX стр. 128—146 и Бигдая вып. XI стр. 853.

Пѣсня о князѣ Гагаринѣ. . . . . 42.

Ср. Кирѣевскаго вып. VIII стр. 297—302.

Весьма возможно, что въ этой пѣснѣ воспѣвается сибирскій губернаторъ (1707—1721 г.) князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, который былъ повѣшенъ Императоромъ Петромъ Великимъ въ 1721 году за лихоимство.

Ср. пѣсню про графа Аракчеева въ выпускѣ IV „Трудовъ Оренбургской ученой архивной комиссіи“ („Нѣсколько старинныхъ пѣсенъ“ С. Н. Севастьянова) стр. 91.

Экспедиція Бековича въ Хиву (1714—1717 г.). . . . . . . 42--43.

стр.

· Ср. Мякушина стр. 60 и см. Макшеева стр. 66.

Смерть Императора Петра I 28 января 1725 г. . . . . 44.

Ср. Кирѣевскаго вып VI стр. 212 и вып. VIII стр. 280—293, „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 13 и „100 пѣсенъ" стр. 6 и 80.

Побоище между яицкими и самарскими казаками (XVIII ст.). . . . . 45.

Самарскіе казаки вмѣстѣ съ чувашами, прельстившись рыбными богатствами Яика, забрались на эту рѣку повыше Уральска и разграбили одну ятовь. Яицкіе казаки, узнавъ о непрошенныхъ гостяхъ, стремительно бросились на ятовь. Произошло побоище. Самарскіе казаки оказались побѣжденными. Объ этомъ побоищѣ яицкіе казаки доносили даже въ военную коллегію. (См. „Уральцы" т. II стр. 350).

Турецкая война (1735—1739 г.г.) въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны . 45—48.

См. Военный лексиконъ—„Турецкая война въ царствованіе Анны Іоанновны" и „Татары бѣлогородскіе" и Энциклопедію Леера—„Турецкая война 1736—1739 г.г."

Б. Въ 1739 году гвардейскій отрядъ ознаменовалъ себя блистательнымъ участіемъ при взятіи Хотина и въ Ставучанской битвѣ.

Въ этой пѣснѣ имѣется историческая неправильность: въ 1739 году въ Преображенскомъ полку не было гренадерской роты, такъ какъ Анна Іоанновна гренадерскія роты уничтожила; вновь эти роты были сформированы только въ правленіе принцессы Анны Леопольдовны.

См. Военный лексиконъ 1853 г. т. IV—„Гвардія россійская" и Энциклопедію Леера—„Преображенскій л.-гв. полкъ" и „Гвардія россійская."

Семилѣтняя война (1756—1763 г.) до смерти Императрицы Елизаветы Петровны въ 1761 г. . . . . 48—50.

См. Военный лексиконъ и Энциклопедію Леера—„Семилѣтняя война."

А. Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. 80—92.

Б. Ср. „Уральцы" т. III стр. 126, Мякушина стр. 69, «Донскія пѣсни» стр. 129 и Кирѣевскаго вып. VIII стр. 85, 114 и 154.

Пѣсня про генерала Василія Авраамовича Лопухина. . . . . 50—51.

Ср. „Донскія пѣсни" стр. 88 и Кирѣевскаго вып. IX стр. 95—107, 216—218 и стр. XLII (дополненія).

Генералъ-аншевъ В. А. Лопухинъ, родной племянникъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны (первой супруги Императора Петра Великаго) отличался прямымъ, открытымъ характеромъ и беззавѣтною преданностью долгу. Въ Семилѣтнюю войну онъ находился въ арміи фельдмаршала графа Апраксина; въ 1757 году, командуя лѣвымъ крыломъ, онъ палъ геройскою смертью въ сраженіи при Гроссъ-Егернсдорфѣ. Раненый тремя пулями, онъ спрашивалъ только: „Гонятъ ли непріятеля, здоровъ ли фельдмаршалъ?" Императрица Елизавета Петровна очень жалѣла о смерти генерала Лопухира. (См. Энциклопедію Леера—„Лопухинъ" и „Донскія пѣсни" стр. 86, примѣчаніе).

Пѣсня про старшину Донского войска Ѳеодора Ивановича Краснощекова. . . 51—53.

Ср. „Донскія пѣсни" стр. 75, Кирѣевскаго вып. IX стр. 148—152 и ниже пѣсню про донского атамана Платова.

Ѳеодоръ Ивановичъ Краснощековъ (сынъ Ивана Матвѣевича) участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ.

Продолженіе Семилѣтней войны въ царствованіе Императора Петра III. . . 53—54.

См. Военный лексиконъ и Энциклопедію Леера—„Семилѣтняя война."

Ср. ниже пѣсню Б „Военная экспедиція 1839—40 года въ Хиву" и Кирѣевскаго вып. IX стр. 92—94.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Петра III прекратилъ войну съ Пруссіей, возвратилъ всѣ завоеванныя прусскія области, заключилъ съ Пруссіей тѣсный дружескій союзъ и велѣлъ корпусу Чернышева поступить въ распоряженіе прусскаго короля.

Турецкія войны въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. . . . 54—55.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой Россія вела съ Турціей двѣ войны: первая война—съ 1768 по 1774 г. и вторая—съ 1787 года по 1791 г.. Во время первой войны особенно громкую славу стяжалъ себѣ Румянцевъ; за эту войну онъ получилъ чинъ генералъ-фельдмаршала и фамилію „Румянцева Задунайскаго."

А. Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. 245.

Пѣсня эта записана І. И. Желѣзновымъ отъ уральскаго казака Ивана Михайловича Бакирова.

Пугачевъ поднялъ знамя возстанія на Яикѣ въ 1773 году; слухи же о появленіи на Волгѣ Императора Петра Ѳеодоровича дошли до яицкихъ казаковъ года за полтора или два (въ 1771 году) до этого времени, какъ то и воспоминается въ началѣ пѣсни: это былъ самозванецъ Богомоловъ. Къ Гурьеву самъ Пугачевъ не ходилъ, а посылалъ туда своего приверженца яицкаго казака Максима Сереберцева. („Уральцы" т. III стр. 162 и 177).

Б. Ср. „Донскія пѣсни" стр. 88.

Авторъ статьи „Пушкинъ въ матерьялахъ публичной библіотеки" («Сынъ Отечества» 1899 г. № 90) говоритъ, что въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ имѣется папка матерьяловъ А. А Краевскаго съ надписью: „Пушкинъ." Между прочими матерьялами, относящимися до Пушкина хранится записная тетрадка поэта (въ зеленомъ бумажномъ переплетѣ въ размѣрѣ 8-ой доли листа), всего семь листовъ. Относится она къ 1833 году—ко времени поѣздки Пушкина въ Симбирскъ и Оренбургъ для собиранія свѣдѣній о Пугачевѣ. На четвертомъ листѣ тетрадки и записана приводимая пѣсня о Пугачевѣ.

Покойный оренбургскій старожилъ, отставной генералъ-майоръ, В. В. Агаповъ, прочитавъ эту пѣсню, сдѣлалъ къ ней такую замѣтку:

«Повидимому, эта пѣсня не вся записана и нѣсколько невѣрна. Вѣроятно, Пушкинъ записалъ эту пѣсню въ Нижнеозерной, выслушавъ ее отъ Марфы Сергѣевны Пичугиной, по первомъ мужѣ Агаповой, матери моего отца, рожденной Донсковой (она подходила къ рукѣ Пугачева двѣнадцатилѣтней дѣвочкой въ числѣ прочихъ), и другой старухи Пальгуевой кажется, не знаю, какъ ее звать, за что Пушкинъ подарилъ имъ по платку. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

В. Въ ноябрѣ 1773 года гарнизонъ Верхнеозерной крѣпости отбилъ нападеніе Хлопуши и два приступа Пугачева. См. главу IV „Исторіи пугачевскаго бунта" А. С. Пушкина и „Маршрутъ путешествія по Оренбургскому казачьему войску Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича" Ѳ. Старикова (1891 г.) стр. 62.

Г. Въ кровопролитномъ сраженіи 22 марта 1774 года подъ Татищевой Пугачевъ былъ разбитъ на голову правительственными войсками, бывшими подъ начальствомъ князя Голицына. Когда настала весенняя оттепель, и вскрылись рѣки, тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей. Въ крѣпости Нижнеозерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребала къ берегу плывущіе трупы и, разсматривая ихъ, приговаривола приведенныя слова. (См. главу V „Исторіи пугачевскаго бунта" А. С. Пушкина).

Д. Пугачевъ былъ казненъ въ Москвѣ 10-го января 1775 года.

Пѣсню эту назвалъ „Пѣсней про Пугачева" сообщившій ее казакъ Пантюхинъ.

Ср. Кирѣевскаго вып. VI стр. 199 и вып. IX стр. 73 - „Пѣсня Ваньки Каина" и „Донскія пѣсни" стр. 6.

Е' Е" Е'" Ср. Кирѣевскаго вып. VIII стр. 56.

Въ этихъ пѣсняхъ воспѣвается село Нижегородской губерніи Павлово. Наши казаки познакомились съ селомъ Павловымъ во время службы въ Московской и Нижегородской губерніяхъ, куда они посылались для полицейской службы во второй и третьей четвертяхъ прошлаго столѣтія.

Село Павлово, по разсказамъ казаковъ, поразило ихъ своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, благоустройствомъ, мощеными улицами, богатствомъ жителей; казаки это село называютъ «уголокъ Москвы».

Мнѣ разсказывали, что пѣсня про село Павлово особенно понравилась Государю Императору Александру II въ исполненіи пѣсенниковъ Нижнеозерной станицы, когда онъ, будучи Наслѣдникомъ престола, въ 1837 году проѣзжалъ черезъ эту станицу. Пѣсня эта, дѣйствительно, отличается прекраснымъ моти-

стр.

вомъ и, судя по нему, должна быть отнесена къ очень стариннымъ пѣснямъ.

Военныя дѣйствія на Кубани и за Кубанью во второй половинѣ XVIII столѣтія противъ ногаевъ. . . . . 62—63.

Ср. „Донскія пѣсни" стр. 86 и Кирѣевскаго вып. IX стр. 259.

Подъ именемъ князя Исайлова казаки воспѣваютъ полковника Исаева, пользовавшагося большимъ довѣріемъ и уваженіемъ князя Потемкина.

См. „Суворовъ на Кубани въ 1778 и за Кубанью въ 1783 году" въ № 1 «Военнаго сборника» за 1900 г. и „Трехсотлѣтіе войска Донского" стр. 95—97.

Взятіе турецкой крѣпости Измаила. . . . . 63 64.

Ср. ниже пѣсню А „Польское возстаніе 1830—1831 г.г." и пѣсню Б „Хивинскій походъ 1873 года;" ср. „Донскія пѣсни" стр. 84 и 112, Бигдай вып. X стр. 748 и Желѣзновыхъ стр. 39—40.

Война со Швеціей 1788—1790 г. . . . . 64—66.

Донцы участвовали въ этой войнѣ и заслужили царскую милость.

Генералъ-майоръ Денисовъ разбилъ 22 апрѣля 1790 г. отрядъ шведовъ, бывшій подъ предводительствомъ короля.

Въ этой войнѣ участвовали и 150 казаковъ изъ Оренбургскаго нерегулярнаго корпуса. Посланы они были по распоряженію барона Игельстрома —Оренбургскаго военнаго губернатора, назначеннаго въ армію, дѣйствующую противъ шведовъ. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

За эту войну оренбургскіе казаки, бывшіе въ этой войнѣ, награждены медалями съ надписью: „За службу, храбрость и миръ съ Швеціей въ 1790 г."

См. „Трехсотлѣтіе войска Донского" стр. 103. Военный лексиконъ—„Шведская война въ царствованіе Екатерины II" и Энциклопедію Лоера—„Русско-шведская война 1788—90 г."

Ср. „Донскія пѣсни" стр. 57.

Въ пѣснѣ встрѣчается историческая неправильность: война эта происходила въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, а не Павла Петровича.

Возможно, что пѣсня эта относится ко времени Великой сѣверной войны (1700—1721 г.) при Императорѣ Петрѣ Великомъ.

Штурмъ Праги и занятіе Варшавы въ 1794 году. . . . . . . 66.

См. Кирѣевскаго вып. IX стр. 325.

Волненіе на Дону и переселеніе въ 1796 году донцовъ на Оренбургскую и Кавказскую линіи. (Указъ Императрицы Екатерины II 12 іюля 1795 г.). . . . . 67—70.

Начальникъ Кавказской линіи генералъ Гудовичъ хотѣлъ выстроить противъ горцевъ рядъ редутовъ и крѣпостей и населить ихъ хоперскими и волжскими казаками, но въ правительственныхъ сферахъ рѣшено было оставить для этой цѣли въ 1792 году шесть донскихъ полковъ, состоявшихъ на службѣ на Кавказѣ. Распоряженіе это вызвало на Дону волненіе. Особенно сопротивленіе оказали пять станицъ: Есауловская, Кобылянская, Пятиизбянская, Верхне и Нижне-Чирскія, которыми руководилъ есаулъ Иванъ Рубцовъ. Возстаніе было подавлено военною силою. По Высочайшей конфирмаціи Иванъ Рубцовъ былъ наказанъ плетьми съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ на лицѣ и сосланъ въ каторжную работу. Въ наказаніе за возмущеніе часть донцовъ была выселена на Оренбургскую линію, а часть на Кавказскую. Донцы, переселенные въ Оренбургское войско, въ настоящее время главнымъ образомъ живутъ въ станицахъ Разсыпной и Буранной. Репрессивныя мѣры, принятыя сначала къ переселеннымъ донцамъ, впослѣдствіи были ослаблены, а затѣмъ и совершенно упразднены.

Болѣе подробное описаніе этого событія см. „Статистическое описаніе области войска Донского" 1884 г. стр. 33, „Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи" вып. IV стр. 75 и „Трехсотлѣтіе войска Донского" стр. 98—103.

Б. Б' Ср. „Донскія пѣсни" стр. 81 и Кирѣевскаго вып. IX стр. 261.

В. Ср. „Донскія пѣсни" стр. 108.

Въ пѣснѣ встрѣчается слово „*душнюшка.*" Казаки пѣсенники не могутъ объяснить значеніе этого слова; они говорятъ, что получили его отъ отцовъ. Возможно, что это искаженное уменьшительное ласкательное имя отъ слова „*духанъ*" (трактирное заведеніе на Кавказѣ).

Пѣсня про графа Михаила Семеновича Воронцова. . . . . . . 92.

Ср. „Донскія пѣсни" стр. 120.

См. Энциклопедію Леера и Военный лексиконъ (т. XIV 1858 г.): „Воронцовъ."

Графъ Воронцовъ въ концѣ 1812 и въ началѣ 1813 г. командовалъ летучимъ отрядомъ, состовлявшимъ авангардъ Дунайской арміи Чичагова.

Пѣсня про майора Бѣлякова. . . . . 93—94.

А. А' Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. 172 и стр. XIV—XX (дополненія).

Въ 1812 году въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ сформировано было два полка: тысячный Атаманскій и № 3 пятисотенный. Сформированіе полковъ послѣдовало по распоряженію Оренбургскаго военнаго губернатора князя Волконскаго, который «считалъ въ разсужденіе настоящихъ необходимыхъ нуждъ въ большомъ ополченіи, что Государю Императору благоугодно будетъ непремѣнно вызвать изъ здѣшняго края еще нѣсколько полковъ иррегулярной конницы» (предписаніе Волконскаго отъ 26 іюля 1812 г. въ дѣлѣ по описи войскового архива 1810—1821 г.г. № 21). Первоначально Волконскій сформировалъ три полка, но 30 сентября 1812 года получено было Высочайшее повелѣніе сформировать только два полка: Атаманскій (тысячный) и пятисотенный майора Бѣлякова. Сборное мѣсто для полковъ назначено было въ станицѣ Бакалинской, откуда выступили: полкъ Бѣлякова 21 октября, а Атаманскій 23 октября. Общее начальство надъ полками принялъ войсковой атаманъ полковникъ Василій Андреевичъ Углицкій. Онъ былъ шефомъ Атаманскаго полка, командиромъ же того полка былъ майоръ Василій Авдѣевъ, а командиромъ № 3 полка майоръ Яковъ Бѣляковъ. Полки сначала слѣдовали на Нижній-Новгородъ, но 3 декабря 1812 года, по Высочайшему повелѣнію, полкъ № 3 поступилъ въ ополченіе графа Толстого, затѣмъ полкъ этотъ преслѣдовалъ на Кіевъ, а въ 1813 году стоялъ въ повѣтахъ Хелмскомъ (г. Холмъ) и Красноставскомъ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Глогау, Лейпцигомъ, Шатобріаномъ и Парижемъ.

Полкъ № 3 майора Бѣлякова участвовалъ съ 17 августа 1813 года при блокадѣ крѣпости Глогау и отбитіи изъ нея вылазокъ; 4, 5 и 6 октября въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ; съ 7 октября преслѣдовалъ непріятеля до Рейна и въ дѣлахъ: 10 октября подъ Веймарномъ, 17 и 18 октября подъ Ганнау и въ преслѣдованіи непріятеля къ Франкфурту; 29 и 30 октября подъ городомъ Эпиналемъ; въ 1814 году: въ дѣлахъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, подъ Бріеномъ и Орлеаномъ, причемъ подъ Орлеаномъ полкъ вошелъ въ составъ партизанскаго отряда генерала Сеславина и съ отрядомъ этимъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Орлеаномъ, гдѣ и убитъ былъ есаулъ № 3 полка Егуменцевъ, и тяжело раненъ есаулъ Салѣевъ, при отступленіи отъ Орлеана; 8 и 9 марта въ сраженіи подъ гор. Арси и преслѣдованіи непріятеля къ Фершампенуазу; 13 марта въ сраженіяхъ подъ Фершампенуазомъ; 15 марта въ сраженіи подъ Правенъ, и 23 марта подъ гор. Милюнъ.

За отличіе въ дѣлахъ получили: за дѣла подъ Лейпцигомъ, при преслѣдованіи непріятеля до Рейна и взятіи г. Милюна, сотникъ Хохряковъ, находившійся въ отрядѣ генерала Кайсарова, орденъ Владиміра 4 степени съ бантомъ; за дѣла при Арси и Фершампенуазѣ станичный атаманъ Ѳеодоръ Гришечкинъ и хорунжій Мелехинъ—орденъ Св. Анны 3 ст.; хорунжіе Огневъ и Выдринъ—чинъ сотника; хорунжій Батыревъ—орденъ Св. Анны 3 класса за отличную храбрость, оказанную при отраженіи вылазки непріятеля, но гдѣ—въ приказѣ, отданномъ въ Парижѣ, не было сказано; хорунжій Медичневъ—орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и Св Анны 3 ст., но, за какія именно дѣла, не указано. Чины полка получили медаль за взятіе Парижа 19 марта 1814 года. Есть указаніе, что послѣ Бѣлякова командиромъ полка былъ майоръ Діомиди, получившій орденъ Св. Владиміра 4 ст. и Св. Анны 3 класса, но, въ какой періодъ командовалъ онъ № 3 Оренбургскимъ полкомъ, неизвѣстно. (Свѣдѣнія взяты изъ дѣла за 1801 годъ Войскового штаба о собраніи коллекціи медалей въ память участія въ войнахъ и дѣлахъ).

Что касается Атаманскаго полка, то, перезимовавъ въ селѣ Рыбачьемъ С.-Петербургской губерніи, полкъ этотъ двинутъ былъ въ мартѣ 1813 г. на г. Ревель, Тильзитъ и Данцигъ, гдѣ и былъ въ осадномъ корпусѣ герцога Александра Виртембергскаго и сраженіяхъ: 19 и 28 мая, 16, 17 и 21 августа, 4, 5

стр.

и 28 сентября до сдачи крѣпости, послѣдовавшей 17 декабря 1813 года. (Дѣло по описи войскового архива 1812—1840 г. № 4).

За подвиги и мужество въ сраженіяхъ подъ Данцигомъ полковой командиръ Василій Авдѣевъ получилъ Высочайшее благоволеніе, шефъ полка войсковой атаманъ Василій Углицкій—орденъ Св. Анны 2 класса, офицеры полка: станичный атаманъ Киржацкій, сотникъ Масленкинъ, хорунжій Приданниковъ, сотникъ Алавердѣевъ, заурядъ-хорунжій Харитоновъ—орденъ Св. Анны 3 класса. Хорунжіе Приданниковъ и Харитоновъ кромѣ того были пожалованы чиномъ сотника; хорунжій Пастуховъ получилъ чинъ сотника; есаулы: Михайловъ, Пастуховъ и Александръ Углицкій - Высочайшее благоволеніе; урядники: Ахмаметьевъ—чинъ хорунжаго, Иванъ Ахмаметьевъ, Петръ Важениновъ, Димитрій Немировъ, Андрей Симагинъ—чинъ хорунжаго и знакъ отличія военнаго ордена.

Кромѣ этихъ полковъ въ 1812 году находились отъ войска въ Дунайской арміи два полка: № 1 и № 2 (есауловъ: Тимонова и Гребеньщикова). Судя по заявленію генералъ-майора Гартинга отъ 13 января 1813 года (полки стояли на р. Прутѣ въ Молдавіи и Бессарабіи), въ № 2 полку было до 28 человѣкъ изувѣчено въ бывшей кампаніи въ разныхъ сраженіяхъ. (дѣло войскового архива по описи 1812—1840 г. № 12). Полки эти высланы были на войну еще въ 1807 году. Часть казаковъ № 1 полка участвовали въ Отечественной войнѣ 1812 года. Изъ дѣла войскового архива по описи 1812—1840 г. № 36 видно, что князь Волконскій, усмотрѣвъ изъ рапорта № 3 Оренбургскаго полка (находившагося уже на прусской границѣ) за апрѣль мѣсяцъ о смерти командира полка майора Бѣлякова, предписаніемъ отъ 4 іюля 1816 г. въ Войсковую канцелярію далъ знать о назначеніи вмѣсто временно-командующаго полкомъ есаула Ѳеодора Кузьмича Гришечкина (Новосергіевской станицы) Оренбургскаго казачьяго Непремѣннаго *) полка майора Лысова, изъ чего можно предположить, что майоръ Бѣляковъ умеръ въ 1816 году.

Памятникомъ Атаманскаго полка осталась икона во имя Тихвинскія Божія Матери, принесенная въ даръ Георгіевской церкви командиромъ этого полка майоромъ Василіемъ Авдѣевымъ. Она и сейчасъ хранится въ войсковомъ Георгіевскомъ соборѣ на особомъ налоѣ, подъ иконой Великомученика Георгія, которую принесъ въ даръ Оренбургскому войску генералъ-адъютантъ Бахметьевъ. На иконѣ внизу помѣщена серебряная дощечка съ надписью: „Тщаніемъ Атаманскаго полка сотни полкового командира Василія Авдѣева возвратившагося изъ Арміи въ 1814 году Декабря 13 дня." (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

Война за освобожденіе Европы отъ владычества Наполеона 1813—1814 г. . . **95—97.**

Б. См. „100 пѣсенъ" стр. 81.

Пѣсни, относящіяся къ войнѣ съ французами 1812—1814 г. . . . . **97—100.**

А. Можно думать, что Циповсковъ есть искаженныя фамиліи или Чичаговъ **) (Чичаговсковъ) или Чернышевъ ***) (Чернышовсковъ).

Б. Ср. „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 37 и „Донскія пѣсни" стр. 102.

В. Ср. Бигдая вып. XIII стр. 968.

Походъ на западную границу для содержанія постовъ. . . . . . **100.**

Ср. Мякушина стр. 127 и Желѣзновыхъ стр. 50—51.

Погоня хорунжаго Алемасова за киргизами, взявшими въ плѣнъ казака Губерлинскаго поселка Зеленина въ 1818 году. . . . . **101.**

Ср. Желѣзновыхъ стр. 48—49.

---

*) Непремѣнный полкъ, упраздненный въ 1841 году, велъ свое начало отъ сформированнаго въ 1748 году Оренбургскаго казацкаго корпуса или полка, какъ онъ именовался съ 1803 г., т. е. со времени новаго штата 8 іюля 1803 г..

**) Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ въ 1812 году былъ главнокомандующимъ Дунайской арміей.

***) Свѣтлѣйшій князь, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи Александръ Ивановичъ Чернышевъ въ Отечественную войну прославился партизанскими дѣйствіями.

Въ 1818 году на лѣвой сторонѣ Урала взятъ былъ въ плѣнъ киргизами казакъ Губерлинскаго поселка Иванъ Павловичъ Зелeнинъ и съ нимъ солдатъ Карандашевъ; при этомъ еще былъ смертельно раненъ казакъ Семенъ Рѣпниковъ. Въ погоню за плѣнными былъ командированъ хорунжiй Алемасовъ, но его развѣдка кончилась безуспѣшно. Въ 1840 году Зелeнинъ, по требованiю русскаго правительства, возвратился на родину.

Разсказъ этотъ и пѣсня записаны въ 1890 г. войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ Губерлинскомъ поселкѣ отъ казачки Ольги Ивановны Пудовкиной (урожденная Зеленина, дочь плѣнника).

Миссiя въ Бухару въ 1820 г. . . . . 102.

См. Макшеева стр. 146 и „Оренбург. губ. вѣд." 1896 г. (часть неофиц.) № 6, № 26, № 27, № 28 и 29: „Русскiе въ Бухарѣ въ 1820 году (записки очевидца)."

Причитанiе жены казака Нижнеозерной станицы Бородина, захваченнаго въ плѣнъ киргизами въ трехъ верстахъ отъ своей станицы съ двумя сыновьями около 1820 года. 103.

Казакъ Иванъ Аѳанасьевичъ Бородинъ былъ схваченъ на покосѣ за р. Ураломъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями: Алексѣемъ (17 л.) и Василiемъ (7 л.). Впослѣдствiи сыновья его возвратились на родину, самъ же Иванъ Аѳанасьевичъ умеръ въ плѣну.

Причитанiе это записано въ 1903 году ветеринарнымъ фельдшеромъ Георгiемъ Киселевымъ отъ дѣвицы, дочери Василiя, Елизаветы Васильевны Бородиной (80 лѣтъ) въ ст. Нижнеозерной.

Заселенiе красноуфимскими казаками Новоилецкой линiи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтiя. . . . . 104.

Городъ Красноуфимскъ (прежде крѣпость) заложенъ былъ въ 1736 году, вмѣстѣ съ крѣпостью Елдяцкой, статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ, какъ опорные пункты противъ башкиръ. Въ этихъ крѣпостяхъ были поселены казаки, которые съ 1753 года были подчинены вѣдѣнiю войскового атамана Оренбург. каз. в. Могутова.

Въ 1810 году, согласно мнѣнiю Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденному 29 августа 1810 года, положено было устроить новую линiю на р. Илекѣ и заселить ее желающими изъ оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ. Цѣль устройства линiи—обезопасить провозъ соли изъ Илецкой Соляной Зашиты и тѣмъ дать ей болѣе обширный вывозъ.

Въ виду того, что желающихъ не оказалось, несмотря на обѣщанныя льготы переселенцамъ, рѣшено было упразднить Красноуфимскую станицу, а казаковъ переселить въ форпосты: Изобильный, Буранный, Новоилецкiй и Линевскiй. Станица Красноуфимская была упразднена въ 1820 году. Казаки однако и тутъ всѣми мѣрами уклонялись отъ переселенiя. Изъ упорствовавшихъ 75 человѣкъ преданы были военному суду, и Государь Императоръ Александръ I рѣшилъ оставить ихъ безъ наказанiя только при условiи, если казаки добровольно подчинятся приказанiю о переселенiи, въ противномъ случаѣ приказано ихъ наказать шпицрутенами и годныхъ записать въ армейскiе полки (о чемъ и поется въ пѣснѣ: „Во солдаты везутъ насъ"), а негодныхъ сослать въ Сибирь на поселенiе. Несмотря на это, казаки еще упорствовали. Четырехъ изъ нихъ наказали и отправили въ армейскiе полки, и тогда только красноуфимцы смирились; переселенiе окончательно состоялось въ 1826 году съ пособiемъ отъ казны въ 49355 рублей ассигнацiями. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

Посѣщенiе Императоромъ Александромъ I Оренбургскаго войска въ 1824 году. . 105.

См. дѣла № 5 и № 6 войскового архива Оренбург. каз. войска за 1824 годъ (опись № 1) и Высочайшiй приказъ 14 сентября 1824 года.

Сопровожденiе въ Бухару купеческаго каравана въ 1824—1825 г. . . . 106.

См. «Оренбургскiй край» 1894 г. №№ 179, 180 и 182: „Записки Кайдалова" и Макшеева стр. 146.

Въ этотъ разъ экспедицiя потерпѣла неудачу и принуждена была вернуться назадъ. Нѣкоторые казаки, по словамъ казака Донскова, сообщившаго эту пѣсню, поступили на службу во вторую экспедицiю съ цѣлью полакомиться и поросковшествовать въ Бухарѣ, но мечты ихъ не сбылись.

Кончина Императора Александра I 19 ноября 1825 г. . . . . .107—110.

А. А' А" Ср. Якушкина стр. 545, „Гребенцы въ пѣсняхъ" стр. 62, „Донскiя пѣсни" стр. 109 и Бигдая XI вып. стр. 825.

Б. Ср. „Донскія пѣсни“ стр. 110.

См. въ „Военномъ сборникѣ“ 1879 г. № 12: „Экспедиція генеральнаго штаба полковника Берга.“

Въ отрядѣ отъ холода и дурной воды появились цинга и кровавый поносъ; лошади падали отъ безкормицы. Пришлось вернуться назадъ. Полковникъ Бергъ (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ) съ доброконными отправился дальше, сдавъ отрядъ полковнику лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Щеглову. Киргизы въ огромномъ количествѣ обложили небольшой русскій отрядъ. Полковникъ Щегловъ послалъ на развѣдку храбраго хорунжаго Алемасова съ двѣнадцатью казаками и переводчикомъ. Алемасовъ и переводчикъ были изрублены въ куски, а казака Ивана Горбунова взяли въ плѣнъ. Объ этомъ печальномъ событіи и повѣствуютъ пѣсни. (Разсказъ этотъ записанъ войсковымъ старшиною Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ станицѣ Татищевской отъ Ефима Семеновича Смирнова, старика 100—105 лѣтъ, и Степана Прокофьевича Смирнова 83 лѣтъ)

Въ этой экспедиціи участвовало четыре сотни оренбургскихъ казаковъ и четыре орудія: два единорога и двѣ пушки конно-артиллерійской № 11 роты (нынѣ № 3 батареи) Оренбург. каз. в..

См. Военный лексиконъ: „Турецкая война 1828 и 1829 годовъ,“ „Браиловъ.“ „Михаилъ Павловичъ (т. IX, 1855 г.),“ и Энциклопедію Леера: „Русско-турецкая война 1828—29 г.,“ „Браиловъ,“ „Михаилъ Павловичъ.“

Б. При осадѣ Браилова участвовала уланская дивизія, но были ли гусары, отыскать не удалось.

В. В' В'' В''' Ср Якушкина стр. 554, „Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова“ С. Н Севастьянова стр. 8, Старикова стр. 222.

Ср. ниже пѣсню А „Ахалъ-Текинская экспедиція 1880—1881 г.г.“.

Г. Д. Е. № 9 полкъ переправился черезъ Дунай 9 марта 1829 г. у м. Сатуново.

Д. Ср. „100 пѣсенъ“ стр. 69.

Е. Е' Ср. ниже пѣсню Г „Туркестанскіе походы“ и „Донскія пѣсни“ стр. 111.

З. Ср. Бигдая вып. VIII, стр. 552, Желѣзновыхъ стр. 52—53 и ниже пѣсни А и А' „Крымская война 1853—1856 г.г.“.

Въ сводномъ № 9 полку казаки были изъ слѣдующихъ станицъ: Уфимской, Бакалинской, Нагайбацкой. Елляцкой, Табынской. Разсыпной, Татищевской, Нижнеозерной, Чернорѣченской, Рычковской, Зубочистенской и изъ всѣхъ станицъ по Самарской линіи. (См. „Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова“ С. Н. Севастьянова)

Варіантъ этой пѣсни см. ниже „Турецкая война 1877—1878 г.г.“ пѣсня Д.

М. М' Ср. Старикова стр. 228.

См. Военный лексиконъ: „Польскія войны,“ „Паскевичъ (т. XIV, 1858 г.).“ „Михаилъ Павловичъ (т. IX, 1855 г.)“, и Энциклопедію Леера: „Польская война 1831 г,“ „Паскевичъ,“ „Михаилъ Павловичъ“

Въ Польской войнѣ 1831 г. участвовали № 8 и № 11 Оренбургскіе казачьи полки (есаула Ваулина и войскового старшины Нагашева); за боевые подвиги чины этихъ полковъ получили знаки отличія Царства Польскаго 4 и 5 степеней. Часть казаковъ, бывшихъ въ № 9 полку, послѣ Турецкой войны 1828—1829 г.г. перешла въ составъ № 8 полка и также принимала участіе въ сраженіяхъ съ польскими мятежниками. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

А. Ср. ниже пѣсню Б „Хивинскій походъ 1873 г.,“ выше пѣсню на взятіе Турецкой крѣпости Измаила и Желѣзновыхъ стр. 39—40.

Б. Ср. „100 пѣсенъ“ стр. 55.

В. См. варіантъ этой пѣсни „Хивинскій походъ 1873 г.“ пѣсня Д.

См. Макшеева стр. 148.

стр.

Въ 1839 году изъ Оренбургскаго казачьяго войска было командировано въ экспедицію противъ Хивы 720 казаковъ при 8 офицерахъ и № 15 (нынѣ № 3) Оренбургская казачья батарея подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго. Часть казаковъ, 175 человѣкъ, будучи вмѣстѣ съ 1-ой ротой 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона въ отрядѣ капитана Ерофеева, участвуетъ въ отраженіи 2000 хивинцевъ на урочищѣ Чушка-куль въ ночь съ 19 на 20 декабря 1839 года, причемъ было ранено 3 казака и 9 солдатъ и убито 2 казака и 3 солдата. Казаками командовали зауряд-сотникъ Тырыдановъ и зауряд-хорунжій Вишняковъ. (Дѣла войскового архива Оренбург. каз. войска и Оренбургской ученой архивной комиссіи. Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

А' Пѣсню эту Н. Г. Мякушинъ заимствовалъ изъ № 9 „Древ. и Нов. Россія" 1880 г..

Ср. „Уральцы" т. III стр. 114.

Б. Ср. выше пѣсню „Семилѣтняя война въ царствованіе Императора Петра III."

См. Макшеева стр 123.

См. „Военный сборникъ" 1876 г. № 8: „Изъ путевыхъ замѣтокъ по степи" В. Потто. стр. 407, и Макшеева стр. 123.

А"" Ср. выше пѣсни В' В" „Взятіе Азова въ 1696 году."

Набѣги хивинцевъ особенно усилились въ 1847 и 1848 годахъ послѣ основанія на р Сыръ-Дарьѣ Раимскаго укрѣпленія. (См. Макшеева стр. 174).

А. Ср. „Донскія пѣсни" стр 130 (№ 140).

В. Пѣсня эта подражаніе кавказской пѣснѣ: „Слава русскому солдату съ командиромъ молодцомъ" (см. Мякушина стр. 117).

А. См. Макшеева стр. 183; ср. „Донскія пѣсни" стр. 96 и Кирѣевскаго вып. IX стр. 223.

Б. См. Макшеева стр. 201.

Въ штурмѣ участвовала въ пѣшемъ строю сотня оренбургскихъ казаковъ есаула Сильнова и дивизіонъ № 19 (нынѣ № 1) батареи Оренбургской казачьей конно-артиллерійской бригады (см. „Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова" стр. 10).

См. Макшеева стр. 204.

Въ бою 24 августа 1853 года участвовалъ дивизіонъ № 19 (нынѣ № 1) батареи изъ трехъ легкихъ орудій Оренбургской казачьей конно-артиллерійской бригады подъ командою сотника Соколова. См. приказы по Отдѣльному Оренбургскому корпусу 1853 г. № 277 и 1854 г. № 16. (Сообщилъ С. Н Севастьяновъ).

См. Макшеева стр. 205.

Константинъ Николаевичъ Харитоновъ—зауряд-хорунжимъ съ 11 декабря 1838 г., командовалъ № 18 (нынѣ № 3) батареей съ 5 января 1854 года; за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1853 году противъ коканцевъ награжденъ чинами войскового старшины и подполковника, выдано годовое жалованіе и объявлено особенное Высочайшее благоволѣніе.

Виталій Павловичъ Соколовъ—хорунжимъ съ 7 января 1846 года, командовалъ № 19 (нынѣ № 1) батареей съ 4 августа 1853 г. и № 18 (нынѣ № 3) батареей съ 14 декабря 1858 года; за военныя отличія въ 1853 году награжденъ чинами есаула и войскового старшины, орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, выдано годовое жалованіе и объявлено особое Высочайшее благоволѣніе.

Оба вышеприведенные офицеры находились съ 6 по 28 іюля 1853 г. во

стр.

время производства осадныхъ работъ подъ Акъ-Мечетью и, командуя батареями, содѣйствовали взятію этой крѣпости.

Дивизіонъ № 19 (нынѣ № 1) батареи Оренбургской казачьей конно-артиллерійской бригады участвовалъ въ перестрѣлкѣ 14, 16 и 17 декабря съ коканцами, въ числѣ 13 тысячъ осаждавшихъ Акъ-Мечеть, и при вылазкѣ изъ Акъ-Мечети 18 декабря 1853 года отряда изъ 450 человѣкъ подъ начальствомъ майора Шкупъ и окончательномъ разбитіи коканцевъ.

Крымская война 1853—1856 годахъ. . . . . 148—151.

Изъ Оренбургскаго войска были командированы два полка: № 1 и № 2, но въ сраженіяхъ не участвовали. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

А. А' Ср. Мякушина стр. 89 „Донскія пѣсни" стр. 117, Бигдая вып. VIII стр. 552, Желѣзновыхъ стр. 52—53 и выше пѣсню 3 „Турецкая война 1828—29 г.г."

В. См. „100 пѣсенъ" стр. 81.

Оренбургскіе казаки на царскомъ смотру въ Петербургѣ. . . . . . 151.

Смотры командировъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса. . . . . 152—154.

А. Генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ былъ командиромъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса съ 1857 по 1860 годъ.

А' Генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Павловичъ Безакъ командовалъ Оренбургскимъ отдѣльнымъ корпусомъ съ 1860 по 1864 годъ.

Наступленіе въ Коканское ханство со стороны Сыръ-Дарьи въ 1861 и 1862 годахъ. 154—156.

См. Макшеева стр. 210 и 211.

Въ эти года были взяты коканскія крѣпости: Джулекъ, Яны-Курганъ и Динь-Курганъ.

А. Ср. Мякушина стр. 123 и ниже пѣсни „Занятіе укрѣпленія Чиназъ 17 мая 1865 г." и „Коканскій походъ 1875—1876 г.г." пѣсня **Б.**

Б. Б' См. ниже пѣсню „Рекогносцировка со стороны Сыръ-Дарьи 1863 года."

Рекогносцировка со стороны Сыръ-Дарьи 1863 года. . . . . . 157.

См. Макшеева стр. 212. Въ этотъ годъ полковникъ Черняевъ, замѣнившій на Сыръ-Дарьѣ г.-л. Дебу, обрекогносцировалъ пространство отъ Джулека до Туркестана и весь Каратаусскій хребетъ до коканскаго кургана Чулакъ, причемъ, какъ этотъ курганъ, такъ и другой Сузакъ, сдались.

Ср. выше пѣсни **Б. Б'** „Наступленіе въ коканское ханство со стороны Сыръ-Дарьи въ 1861 и 1862 годахъ."

Мятежъ въ Польшѣ въ 1863 году. . . . . 157—159.

Въ войскѣ сформировано было пять полковъ, двинутыхъ въ Польшу въ іюнѣ 1863 года. Полки въ военныхъ дѣйствіухъ не участвовали. Въ одномъ изъ полковъ № 2 (полковника Алексѣя Михайловича Сильнова) находилась казачка-дѣвица Варвара Зайцева, Спасскаго поселка, Верхнеуральской станицы, пожелавшая служить въ полку и сражаться противъ поляковъ. Зайцева носила форменное обмундированіе, прекрасно ѣздила и стрѣляла. (См. брошюру „Казакъ-дѣвица Варвара Зайцева" С. Н. Севастьянова, 1899 г.).

Туркестанскіе походы. . . . . 159—175.

А. А' Ср. „Донскія пѣсни" стр. 118 и Бигдая вып. XIII стр. 978. Пѣсни эти подражаніе кавказской пѣснѣ: „Вспомнимъ, вспомнимъ мы, ребята, какъ стояли въ Зирянахъ."

А' Пѣсня эта напоминаетъ зимній походъ генерала Черняева къ Дизаху въ 1866 году См. Макшеева стр. 239.

В. Пѣсня эта напоминаетъ бомбардированіе г. Андижана 7—8 января съ высоты Акъ-Чакмакъ и 8 - 9 января 1876 г. съ высоты Гуль-тюбе. Въ бомбардированіи принимала участіе 3-я (нынѣ 1-ая) Оренбургская казачья батарея. См. Макшеева стр. 341.

Г. Пѣсня эта напоминаетъ объ участіи въ Коканскомъ походѣ 1875—1876 г. сотни войскового старшины Рогожникова. Войсковой старшина Василій Ивановичъ Рогожниковъ за отличіе въ дѣлѣ съ непріятелемъ 22 августа 1875 года подъ Махрамомъ 19 февраля 1876 г. награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. (см. приказъ по Оренбург. каз. войску 1876 г. № 70).

Д. Ср. выше пѣсню **Е** „Турецкая война 1828—1829 г.г.". Пѣсня эта напоминаетъ экспедицію противъ батыря Джанъ-Ходжа въ 1857 году. См. Макшеева стр. 131.

Е. Е' Е" Пѣсни эти, вѣроятно, относятся къ походамъ сибирскихъ войскъ въ 1853 и въ 1860 годахъ въ Заилійскомъ краѣ противъ коканцевъ. Въ 1860

стр.

году русскими были взяты важнѣйшія коканскія укрѣпленія Токмакъ и Пишпекъ. Нарынскій край присоединенъ къ Россіи отъ кашгарскаго владѣтеля въ 1868 году.

См. Макшеева стр. 207 и Энциклопедію Леера: „Заилійскій край."

З. З' З" З"' З"" З""' Ср. Кирѣевскаго вып. IX стр. 288.

Дѣло уральцевъ подъ Иканомъ 4—6 декабря 1864 года. . . . . 175—185.

А. См. Мякушина стр. 90 и Макшеева стр. 227. Пѣсня эта сочинена А. П. Хорошхинымъ.

Б' Ср. Мякушина стр. 160.

Занятіе укрѣпленія Чиназъ 17 мая 1865 года. . . . . . . 185.

См. Макшеева стр. 232.

Ср. пѣсни: „Наступленіе въ Коканское ханство со стороны Сыръ-Дарьи въ 1861 и 1862 годахъ" и Б „Коканскій походъ 1875—1876 г.г.".

Чудесное спасеніе Императора Александра II отъ покушенія Каракозова въ 1866 году. 185—186.

Оренбургское войско по этому случаю представляло Всеподаннѣйшій адресъ.

Отставной полковникъ Иванъ Александровичъ Мякутинъ (60 лѣтъ) сообщилъ, что вскорѣ послѣ этого несчастнаго происшествія появилась пѣсня, изъ которой онъ помнитъ одинъ куплетъ:

„Каракозовъ, ровно кротъ,
Пробирался межъ народъ."

Война съ Бухарою 1866—1868 г.г. . . . . 186—198.

Б. Ср. Старикова стр. 226 и Мякушина стр. 162; см. Макшеева стр. 241.

В. См. Макшеева стр. 250.

Г. Ср. Мякушина стр. 134 и см. Макшеева стр. 252—253.

Д. См. Макшеева стр. 262.

Ж. См. Макшеева стр. 267.

З. З' См Макшеева стр. 268 и ср. Мякушина стр. 164.

Нападеніе киргизовъ на Новоилецкій поселокъ (Буранной станицы) въ 1869 году. . 198.

Войсковой старшина Н. К. Бухаринъ въ своихъ путевыхъ запискахъ относитъ это событіе къ 6 апрѣля 1869 года.

Шахрисябская экспедиція. Осада и штурмъ г. Китаба 11-14 августа 1870 года. . 200.

См. Макшеева стр. 276.

Пѣсня эта сочинена ветеринарнымъ фельдшеромъ Георгіемъ Киселевымъ со словъ урядника Нижнеозерной станицы Евдокима Фролова (65 л.) въ 1902 году, участника этой экспедиціи.

Хивинскій походъ 1873 года. . . . . 201—207.

А. А' См. Мякушина стр. 99. Пѣсня эта сочинена А. П. Хорошхинымъ.

Б. Ср. „Уральцы" т. I стр. 16, Мякушина стр. 101, „100 пѣсенъ" стр. 54, „Донскія пѣсни" стр. 84 и 112, Желѣзновыхъ стр. 39—40 и выше „Взятіе турецкой крѣпости Измаила" и пѣсню А „Польское возстаніе 1830—1831 г.г.".

В. Ср. Мякушина стр. 88 и Старикова стр. 233.

Г. Ср. ниже пѣсню Г „Турецкая война 1877—1878 г.г.".

Описаніе боя подъ Чандыромъ (около г. Ильялы—центра туркменскихъ кочевокъ) см. „Описаніе Хивинскаго похода 1873 года" Ѳ. Лобысевича 1898 г. стр. 253.

Д. Ср. выше пѣсню В „Польское возстаніе 1830—1831 г.".

Въ пѣснѣ этой, безусловно передѣланной изъ пѣсни, относящейся къ Польскому возстанію 1830—1831 г г., встрѣчается, по отношенію къ Хивинскому походу 1873 г., историческая неточность: въ Хивинскомъ походѣ дѣйствительно были Великій Князь Николай Константиновичъ и Князь Евгеній Максимиліановичъ Герцогъ Лейхтенбергскій, но они не командовали самостоятельными колоннами или отрядами, въ пѣсни же поется, что будто бы какой-то Великій Князь, будучи начальникомъ большого отряда, собирается въ походъ на Хиву.

Коканскій походъ 1875—1876 г.г. . . . . 207—213.

А. А' Ср. ниже пѣсню Б' „Турецкая война 1877—1878 г.г." и Мякушина стр. 165.

Б. Ср. выше пѣсни А „Наступленіе въ коканское ханство со стороны Сыръ-Дарьи въ 1861 и 1862 годахъ" и „Занятіе укрѣпленія Чиназъ 17 мая 1865 г.".

В. Ср. выше на стр. 190 пѣсню „Дѣйствія дизахскаго отряда“ и Бигдая вып. IV, стр. 231.

Г. Ср Мякушина стр. 167.

См. приказы по Оренбург. воен. округу 1876 г. № 284 и 344.

Полкъ № 5 (нынѣ № 2) сформированъ изъ учебной сотни и кордонной стражи Оренбург. войска (см. „Оренбург. губ. вѣд.“, часть неофиц., 1896 г. № 11: „Къ вопросу о наименованіи улицъ Оренбург. станицы“ С. Н. Севастьянова.).

Въ военныхъ дѣйствіяхъ на Малоазіатскомъ театрѣ участвовали № 6 полкъ войскового старшины Шейхъ-Али и № 7 войскового старшины фонъ-Моренгшильда.

А. Ср. Бигдая вып. X стр. 758.

Б. Ср. выше „Коканскій походъ 1875—1876 г.г.“ пѣсни А. и А'.

Г. Ср. выше пѣсню Г „Хивинскій походъ 1873 г.“

Войска были сосредоточены въ Джамѣ, Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ. См. Макшеева стр. 345.

Въ Ахалъ-Текинской экспедиціи участвовали штабъ, № 1, № 2 и № 3 сотни 5-го (нынѣ № 2) полка и № 1 сотня 4-го (нынѣ № 1) полка Оренбургскаго казачьяго войска.

См. Макшеева стр. 356 и Старикова стр. 122.

А. Ср. выше пѣсню Б. В' В'' В''' „Турецкая война 1828—1829 г.г.“.

Б. Для сопровожденія транспорта и верблюдовъ для Ахалъ-Текинской экспедиціи были командированы три сотни № 5 (нынѣ № 2) Оренбург. каз. полка, квартировавшаго въ г. Уфѣ. Изъ Уфы одна сотня выступила 20, а двѣ 23 мая 1879 г. (см. „Война въ Туркменіи“ Н. И. Гродекова, т. II, стр. 240), затѣмъ они вошли въ составъ дѣйствующихъ войскъ.

Г. Ср. Бигдая вып. IX стр. 261.

Д. Въ день штурма 12 января 1881 г. № 1 сотня 5-го (нынѣ № 2) полка войскового старшины Николаева находилась въ укрѣпленіи Бами, № 3 войскового старшины (нынѣ генералъ-майоръ въ отставкѣ) Веніамина Казанцева —въ Самурскомъ укрѣпленіи, а № 2 сотня войскового старшины Грекова (нынѣ начальникъ Оренб. казач. дивизіи, находящейся въ Манчжурской арміи) была въ Великокняжеской калѣ, при штурмѣ Геокъ-Тепе и преслѣдовала непріятеля. (Сообщилъ С. Н. Севастьяновъ).

Б. В. Г. Д. Сочинитель этихъ пѣсенъ медиц. фельд. (станицы Оренбургской) Григорій Даниловичъ Лукьяновъ (нынѣ коллежскій асессоръ) участвовалъ въ походѣ трехъ сотенъ № 5 (нынѣ № 2) полка. Сотни эти были въ слѣдующихъ дѣлахъ съ текинцами: 4, 12 и 21 декабря 1880 г., при осадѣ и въ день штурма 12 января 1881 г. крѣпости Геокъ-Тепе.

Е. Взята изъ Старикова стр. 235.

Года черезъ три послѣ основанія Оренбурга на теперешнемъ мѣстѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, отважный казакъ Аѳанасій Федуринъ (изъ самарскихъ казаковъ) завелъ себѣ хуторъ въ отрогахъ Общаго Сырта на р. Нижней Каргалкѣ, верстахъ въ 45 къ сѣверо-западу отъ Оренбурга. Вскорѣ недалеко отъ него поселился казакъ Рѣпинъ. Мѣстность, гдѣ обосновались эти казаки, въ то время была покрыта густымъ лѣсомъ и изобиловала разбойниками. Новоселы занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ. Во время пугачевскаго бунта Федуринъ съ семействомъ уѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ у него былъ свой домъ, оставивъ весь скотъ на хуторѣ подъ надзоромъ работника—новокрещеннаго башкира. Башкиръ этотъ, долго не получая извѣстій отъ хозяина, погналъ весь скотъ (60 головъ рогатаго скота и сотня лошадей) въ Бердскую слободу и сдалъ его мятежникамъ. Рѣпины пристали къ Пугачеву; двое изъ нихъ были у бунтовщика вѣстовыми и посылались имъ на лыжахъ на развѣдку въ крѣпость Татищеву. Вскорѣ послѣ Пугачевскаго бунта въ

Краткій хронологическій перечень событій, относящихся до Оренбургскаго казачьяго войска.

Годы.

1574 Воевода Иванъ Нагой при участіи прикамскихъ казаковъ (впослѣдствіи получившихъ названіе „уфимскихъ") и конныхъ московскихъ стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, взятыхъ изъ Москвы, основалъ укрѣпленіе на р. Бѣлой.

1575 Уфимскіе казаки участвуютъ въ защитѣ укрѣпленія Уфы отъ нашествія сибирскихъ царевичей Аблая и Тевкеля и пораженіи ихъ.

1575 Уфимскіе казаки за военные подвиги Высочайше награждены золотыми деньгами (московками).

1582 Уфимскіе казаки участвуютъ въ военномъ походѣ при усмиреніи башкиръ.

1586 Основаніе укрѣпленія Самары.

1615 Самарскіе казаки оказали мужество и храбрость при защитѣ укрѣпленія Самары, гдѣ они разбили и прогнали ногаевъ.

1639 Самарскіе казаки участвовали при разбитіи на голову десяти тысячъ калмыковъ, осадившихъ Самару.

1643 За военные подвиги въ дѣлахъ съ ногаями и калмыками самарскіе казаки Высочайше награждены вѣстовымъ колоколомъ съ надписью: „Лѣта 7151 (1643) Господня августа въ 26-ой день по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Θеодоровича всея Руси указу сей вѣстовой колоколъ присланъ съ Москвы на Самару и вѣсу въ немъ 14 пудъ и 25 гривенокъ."

1649 Исетскій конный казакъ Давыдъ Андреевъ основалъ острожокъ Красный боръ.

1650 Тотъ же казакъ Давыдъ Андреевъ основалъ на р. Исети два острожка: Устьміасскій и Исетскій.

1650 Атаманъ Бѣлошейкинъ съ казаками основалъ Колчаданскій острогъ на рѣчкѣ Колчаданкѣ (притокъ Исети).

1645, 1662, 1664, 1676, 1680, 1683 Самарскіе и уфимскіе казаки участвуютъ въ пограничныхъ дѣлахъ противъ башкиръ и ногаевъ.

1685 Основанъ острогъ Верхнеміасскій (нынѣ станица Міасская).

Годы.	
1689 1696 1700	Самарскіе казаки за военные подвиги Высочайше награждены землей въ потомство.
1696	Уфимскіе казаки Высочайше награждены за военные подвиги землей въ потомственное владѣніе, отведенной вокругъ Уфы на 15 верстъ. Кромѣ того, уфимскіе казаки въ разное время были награждены четырьмя знаменами.
1700	По повелѣнію Царя Петра I основано Алексѣевское укрѣпленіе.
1703	По указу того же Царя основано Сергіевское укрѣпленіе.
1705—1708	Самарскіе и уфимскіе казаки участвуютъ въ военныхъ походахъ при усмиреніи башкиръ.
1724	Самарскіе казаки участвуютъ въ походѣ въ составѣ Низоваго корпуса на Гилянь противъ персіянъ, за что жалованы въ 1734 году деньгами на „сабли“ и прогонными деньгами „противъ донскихъ и яицкихъ казаковъ.“
1725	Атаманъ Яицкаго войска Василій Араповъ основываетъ Сакмарскій городокъ, гдѣ по преданію онъ встрѣтился съ атаманомъ исетскихъ казаковъ Горевановымъ.
1732	Уфимскіе казаки участвуютъ въ защитѣ г. Уфы отъ бунтовавшихъ башкиръ.
1734	Четыре роты самарскихъ казаковъ, по ходатайству атамана ихъ Ивана Чернаго, Высочайше награждены четырьмя знаменами.
1734	Для построенія г. Оренбурга при устьѣ р. Ори, разрѣшено статскому совѣтнику Кириллову взять уфимскихъ казаковъ.
1734	Основана Верхнеяицкая крѣпость.
1735	Самарскіе дворяне Высочайше награждены двумя знаменами. Дворяне эти зачислены въ казаки при началѣ экспедиціи Кириллова.
1735	Уфимскіе казаки находились при основаніи г. Оренбурга на р. Ори.
1735—1740	Самарскіе и уфимскіе казаки находились при подавленіи башкирскихъ мятежей.
1736	Для поселенія при Оренбургѣ и въ другихъ линейныхъ мѣстахъ легкихъ войскъ повелѣно принять охотниковъ изъ яицкихъ казаковъ до 500 человѣкъ и изъ сибирскихъ ближнихъ городовъ казачьихъ и дворянскихъ дѣтей до 1000 человѣкъ.
1736	Уфимской провинціи ясачные татары Нагайбацкой крѣпости за преданность правительству во время бывшаго въ 1735 г. башкирскаго бунта зачислены въ казаки.
1736	Сакмарскаго городка казакомъ Иваномъ Масловымъ заселенъ охочими людьми Озерный городокъ (нынѣ Верхнеозерная станица) и старшиной Степаномъ Шацкимъ Бердская казачья слобода. О заселеніи ихъ дана имъ была грамота отъ стат. совѣт. Кириллова.
1736	Построены въ Башкиріи тыльныя крѣпости: Красноуфимская (нынѣ городъ Пермской губерніи), Табынская, Елдяцкая, Бакалинская и Нагайбацкая.
1736—1876	Сторожевая служба казаковъ по линіямъ Оренбургскаго края. Отмѣна кордоновъ по положенію 10 іюня 1876 г..

Годы.	
1739—1740	Пятьдесятъ оренбургскихъ казаковъ, посланныхъ для защиты желѣзнаго завода графа Шувалова, уничтожены въ 30 верстахъ отъ крѣпости Зелаиръ напавшими на нихъ башкирами.
1748	Экспедиція подъ начальствомъ генералъ-майора Тевкелева для переговоровъ съ киргизъ-кайсаками по поводу ихъ просьбы о подданствѣ Россіи.
1755	Оренбургскіе казаки усмиряли бунтовавшихъ башкиръ и волновавшихся крестьянъ.
1756	21 мая пожалованы Оренбургскому войску два знамени: большое войсковое и малое войсковое.
1761—1763	Поиски по киргизской степи, гдѣ казаки почти ежедневно вступали въ бой съ киргизами.
1771	Преслѣдовали въ киргизской степи волжскихъ калмыковъ, отложившихся отъ Россіи и ушедшихъ къ китайской границѣ подъ начальствомъ атамана Могутова.
1771—1772	Прекращали сдѣланные яицками старшинами и казаками безпорядки и участвовали въ первыхъ стычкахъ съ Пугачевымъ.
1773—1774	Принимали дѣятельное участіе на всемъ охваченномъ Пугачевскимъ мятежомъ пространствѣ въ Оренбургской и Симбирской губерніяхъ, состоя подъ начальствомъ: князя Голицына, Станиславскаго, Деколонга, Чернышева, Бибикова, Михельсона и другихъ, и находились при отраженіи скопищъ Пугачева отъ городовъ: Оренбурга, Яицка, Уфы, и крѣпостей: Верхнеозерной, Верхнеяицкой, Челябинской и проч..
1773—1774	Защищали самарскую дистанцію отъ киргизовъ, съ которыми многократно имѣли сраженія.
1774	Подъ начальствомъ статскаго совѣтника Тимашева усмиряли бунтовавшихъ башкиръ.
1774—1775	Участвовали при блокадѣ Яицкаго городка и усмиреніи тамъ мятежа.
1778	Участвовали въ поискахъ за киргизами въ степяхъ.
1778	Раззореніе и сожженіе киргизами до основанія Гирьяльскаго редута и уводъ жителей въ плѣнъ.
1790—1792	Участвовало 150 казаковъ изъ Оренбургскаго казацкаго корпуса въ Шведской кампаніи, за которую всѣ чины были награждены медалями съ надписью: „За службу, храбрость и миръ со Швеціей,“ и выданы похвальные аттестаты двѣнадцати урядникамъ и казакамъ отъ начальника команды секундъ-майора Бориса Мертваго за боевыя отличія.
1791—1792	Содержали кордоны по р. Двинѣ, состоя въ Финляндской арміи, на границѣ Курляндіи.
1794—1795	Участвовали въ поискахъ по степямъ за киргизами.
1796	Переселеніе донцовъ изъ пяти станицъ на Оренбургскую линію за участіе въ бунтѣ есаула Рубцова.
1798	Оренбургскіе казаки уничтожили шайку киргизъ и отбили захваченныхъ ими въ плѣнъ шесть человѣкъ крестьянъ изъ деревни помѣщика Тимашева за Сакмарой.
1804—1805	Находились въ г. Уральскѣ для прекращенія вспыхнувшаго безпорядка по случаю введенія новаго положенія.

Годы.

1805 Оренбургская линія усиливается возведеніемъ новыхъ поселеній и водвореніемъ въ нихъ и въ прежде устроенныя крѣпости казаковъ изъ станицъ Исецкаго войска и станицъ: Красноуфимской, Елдяцкой и Табынской. Вызванные по этому случаю на линію нѣкоторые казаки станицъ: Чебаркульской, Еткульской и Міясской, съ упорствомъ отказались отъ переселенія, но принятыми противъ нихъ мѣрами строгости были приведены въ повиновеніе и поселены на назначенныхъ мѣстахъ.

1807 Два полка, № 1 и № 2, подъ начальствомъ полковника Углицкаго (бывшаго потомъ войсковымъ атаманомъ) участвовали въ войнѣ съ французами; они содержали передовыя цѣпи противъ корпусовъ Массены и Вреде и были въ сраженіи при мѣстечкѣ Гонюлезе.

1809 По заключеніи мира съ Франціей полки были передвинуты въ Молдавскую армію противъ турокъ. Въ войнѣ съ турками они находились подъ главнымъ начальствомъ графа Платова и участвовали при взятіи Силистріи, въ сраженіи при Шумлѣ, осадѣ этой крѣпости и отраженіи бывшихъ изъ оной вылазокъ, въ сраженіяхъ подъ Рущукомъ, при селеніи Батинѣ и разбитіи у онаго турецкихъ войскъ, при занятіи Никополя, при осадѣ Браилова, занятіи Мачина. Гирсова и Кюстенджи, при взятіи укрѣпленія Рассевата и разбитіи сераскира.

За мужество и храбрость, высказянные при этихъ дѣлахъ, объявлено полкамъ Высочайшее благоволеніе, а нѣкоторые офицеры (Авдѣевъ, Савастьяновъ, Зайковъ, Углецкій) удостоены Высочайшихъ рескриптовъ; офицеры получили ордена, а нижніе чины знаки военнаго ордена.

1810 Начато заведеніе Новоилецкой линіи, которая шла отъ Куралинской линіи въ верховьяхъ р. Илека до Илецкаго городка.

1812 Часть перваго Оренбургскаго полка, вошедши съ Дунайской арміей въ Волынскую губернію, участвовала въ сраженіяхъ съ австрійскими и саксонскими войсками при занятіи Любомиля, подъ Брестъ-Литовскомъ и Борисовомъ, при осадѣ Данцига, при деревнѣ Страховой въ сраженіи съ французскими и другими войсками, при мѣстечкѣ Младечнѣ и въ преслѣдованіи непріятеля за Нѣманъ. Полкъ былъ потомъ въ Бессарабіи и въ Херсонской губерніи для содержанія кордоновъ по Пруту и Днѣстру, гдѣ и находился по 1819 годъ, когда вмѣстѣ со вторымъ полкомъ, содержавшимъ кордоны по турецкой границѣ, послѣ заключенія мира, возвратился въ войско. Прежде чѣмъ эти два полка, прослужившіе сряду 12 лѣтъ, возвратились на родину, на смѣну имъ были высланы изъ войска другіе два полка: № 4 и № 5.

1812—1814 Въ войнѣ союзникомъ съ французами 1813—1814 г.г. находились подъ главнымъ начальствомъ знаменитаго графа Платова два полка: тысячный Атаманскій и пятисотенный полкъ майора Бѣлякова.

Полки участвовали въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ. Полкъ Атаманскій принималъ участіе въ осадѣ и сдачѣ Данцига, возвратился на родину 13 декабря 1814 года. Полкъ № 3 участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, при блокадѣ крѣпости Глогау, подъ Веймарномъ, Гонау, при преслѣдованіи непріятеля къ Франкфурту и далѣе за Рейнъ, вмѣстѣ съ арміей вступилъ въ предѣлы Франціи, былъ при взятіи Шатобріана и Парижа.

Многіе изъ казаковъ № 3-го полка были зачислены въ отряды партизановъ Кайсарова, Сеславина, Фигнера и Чернышева и съ послѣднимъ участвовали въ движеніи на Берлинъ.

1816—1820 Оренбургскіе казаки содержали кордоны по прусской границѣ.

1817 По Оренбургской линіи возобновлены „симы" для изобличенія прорыва киргизовъ.

1818 Отправленъ изъ войска одинъ полкъ, сформированный въ Самарѣ на Днѣстръ для содержанія кордоновъ.

Годы.

1819 Сформированы двѣ конно-артиллерійскія роты: № 10 и № 11.

1820 Сотня оренбургскихъ казаковъ при двухъ орудіяхъ № 10 роты (нынѣ № 2 батареи) прикрывала миссію, посланную въ Бухару.

1821 Прикрывали въ степи инженерныхъ офицеровъ: Артюхова и Тафаева, составлявшихъ маршрутную карту путей между рѣками Орью, Улькоякомъ, Кара-Тургаемъ и Тоболомъ.

1822 Съ этого года начинаются командировки оренбургскихъ казаковъ въ Нижній-Новгородъ на время ярмарки, въ Казанскую и Пермскую губерніи и въ Москву вмѣсто отбывавшихъ полицейскую службу донцовъ.

1823 Сопровождали по степи горныхъ офицеровъ.

1824 Посѣщеніе 13 сентября Государемъ Императоромъ Александромъ I г. Оренбурга и Оренбургскаго края.

1824—1825 Сопровождали по киргизской степи купеческій караванъ, отправленный въ Бухару; находились въ дѣйствіи противъ хивинскихъ войскъ, направленныхъ на караванъ, которыя были отражаемы въ продолженіи сряду тринадцати дней. Караванъ принужденъ былъ вернуться назадъ.

1825—1826 Въ военно-ученой экспедиціи генеральнаго штаба полковника Берга къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря противъ морскихъ разбойниковъ и на Усть-Уртъ.

Въ этой экспедиціи участвовало четыре сотни и четыре орудія № 11 (нынѣ № 3) батареи Оренбургскаго войска.

1826 Упразднена въ 1820 году станица Красноуфимская, а казаки изъ нея поселены на Новоилецкой линіи, въ форпостахъ: Линевскомъ, Новоилецкомъ, Буранномъ и Изобильномъ. Въ помощь переселенцамъ дано 49355 рублей ассигнаціями. Переселеніе это предполагалось въ 1822 году, но совершено только въ 1826 году, потому что казаки уклонялись отъ переселенія, за что 76 человѣкъ были преданы военному суду, но были прощены подъ условіемъ подчиненія переселенію.

1827 Полкъ № 8, подъ командой есаула Ваулина, смѣнилъ на границахъ Турціи находившійся тамъ № 6 Оренбургскій казачій полкъ.

1828—1829 Сводный № 9 полкъ, подъ командой есаула Падурова, принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ турками на Европейскомъ театрѣ войны и награжденъ знаменемъ съ надписью: „За отличіе въ Турецкую войну 1829 года,“ а чины полка орденами, медалями и деньгами.

Полкъ этотъ участвовалъ въ 1829 году: 5 мая при Эски-Арнаутъ-Ларѣ, 18 мая въ сшибкѣ съ турецкой кавалеріей на позиціи у мѣстечка Козлуджи, 25 мая въ дѣлѣ при Невчинской долинѣ, 30 мая при разбитіи арміи верховнаго визиря при селеніи Кулевчѣ, 30 и 31 мая въ преслѣдованіи разбитыхъ при этомъ селеніи турецкихъ войскъ, съ 6 по 28 іюня въ различныхъ поискахъ при м. Джумаю и въ Деліорманскомъ лѣсу, 25 іюля въ дѣлѣ подъ крѣпостью Шумлою, 8 августа при разбитіи турецкихъ фуражировъ подъ Шумлою, 29 августа при отраженіи вылазки изъ крѣпости Шумлы турецкихъ войскъ подъ начальствомъ верховнаго визиря.

1830—1832 Сводный № 9 полкъ держалъ кордоны по р. Пруту.

1831 5 офицеровъ, 9 урядниковъ и 167 казаковъ 9-го полка, участвовавшихъ въ Турецкой кампаніи, были отправлены въ ноябрѣ 1830 года въ Царство Польское на укомплектованіе № 8 полка и въ 1832 г.—11-го полка. Полки № 8 и № 11 участвовали въ дѣлахъ противъ польскихъ войскъ и возвратились на родину далеко не комплектными, несмотря на то, что вой-

Годы.

ско, во все продолженіе кампаніи, посылало новыхъ людей на ихъ укомплектованіе. Чины полковъ за боевые подвиги удостоены знаковъ отличія Царства Польскаго 4 и 5 степеней

1835—1836 Заведена Новая линія (отъ крѣпости Орской до редута Березовскаго на р. Уѣ) съ укрѣпленіями.

1835 Введена общественная запашка полей. Нѣкоторые станицы оказали неповиновеніе; 46 главныхъ ослушниковъ были наказаны шпицрутенами и переселены на Новую линію.

1836 Высланъ въ степь двухсотенный отрядъ подъ начальствомъ командира Оренбургскаго непремѣннаго полка полковника Падурова по случаю подстрекательства киргизовъ хивинскими эмиссарами и сборщиками податей.

1836 Хорунжій Степановъ съ 27 казаками разбилъ 300 человѣкъ хищныхъ киргизовъ и захватилъ у нихъ 133 верблюда и девять лошадей. (Приказъ по Оренб. каз. войску 1836 г. № 141).

1837 Посѣщеніе (12—15 іюня) Оренбургскаго края и войска Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Парадъ сводному полку оренбургскихъ казаковъ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества. Конвой изъ оренбургскихъ казаковъ до предѣловъ Уральскаго войска.

1838 Оренбургскіе казаки находились, подъ начальствомъ полковника Геке, подполковника Падурова и полковника Мансурова, въ киргизской степи для наказанія и истребленія мятежныхъ киргизскихъ шаекъ. Шайки эти были ими разбиты и разсѣяны.

1839 Дѣйствовали въ отрядѣ войскового старшины Лебедева противъ султановъ Аблаевыхъ, причемъ въ отрядѣ находилось два орудія № 15 (нынѣ № 3) батареи.

1839 Два трехфунтовыхъ единорога № 15 (нынѣ № 3) батареи и двѣ сотни Оренбургскаго казачьяго войска состояли въ отрядѣ полковника Жемчужникова для охраны мирныхъ киргизовъ отъ грабежа шаекъ Кенисары и Джуламана и отправляемыхъ изъ г. Оренбурга къ складамъ въ степи транспортовъ и для заготовленія на урочищѣ Бишъ-Тамакъ сѣна для экспедиціоннаго отряда въ Хиву.

1839 Два шестифунтовыхъ орудія и два трехфунтовыхъ единорога артиллеріи Оренбургскаго казачьяго войска въ отрядѣ полковника Жемчужникова при заложеніи Эмбенскаго укрѣпленія и заготовленія въ немъ сѣна для Хивинской экспедиціи.

1839 Оренбургскіе казаки командированы въ Эмбенское и Акъ-Булакское укрѣпленія вмѣсто отпущенныхъ на линію башкиръ.

1839 300 оренбургскихъ казаковъ подъ командой подполковника Падурова въ августѣ высланы въ степь для наказанія киргизовъ Байдулинскаго рода. Команда возвратилась въ сентябрѣ, потерявъ 73 лошади вслѣдствіе безпрерывнаго усиленнаго движенія и недостатка корма.

1839 Въ ноябрѣ выступила команда въ 165 казаковъ при 6 офицерахъ для прикрытія ученой экспедиціи, посланной къ берегамъ Аральскаго моря.

1839—1840 Участвовали въ зимней экспедиціи въ Хиву; причемъ 75 казаковъ съ ротой капитана Ерофѣева въ ночь на 19 декабря 1839 года отбили пять атакъ 2000 хивинцевъ при урочищѣ Чушка-Куль (единственное дѣло за весь зимній походъ, бывшее въ отрядѣ).

Годы.

1842 Оренбургскому войску пожаловано 10 полковыхъ знаменъ при Высочайшей грамотѣ 18 ноября 1842 года.

1842 Ставропольское калмыцкое казачье войско присоединено къ Оренбургскому войску и переселено на Новую Оренбургскую линію.

1843 Отрядъ войскового старшины Лебедева изъ 304 оренбургскихъ казаковъ, при одномъ трехфунтовомъ единорогѣ Оренбургской казачьей артиллеріи, дѣйствовалъ противъ султана Кенисары Касимова.

1843 Оренбургскіе казаки находились въ отрядѣ полковника Дуниковскаго, направленнаго противъ султана Кенисары Касимова. Въ этомъ отрядѣ участвовало четыре конныхъ орудія артиллеріи и 500 казаковъ Оренбургскаго войска.

1843 По случаю возникшихъ въ Челябинскомъ уѣздѣ между государственными крестьянами безпорядковъ при введеніи общественной запашки, были собраны всѣ льготные казаки изъ шести ближайшихъ къ мѣсту безпорядка полковыхъ округовъ и льготная № 18 (нынѣ № 1) батарея съ шестью орудіями, которые при содѣйствіи регулярной пѣхоты подавили безпорядки.

1844 Оренбургскіе казаки участвовали въ отрядѣ полковника Дуниковскаго, направленнаго противъ султана Кенисары Касимова.

1844 14 августа раззореніе Кенисарой Касимовымъ Екатерининскаго отряда и уводъ въ плѣнъ 40 человѣкъ.

1844 Два отряда казаковъ прикрывали полуинструментальную съемку въ киргизской степи.

1845 Высылались въ степь два отряда съ тремя единорогами № 18 (нынѣ № 1) батареи для удержанія набѣговъ Кенисары Касимова.

1846 Повелѣно прислать 30 человѣкъ изъ Оренбургскаго войска для службы въ гвардіи.

1847 Возведеніе Раимскаго укрѣпленія на берегахъ р. Сыръ-Дарьи.

1848 Отрядъ изъ 250 оренбургскихъ казаковъ подъ начальствомъ войскового старшины Иванова конвоировалъ транспортъ съ припасами для Уральскаго укрѣпленія и служилъ прикрытіемъ съемочной партіи. 26 мая войсковой старшина Ивановъ со 110 казаками разбилъ хивинскій отрядъ въ 1500 человѣкъ.

1849 Оренбургскіе казаки поселены въ Новопетровскомъ, Раимскомъ, Оренбургскомъ, Уральскомъ и Карабутакскомъ укрѣпленіяхъ.

1849—1850 Два Оренбургскихъ полка командированы въ походъ противъ венгровъ, но затѣмъ были возвращены.

1853 Двѣ сотни и дивизіонъ № 19 (нынѣ № 1) батареи Оренбургскаго казачьяго войска, предводимые своимъ наказнымъ атаманомъ генералъ-маіоромъ Падуровымъ, находились въ Акъ-Мечетской экспедиціи и участвовали въ слѣдующихъ дѣлахъ: при занятіи и уничтоженіи крѣпости Джулека, 28 іюля въ штурмѣ Акъ-Мечети (нынѣ фортъ Перовскій), 24 августа въ бою съ кокандцами на урочищѣ Кумъ-Суатъ и при отбитіи нападенія коканскаго отряда, осаждавшаго Акъ-Мечеть 14—19 декабря.

За вышеуказанныя дѣла офицеры получили чины и ордена, а нѣкоторые нижніе чины знаки отличія военнаго ордена.

1853 Подъ командой войскового старшины Пономарева посылались съ однимъ орудіемъ на усиленіе отряда султана-правителя западной части орды для преслѣдованія мятежника Исета Кутебарова.

Годы.

1854 Два полка № 1 и № 2 командированы въ армію противъ англо-французовъ (походъ къ западнымъ границамъ Имперіи), но въ дѣлахъ не участвовали, будучи задержаны на походѣ.

1854—1856 Одинъ изъ полковъ находился въ корпусѣ, оберегавшемъ берега Финляндіи отъ вторженія непріятеля.

1855 Въ іюлѣ мѣсяцѣ шесть казаковъ отбили нападенія 150 киргизовъ при урочищѣ Кій-Булакѣ. (Приказъ по Оренбург. каз. в. 1856 г. № 9).

1855 29 августа на рѣкѣ Темирѣ 15 казаковъ были окружены 500 киргизовъ. Четыре часа отбивались казаки отъ мятежниковъ и всѣ легли на полѣ сраженія. Остался въ живыхъ только одинъ казакъ Нижнеозерной станицы Иванъ Михайловъ, котораго киргизы взяли въ плѣнъ. Несмотря на страшныя раны, Михайловъ ночью бѣжалъ и повѣдалъ о печальной судьбѣ своихъ товарищей. (Приказ. по Оренб. каз. в. 1856 г. № 14).

1855—1856 Оренбургскіе казаки находились въ составѣ двухъ отрядовъ, посланныхъ для наказанія и уничтоженія мятежныхъ шаекъ киргизовъ: первый въ 600 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Кузьминскаго, въ этомъ отрядѣ находились два орудія № 17 (нынѣ № 2) батареи, а второй изъ трехъ сотенъ подъ командой полковника Плотникова.

1856 Съ есауломъ Качуровымъ преслѣдовали скопища коканцевъ, появившихся на рѣкахъ Тургаѣ и Джиланчикѣ.

1857 Съ полковникомъ Плотниковымъ посылались для поиска въ степи бунтовавшихъ скопищъ киргизовъ.

1858 Служили для прикрытія почетной миссіи въ Хиву и Бухару подъ начальствомъ флигель-адъютанта Игнатьева.

1859 Были посланы отряды въ Бузулукскій и Оренбургскій уѣзды для водворенія порядка между жителями, взволновавшимся противъ служащихъ по виннымъ откупамъ.

1861 Были отправлены три отряда въ распоряженіе оренбургскаго и пермскаго гражданскихъ губернаторовъ и главнаго начальника горныхъ заводовъ Уральскаго хребта для содѣйствія земской полиціи по введенію уставныхъ грамотъ.

1863—1865 Пять полковъ находились на западной границѣ Имперіи по случаю польскаго мятежа. Три полка служили въ Царствѣ Польскомъ, одинъ въ Бессарабіи и одинъ въ Кіевской губерніи. Въ одномъ изъ полковъ (2-мъ, полковника Сильнова) служила добровольцемъ дѣвица-казачка Варвара Зайцева.

1864 По вызову, для заселенія западной части Кавказскаго хребта, изъ Оренбургскаго войска вышло 414 семействъ; многіе затѣмъ вернулись домой вслѣдствіе нездороваго климата (лихорадка).

1864 Оренбургскіе казаки на передовой коканской линіи участвовали въ полевомъ дѣлѣ въ отрядѣ капитана Мейера и при взятіи крѣпостей: Ауліеата, Туркестана и Чимкента.

1865 Участвовали при взятіи крѣпости Ніазбека, затѣмъ въ стычкахъ подъ Ташкентомъ и при взятіи штурмомъ этого города, а также въ разныхъ дѣлахъ при занятіи Зачирчикскаго края.

Въ штурмѣ г. Ташкента дѣятельное участіе принималъ взводъ № 1 (нынѣ № 2) батареи Оренбургскаго казачьяго войска.

Годы.

1866 Въ полевыхъ дѣлахъ: 12 января, 14 февраля, 5, 8 и 25 апрѣля, 8 мая при разбитіи бухарской арміи на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, 14 мая при занятіи крѣпости Нау, съ 20 по 24 мая при осадѣ и взятіи штурмомъ крѣпости Ходжента, съ 20 сентября по 2 октября при штурмѣ крѣпости Ура-Тюбе, 6 октября при занятіи крѣпости Заамина, съ 12 по 18 октября при осадѣ и штурмѣ крѣпости Дизаха.

1867 Дѣло сотни есаула Ончокова на урочищѣ Сары-Булакъ. Сотня (78 казаковъ) была атакована шайкой батыря Садыка (сынъ Кенисары) въ двѣ съ половиной тысячи человѣкъ, отъ которой отбивалась трое сутокъ. (См. Макшеева стр. 252).

1867 Оренбургцы участвовали при занятіи крѣпости Яны-Кургана и 7 іюня при разбитіи сорокатысячной бухарской арміи при рѣкѣ Акъ-Булакъ.

1868 Участвовали 15 апрѣля при отраженіи бухарскихъ войскъ отъ нашего лагеря при укрѣпленіи Ключевомъ, 1 мая при занятіи Самаркандскихъ высотъ, 2 мая при занятіи самаго Самарканда, 12 мая подъ Ургутомъ, 23, 27 и 29 мая подъ Катты-Курганомъ, 27 мая при Кара-Тюбе и 28 мая при занятіи Самаркандскихъ садовъ, 2 іюня въ бою на Зирабулакскихъ высотахъ, съ 2 по 8 іюня въ защитѣ цитадели г. Самарканда и 8 іюня при вторичномъ занятіи этого города.

2-й дивизіонъ № 2 (нынѣ № 3) батареи за эти дѣла получилъ знаки отличія на головные уборы съ надписью: «За отличіе въ 1868 году».

1869 Сакмарская станица Уральскаго войска присоединена къ Оренбургскому войску.

1869 Нападеніе киргизъ на Новоилецкій поселокъ Буранной станицы.

1869 Походы въ киргизскую степь противъ мятежниковъ.

1870 Оренбургскіе казаки 25 іюня участвовали въ полевомъ дѣлѣ съ шахрисябцами и 13 и 14 августа при осадѣ и штурмѣ г. Китаба.

1870 25 іюля происходило знаменитое дѣло при мысѣ Чаграѣ (14 казаковъ № 8 донской батареи, 3 оренбургскихъ и 2 уральскихъ казака).

1872 Походъ въ киргизскую степь противъ батыря Исета Русанова.

1873 Оренбургскіе казаки участвуютъ въ Хивинскомъ походѣ въ составѣ Оренбургскаго и Туркестанскаго отрядовъ.

№ 1 батарея (нынѣ № 2) и три взвода № 2 батареи (нынѣ № 3) и сотни № 8 (нынѣ 2 сотня № 6 полка), 12 (нынѣ 3 сотня № 6 полка) и 17 (нынѣ 1 сотня № 1 полка) получили знаки отличія на головные уборы съ надписью: „За отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 г.“.

1875—1876 Кокандскій походъ, въ которомъ оренбургскіе казаки участвовали въ слѣдующихъ главныхъ дѣлахъ: подъ Махрамомъ, Наманганомъ, Андижаномъ, Тюря-Курганомъ, Балыкчами и проч..

№ 3 (нынѣ № 1) батарея награждена георгіевскими серебряными трубами съ надписью: „За штурмъ города Андижана 1-го октября 1875 года“, и № 1 сотня бывшаго 4 Оренбургско-уральскаго полка (нынѣ № 1 сотня 1 Оренбург. каз. полка)—георгіевскими серебряными трубами съ надписью: „За отличіе въ дѣлѣ 22 августа 1875 года“.

1877—1878 Во время турецкой войны было командировано десять полковъ, изъ которыхъ два: № 6 и № 7 (нынѣ № 7 и № 8 льготные полки) дѣйствовали въ составѣ Кавказской арміи и принимали дѣятельное участіе въ бояхъ съ турками: 1 и 2 октября при взятіи Орлогскихъ высотъ, 3 октября при пораженіи турецкой арміи на Аладжинскихъ высотахъ, 5 октября въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, 8 октября при вторичномъ обложеніи Карса, 5 и 6

Годы.

ноября передъ штурмомъ и при штурмѣ г. Карса и при блокадѣ города Эрзерума зимою 1877 и 1878 годовъ.

За отличiе въ дѣлахъ полки эти получили знаки отличiя на головные уборы съ надписью: „За Турецкую войну 1877—1878 годовъ," а чины полковъ щедро награждены чинами и орденами.

1878 Участвовали въ походѣ туркестанскихъ войскъ къ границамъ Бухарскаго ханства.

1879 Три сотни № 5 полка (нынѣ № 2) командированы сопровождать транспортъ и верблюдовъ для Ахалъ-Текинской экспедицiи.

1880 Три сотни № 5 полка (нынѣ № 2) присоединены къ Ахалъ-Текинскому отряду и принимали участiе въ военныхъ дѣлахъ съ текинцами 4, 12 и 21 декабря.

1881 Три сотни № 5 (нынѣ № 2) и 1-я сотня № 1 го (нынѣ № 4) полковъ участвовали 12 января при осадѣ и штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе.

Всѣ четыре сотни, а также и штабъ № 5 (нынѣ № 2) полка, получили знаки отличiя на головные уборы съ надписью: „За штурмъ крѣпости Геокъ-Тепе 12 января 1881 года;" офицеры и нижнiе чины этихъ сотенъ были Всемилостивѣйше щедро награждены.

1891 Посѣщенiе (20—28 iюля) Оренбургскаго войска Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

1891—1894 Памирскiе походы.

1895 Отправка первыхъ переселенцевъ въ Уссурiйскiй край. (См. приговоръ первыхъ переселенцевъ въ приказѣ по Оренбург. каз. в. 1895 года № 154).

1897 Отъѣздъ первыхъ эшелоновъ въ охранную стражу Манчжурской желѣзной дороги.

1897 Занятiе урочища Термезъ (бухарскiя владѣнiя).

1900 Китайскiй походъ. (Въ этомъ походѣ участвовали офицеры Оренбургскаго войска, командированные для пополненiя недостатка офицеровъ въ Забайкальскомъ, Амурскомъ и Сибирскомъ войскахъ, и казаки, служившiе въ охранной стражѣ Манчжурской дороги).

1904 Русско-японская война.

Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, и станицъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Сокращенныя и полныя названія печатныхъ источниковъ.

1) **Кирѣевскій.**—Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы обществомъ любителей россійской словесности. 1860—1872 г..

2) **Якушкинъ.**—Сочиненія П. И. Якушкина, изданныя въ 1884 г. Вл. Михневичемъ. С. П. Б..

3) **Мякушинъ.**—Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ. Собралъ и издалъ Н. Г. Мякушинъ. С.-Петербургъ. 1890 г..

4) **100 пѣсенъ.**—Сборникъ солдатскихъ, казацкихъ и матросскихъ пѣсенъ. Выпускъ первый. 100 пѣсенъ. Слова собралъ Н. Х. Вессель, съ голоса на ноты положилъ Е. К. Альбрехтъ. С. Петербургъ. 1875 г..

5) **Стариковъ.**—Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Составилъ Ф. Стариковъ. Оренбургъ. 1891 г..

6) **Макшеевъ.**—Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. Составилъ А. И. Макшеевъ. С.-Петербургъ. 1890 г..

7) **Гребенцы въ пѣсняхъ.**—Гребенцы въ пѣсняхъ. Сборникъ старинныхъ, бытовыхъ, любовныхъ, обрядовыхъ и скоморошныхъ пѣсенъ гребенскихъ казаковъ. Собралъ Ф. С. Панкратовъ. Владикавказъ. 1895 г..

8) **Военный лексиконъ.**—Военный энциклопедическій лексиконъ, изданный обществомъ военныхъ и литераторовъ. С.-Петербургъ. 1852—1858 г..

9) **Энциклопедія Леера.**—Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главной редакціей ген.-л. Г. А. Леера. С.-Петербургъ. 1883—1897 г..

10) **Жизнь и дѣятельность г.-м. Падурова.**—Жизнь и дѣятельность бывшаго Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-маіора Ивана Васильевича Падурова. Составилъ С. Н. Севастьяновъ. Оренбургъ. 1898 г..

11) **Трехсотлѣтіе войска Донского.**—„Трехсотлѣтіе войска Донского" А. Савельева. С.-Петербургъ. 1870 г..

12) **Уральцы.**—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. Сочиненіе І. И. Желѣзнова. С.-Петербургъ. 1888 г..

13) **Бигдай.**—Пѣсни кубанскихъ казаковъ. Москва. Дозволено печатать въ 1898 г.. Собралъ Биглай.

14) **Желѣзновы.**—Пѣсни уральскихъ казаковъ, собрали Александра и Владиміръ Желѣзновы. С. П. Б. 1899 г..

15) **Донскія пѣсни.**—Донскія казачьи пѣсни. Собралъ и издалъ А. Пивоваровъ. Новочеркасскъ. 1885 г..

16) **50 пѣсенъ русскаго народа.**—50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора. С.-Петербургъ. 1901 г.. Изданіе Пѣсенной Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.